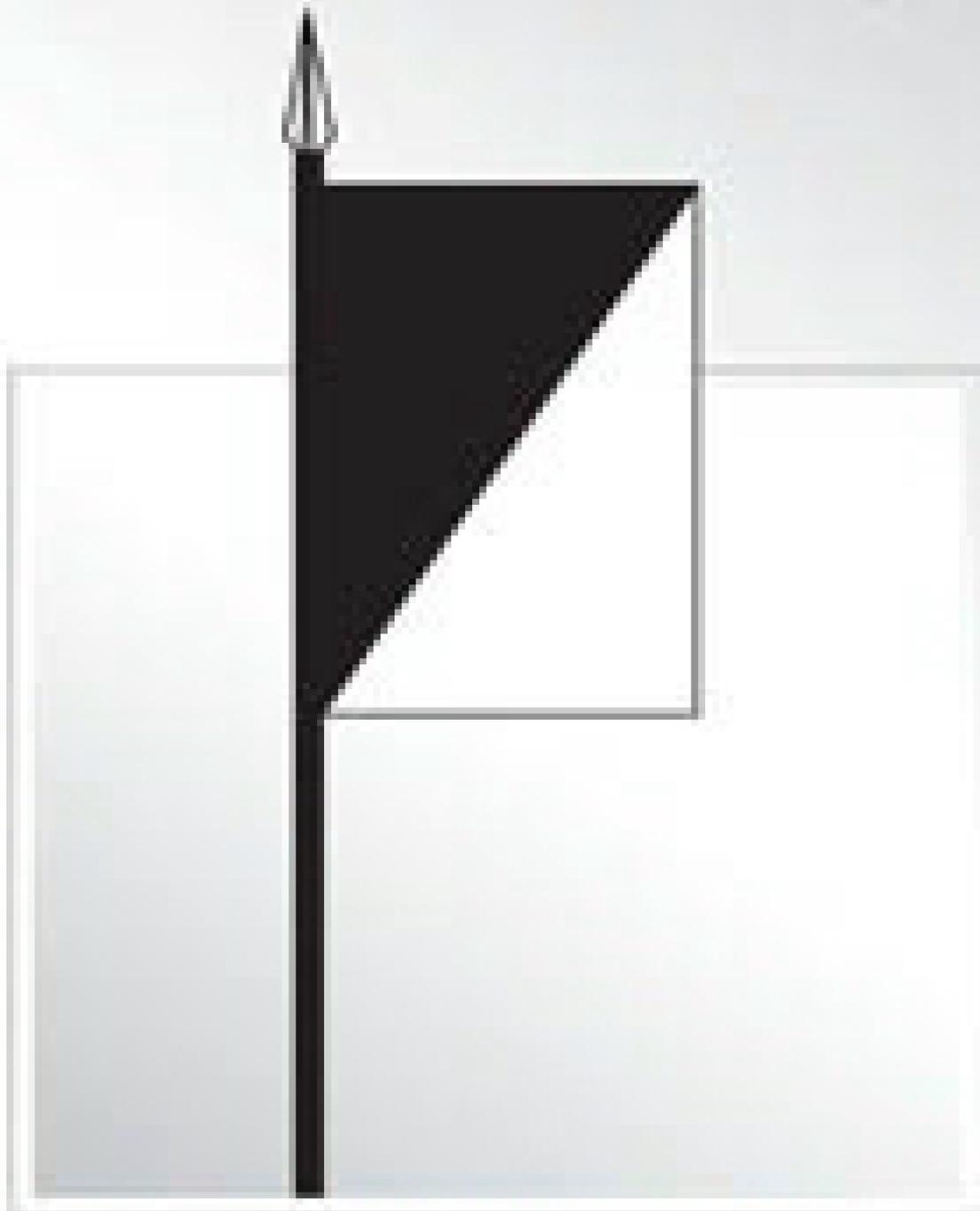

Луи Шарпантье

ГАРДАНГ

БОСЭАН ТАЙНА ТАМПЛИЕРОВ

Литература бесполкового присутствия

Annotation

Историю сакральных орденов — тамплиеров, ассасинов, розекрейцеров — написать невозможно. И дело не только в скудости источников, дело в непонятности и загадочности подобного рода ассоциаций. Религиозные, политические, нравственные принципы таковых орденов — тайна за семью печатями, цели их решительно непонятны. Поэтому книги на эту тему целиком зависят от исторического горизонта, изобретательности, остроумия того или иного автора. Работа Луи Шарпантье производит выгодное впечатление. Автора характеризуют оригинальные выводы, смелые гипотезы, мастерство в создании реальности — легенды. Если ему и не удалось развеять исторический туман, он расцветил этот туман неожиданным колоритом, головокружительным интересом, напряженными вопросами.

Луи Шарпантье

Босэан. Тайна тамплиеров

Прелиминарий

Судьба так называемых герметических дисциплин любопытна: одни вполне даже расцветают — астрология, некромантия, алхимия... Не будем говорить о качестве их расцвета. Другие совершенно неизвестны — гоэтия, дагонология — не стоит просвещать читателей, не наше это дело. Геральдика тоже относится к числу подобных дисциплин. Каких? Известных или нет? Забавный момент: геральдика присутствует в современности. Но как? Механизированный социум, порой испытывая укоры и уколы совести, начинает таскать в зубах «традицию», «народную мудрость», «уроки истории» и т. д.

Геральдика — рыцарская культура и ушла вместе с этим сословием. Довольно точно определяют, когда это случилось: во второй половине пятнадцатого века после поражений и гибели бургундского герцога Карла Смелого в войнах со швейцарскими кантонами. (Долго тут нечего растабарывать, достаточно знакомства с книгами Арнольда Тойнби и Йохана Хейзинги.)

Далее и до нашего времени наблюдается постепенное растворение сословий: дворянство еще как-то держалось, модифицируясь в английское джентльменство и прусское юнкерство, затем все уничтожил механизированный хаос.

История белой цивилизации кончилась, ибо иссякла органическая жизненная сила. Поэтому любое обращение к прошлому, любое заимствование обретает характер подражательный и пародийный. Геральдика ныне — простое и формальное начетничество для потехи «мещан во дворянстве» или вообще всякого денежного сброда.

Передача геральдических сведений сейчас, и особенно по-русски, — дело трудное. Русский геральдический язык — о нем всерьез можно рассуждать только до эпохи Романовых — изобилует малопонятными архаизмами и вульгарными латинизмами. Сейчас ситуация вообще аховая. С другой стороны, говорить о рыцарском ордена, минуя геральдику, значит, акцентировать эмоции и субъективные оценки. Попытаемся, по обычаю девятнадцатого века, употребить более или менее вразумительный жаргон.

* * *

Мы назвали книгу по истории тамплиеров «Босэан», апеллируя к военному штандарту ордена. Не впадая в геральдические тонкости, скажем только: штандарт — военный «сублим», то есть стимул атаки, и только атаки. «Босэан» — шелковой материи прямоугольник, где высота и основание соотносятся по «золотому сечению»; нессер (поле штандарта, герба и т. д.) поделен декстером (горизонтальная прямая в данном случае) на две половины: верхняя (гиперстаза) цвета беззвездной ночи, нижняя (гипостаза) цвета первого снега. Здесь, понятно, много ассоциаций профессиональных и лаических, на которых мы останавливаться не будем.

На официальных процессиях, собраниях, торжествах орден выставлял «банньер» (неправильно трактуется как «знамя»). Банньер: шелковой материи квадрат большого размера; на упомянутый биколорный нессер наложен алый крест о восьми фиах (концах), крест патриарха Иерусалима.

Воинский дивизион немыслим без штандарта или «гонфалона» и т. д. (воины, в отличие от солдат, то есть наемников, люди, посвященные в боевое искусство). Как весьма изысканно сказал Роберт де Сабле (Великий магистр Тампля, друг короля Ричарда Львиное Сердце): «Гонфалон — путеводная звезда в ночи, фонтан в жаркий день». Энтузиастический комментарий касательно гонфалона-штандарта понятен, но дело в данном случае не в этом.

В европейской символике, в отличие от японо-китайской, черное и белое соответствует моральному негативу-позитиву. Что это значит здесь? Победа или смерть. Ясно, далее этическая бинарная система, до тонкостей разработанная схолиастами — современниками Тампля. Общая схема: порок — смерть, добродетель — жизнь. Луи Шарпантье представляет бинарную систему основной у тамплиеров. Но ведь христианство пронизано манихейством с начала до конца. Все более и более разрастается образ Врага, Дьявола, Архонта мира сего. С десятого века и далее христианство превращается в религию крайне воинственную и беспощадную, в социально-политический *raison d'etre* белой расы. Акцент фразы «не мир, но меч» все более и более переезжает направо.

С десятого века и далее противоречие, противоположность, дихотомия, либо-либо — онтологический модус христианского человека. Проблема выбора, то есть ориентации, прогрессирует в неопределенность.

Когда говорят: «наше дело правое», что имеют в виду? Сторону правой, более сильной руки, право силы? Но ведь слева — сердце, традиционный источник любви и милосердия. Далее: *dexter* — прямой, правильный, правый, мужской, небесный; *sinistre* — диагональный, извилистый, левый, зловещий, женский, земной. Так? Да — при полярной ориентации, нет — при солнечной. Однако ориентаций — «словно звезд на небе». Что это значит в данном, «геральдическом», случае? Поскольку геральдика — вариант эзотерической геометрии, а следовательно, наука отвлеченная — не отдается предпочтения ни одной стороне со всеми ее ассоциативными эманациями. Поэтому «черное и белое», «левое и правое» не окрашено никакими этическими индикаторами. Но, хотя геральдика сама по себе нейтральна, разные выводы, психологические в том числе, делать не возбраняется.

Для характеристики ордена Тампля небезынтересны два предания касательно качественной ситуации биколора штандарта. Первое относится к двенадцатому веку и к легенде о Персевале. Рыцарский итинерар молодого Персевала начинается по первому снегу беззвездной ночью — он замечает три пятна крови на снегу.

В середине тринадцатого века штандарт модифицирован: *dexter* сменяется *sinistrom* — прямоугольник пересекает диагональ, предание меняется: за слепым всадником на белой лошади неотвязно следует двойник: слепой всадник на белой лошади погружается в черную реку...

«Босэан» (*Bausseant, Baussant*) — не «название» штандарта, но девиз и боевой клич. В литературе о тамплиерах много догадок насчет смысла. Однако необходимо заметить: «смысл» играет в девизе четко выраженную последнюю роль. Лучшую трактовку предложил, на наш взгляд, Торкватто Тассо в «Освобожденном Иерусалиме»: *Bausseant* в переводе на латынский с языка «ок» означает *Sancta Rosa*, Святая Роза. Любопытно: А. С. Пушкин — внимательный читатель Тассо — в замечательном стихотворении о тамплиере (?) «Жил на свете рыцарь бедный» дал именно *Sancta Rosa*. Тамплиеры и Данте так называли Прекрасную Даму.

Е. Головин

Босэан. Тайна тамплиеров

1. Орден Тампль и его тайна

Меж Сеной и Об, во влажном краю Шампани, в двадцати километрах к востоку от Труа, лесной массив с любопытным названием Форед' Орьян.

Ориенс— одно из имен бога солнца, но что делать латинскому божеству в стране древней кельтской традиции, где у местностей гэльские имена?

Когда-то внушительной протяженности лес, да и сейчас занимает тысяч двадцать гектаров: теперь этот лес разлинован дорогами, но еще лет сто назад доносился оттуда волчий вой.

Здесь тяжелый суглинок ранее называли «гастиной»: вода быстро впитывается, неохотно высыхает, пустыковый дождь — и вязкая грязь на пригорках, болото в низине, топкий ручеек трудней перейти, нежели речку или поток.

Натуральные пруды и озерца по-гэльски — «морги», к примеру, лесной «морг», луговой «морг», — где обитают «дамы», то есть феи — самая знаменитая фея Моргана, фата-моргана, королева утренней зари...

Одно озерцо названо Арго — от Ar-Goat (страна деревьев): у окрестных лесорубов, плотников, углежогов долго бытовали старинные словечки их мастерства.

Река Барса, что змеится среди болотистых луговин, чьи воды кажутся белыми от известковых почвенных отложений, звалась в старину «Белой Вуиврой», Gvan-W"evre, и наверняка дала название селению Вандевр.

Бель-Гиз, ферма в лесу, гэльское Belen-Gwic, — там приносились жертвы Беленосу — божеству кельтов...

На реке Барсе, близ резервуара, выкопанного для стока почвенных вод, деревня Лузиньян, где обитает фея Мелузина, «гений» семьи Лузиньян, которая при желании может охорашиваться в новом водоеме.

И в этом Форед' Орьян, словно зародыш в зерне, словно замок спящей красавицы в терновнике, затаился Форедю-Тампль, «лес Храма» с «домом лесничего Храма», «торной дорогой Храма», «ручьём Храма», «птичьим источником», «рощей Шпоры», где не отыщешь сей кавалерийской штуковины, «рощей Адмирала» без всяких намеков на адмиралтейство...

В этом «внутреннем лесу» десятки древних плотин напоминают об искусственных прудах, когда-то полных, ныне высохших, вырытых для кого? Для рыбаков?

Зачем искусственные водоемы в краю, где сколько угодно обычных прудов, где нити заболоченных речушек образуют весьма неуютный лабиринт?

Для защиты, быть может? Или искусственные пруды акцентируют болотистую почву.

Убежище? Для кого?

К Форед' Орьян подступают фермы на выкорчеванных участках, некоторые врезаются глубоко в западную сторону, в земли Ларривур, где находилось одноименное цистерцианское аббатство, его амбары, риги и прочие хозяйственные постройки.

За исключением цистерцианских, фермы в лесу или неподалеку, судя по характерным признакам, принадлежали тамплиерам. Это подтверждают орденские картулярии.

Фермы, кузницы, всякого дела мастерские буквально окружали лесной массив — дабы попадали только свои — тамплиеры или цистерцианцы. По крайней мере, приходилось пересекать их земли.

На лесном окоеме бытовало скромное командорство ордена Святого Иоанна под названием *Commanderie de l' Orient*, ныне известное как «ферма Госпиталья».

Но вообще фермы и постройки зависели от командорств тамплиеров — Бонль, Бовуар, Ньюизман и т. д., — удаленных на несколько километров, которые вторично опоясывали Форэ-¹ Орьян. Эти командорства подчинялись двум «бейли» — «Тору» и «Пейенсу», расположенным далее к востоку и западу от лесного массива.

Эти два «бейли», в свою очередь, связывались командорствами и фермами — Труа, Менуа, Монсо, Витри и т. д. Третий пояс.

Третий пояс захватывал Пейенс — родовое поместье Гуго де Пейенса, основателя и первого великого магистра ордена; Труа — резиденцию графа Гуго де Шампань, чья история непосредственно относится к созданию Тампля: он покинул графство и присоединился к первым шеваляе; Клерво — цистерцианское аббатство Святого Бернарда, автора «Устава» и вдохновителя миссии ордена.

Устав он предложил на соборе, созванном по этому случаю.

Итак: в междуречье Сены и Об следует искать корни таинственного, могущественного, надменного ордена Храма; по словам Мишле, падение этого ордена — самый серьезный катаклизм цивилизации Запада.

Святой Бернард основал «шевальерию», чей непрременный долг — «освободить». Какой злой рок обратил аббатство Клерво в тюрьму, в централ, где в грязи и струпьях издыхали заключенные? Запоздалая месть?

Следа не осталось от тамплиеров Труа, кроме смиренного девиза на церковной плите в Пон-Сент-Юбер:

Non nobis, domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam. («Не для нас, Господи, не для нас, но во славу имени Твоего».)

Следа не осталось от первого командорства Тампля на Западе, сооруженного заботами Гуго де Пейенса: только насыпь от невзрачного замка-мануара близ рукава Сены, только бугор на краю поля современной фермы, где, по преданию, возвышалась угловая башня, донжон Гуго де Пейенса.

По преданию, меж двух замковых башен, напротив двери командорства, у «вяза брата Андриэля» (вяз — сакральное дерево кельтов), собирались компаньоны-строители, прямо перед церковью, фундамент коей сохранился. Впоследствии церковь реконструировал мальтийский орден, и, что интересно: церковь, аналогично собору Шартра, что на той же параллели, имеет выраженный наклон к северу.

Первое командорство разрушили уже в пятнадцатом веке, бесследно исчезла капелла шеваляе... Странное дело: фундаменты, даже здания многих командорств остались до наших дней в довольно приличном состоянии...

Разрушали настойчиво, систематически... Уничтожали какие-нибудь следы? Искали спрятанное сокровище?

В окрестностях, понятно, блуждали слухи о подземных ходах, связующих замок с ближайшими деревнями, ведущих под руслом Сены до Труа, до командорства Бонлье неподалеку от Фор-д' Орьян.

Поговорим об основателях. Гуго де Пейенс, Гуго де Шампань, Бернард из Клерво. Гуго де Пейенс, первый Великий магистр ордена Храма, родился в Пейенсе где-нибудь в 1080 году. Он занимал должность при доме Шампань и, верно, весьма значительную, судя по его подписям на двух важных актах графа де Труа. На одном (21 октября 1100 года) Hugo de Raenz; на другом Hugo de Raenciis.

Считается, он участвовал в первом Крестовом походе под штандартом графа де Блуа де Шампань, вероятно, лично знал Готфрида Бульонского, двух его братьев — Бодуэна и Эсташа де Булонь, и кузена — Бодуэна дю Бурга, графа Эдесского, будущего Бодуэна II короля Иерусалима. Это весьма важно, если учесть поддержку и благоволение данных персон в последующем развитии событий.

Считается, он вернулся на Восток в 1104 или 1105 году, сопровождая Гуго де Шампань.

Имел жену и сына. Этот сын, Тибо де Паанс стал аббатом цистерцианского монастыря Сент-Коломб-де-Санс. Известно даже о затруднениях сына касательно заклада собственности аббатства — золотой короны, украшенной драгоценными камнями, и золотого креста работы, по слухам, святого Элуа — заклада, необходимого для участия во втором Крестовом походе.

В 1118 или 1119 году девять шевалье, «пребывающих в страхе Божьем», под водительством Гуго де Пейенса представились Бодуэну II, который после коронации решил организовать защиту дороги паломников от Яффы до Иерусалима.

Король отвел гостям флигель своего дворца вблизи территории Соломонова Храма. Каноники Гроба Господня равно уделили участок земли на этом месте.

Гормонд де Пикиньи, патриарх Иерусалима, принял от шевалье три обета: бедности, целомудрия, послушания. И, согласно месту пребывания, их нарекли «шевалье Храма».

Это история официальная и вполне достоверная. Продолжение логично: их бедность достойно вознаградили, они разбогатели и обзавелись сторонниками.

Однако в числе девяти шевалье, о чем не особо упоминает официальная история, был Андре де Монбар, дядя святого Бернарда, к тому же в 1125 году к ним присоединился Гуго, граф де Шампань. И не связаны ли с этим любопытные обстоятельства?..

Граф де Шампань, персонаж очень небезынтересный, родился в 1077 году от Тибо III де Блуа де Шампань и Алекс де Валуа. В 1093 году получил Шампань в наследственное владение. Не принимал участия в первом Крестовом походе, однако отправился в Палестину приблизительно в 1104 или в 1105 году и вернулся в 1108.

По возвращении он познакомился с цистерцианцем Этьеном Хардингом, аббатом Сито. И хотя монахи этого ордена предпочитали созерцательность учености, Хардинг посадил их за расшифровку сакральных еврейских текстов, что немало удивило аббата Вакандара в его книге о святом Бернарде. Неуверенные исследователи пользовались помощью ученых раввинов Верхней Бургундии.

В 1114 году Гуго ненадолго вернулся в Святую землю и по возвращении — в 1115 году — предложил Хардингу и его ордену участок в лесу Бар-Сюр-Об для возведения аббатства.

Хардинг поручил это дело молодому Бернарду де Фонтен, который подобрал двенадцать монахов — одного даже рекомендовал Святой престол — и занялся сооружением аббатства Клерво.

Ничто не мешает предположить: граф Гуго де Шампань привез и доверил Этьену Хардингу некие столь важные документы, что аббат решил не только подготовить своих людей к трудной расшифровке, но и призвал эрудитов региона независимо от религиозной ориентации.

Далее: второй, более короткий, вояж граф предпринял для проверки сведений. И в результате такой верификации человек столь значительный, как Бернард де Фонтен, построил новое аббатство на землях графа в Шампани.

После устройства в Клерво Бернард де Фонтен в возрасте двадцати пяти лет начал авторитетно влиять на политику Запада.

Далее граф де Шампань повел себя не менее удивительно. Он планировал вернуться в Святую землю не пилигримом или воином, а с намерением вступить в орден госпитальеров Святого Иоанна Крестителя, который в Палестине поддерживал паломников и помогал им.

Граф де Шампань, крупный сюзерен, один из первых сеньеров Франции, чьи владения превышали королевские, вдруг почувствовал неутолимое стремление заботиться о больных паломниках. Странно, не правда ли? Для спасения души хватило бы и аббатства Клерво.

Если его возбуждало солнце Яффы, следовало двинуться на сарацинов во главе своих вассалов и воевать до победы или гибели.

Если его притягивала любовь к некой прекрасной мусульманке, зачем вступать в полумонашеский орден госпитальеров?

Война, любовь не причем. Быть может, именно там, на Леванте, таилось нечто экстраординарное? Важная загадочная миссия?..

Женатому человеку нельзя вступить в орден госпитальеров. Требовалось согласие жены уйти в монастырь, от чего та категорически отказалась.

В Палестину поехал Гуго де Пейенс.

И что же? В 1125 году Гуго де Шампань разом отказался от графства, жены, ребенка и присоединился к девяти шевалье на месте бывшего Храма Соломонова.

Охранять дороги паломников?

Вряд ли.

Тяга к Святой земле, колебания, отречение от благ мирских — все это заставляет предполагать ослепительный замысел.

Поиск и завоевание Грааля? Быть может.

Бернард из Клерво — третий основатель, один из самых экстраординарных людей Запада, «божий сверхчеловек», недоступный обыкновенному пониманию.

Родился в 1090 году близ Дижона в замке Фонтен. Мать его Алет де Монбар — родственница герцогов бургундских.

Послушание в церкви Сент-Ворль, что в Шатийон-сюр-Сен. Рассказывают презанятную историю, пусть даже аллегорическую.

Деревянная статуя Богородицы в этой церкви почернела от времени больше, чем от солнца. Удлиненное лицо, большие спокойные глаза, щеки — не слишком полные, не слишком впалые, кожа коричневая — то ли от времени, то ли по замыслу скульптора, у груди — младенец Христос.

Черная Дева, несомненно.

Согласно легенде, пребывая на молитве, Бернард попросил:

«Monstra te esse matrem...» (Яви материнство свое...)

Дева сдавила грудь, и три капли молока увлажнили губы Бернарда.

Алхимическая аллегория? Удостоенный «молока Черной Девы», вкусил ли он от источника традиции друидов? На вопрос об учителях он как-то ответил: учился у дубов и буков. Эти деревья были у друидов в большом почете. Остается лишь терновник...

Получил ли Бернард посвящение перед постригом в монастыре Сито? Сие неизвестно, однако известно его чрезвычайное влияние на людей. В Сито он привел тридцать единомышленников, среди них — пятеро его братьев и дядя — *брат матери*. Может, это был Андре де Монбар из девяти шевалье, впоследствии сенешаль Тампля и даже Великий магистр, по мнению Марион Мельвил?

Бернард вступил в цистерцианский орден под начало Этьена Хардинга. В 1115 году основал Клерво в лесу Бар-Сюр-Об и дал ориентир Западу. Это не преувеличение: короли, папы, епископы, вассалы короны, аббаты от Ключни до Сен-Дени почитали болезненного с виду монаха и склонялись перед ним, спокойным и беспощадным...

«Божье дело — мое дело, — говаривал он, — ничто Божье не чуждо мне».

Он находил это в порядке вещей. Никто и не думал ему противоречить.

Ничего запутанного в доктрине, ничего уклончивого в христианизме.

Ревнитель культа Марии, он впервые ввел обращение «Наша Дама» (Notre-Dame). Ханжей и начетчиков обзывал «лягушками кропильницы».

«„Наша Дама“ — не мадам Иосиф, но жена Слова, коей глупость не приличествует», — рассуждал он, намекая на нелепость непорочного зачатия.

Был ли он магом? Если да, то в самом возвышенном смысле. Даниэль Ропс в «Святом Бернарде» писал: «Бог наделил его могуществом почти сверхъестественным, современники считали его томатургом».

Этот скромный невысокий монах, казалось, знал все на свете. Постоянно в делах и разъездах, он тем не менее не забывал давать превосходные советы насчет обработки земли в аббатстве.

На его руках в 1148 году скончался святой Малахий (Мэл О' Моргар, ирландский архиепископ), другой «странник Слова», автор знаменитого «пророчества папам», за которым Бернард признавал замечательный дар предвидения.

Бернард из Клерво «сделал» Тампль, *наделил* *знанием*

миссией, — так сказал на процессе тамплиеров один из братьев ордена в пиететно-защитной речи.

Знание, миссия всегда оставались сокрытыми, однако, на мой взгляд, исторические факты и события обнажают их столь ясно, словно вырезают в камне.

Из девяти шевалье, представленных королю Иерусалима, по крайней мере двое весьма близки святому Бернарду: Гуго де Пейенс, начальник миссии, «мой возлюбленный Гуго», его сосед и придворный графа де Шампань; Андре де Монбар, его дядя, вполне вероятно, цистерцианец.

«Монах чурается меча» — выражение спорное, к примеру, цистерцианский монах предпринял в

Испании защиту Калатравы и стал первым Великим магистром одноименного военного ордена...

В числе девяти шевалье — некоторые известны только по именам — безусловно, были монахи...

Фламандцы — Годфруа де Сент-Омер, Пейен де Мондидье, Аршамбо де Сент-Аман — принадлежали, очевидно, к свите Эсташа де Булонь. Этот последний, направляясь в 1118 году за короной Иерусалима, проезжал через Шампань. Весть о коронации кузена Бодуэна дю Бург застала его в Пуьи. Прекратив поездку, он тем не менее разрешил приближенным отправиться далее, за море.

Характер миссии определился, весьма вероятно, за время пребывания Эсташа де Булонь в Шампани — ведь поддержка предполагаемого короля Иерусалима многого стоила...

Поговорим о миссии.

2. Ковчег Завета

В «Тайнах собора Шартра» я упоминал: вряд ли Бернард из Клерво послал своего дядю Андре де Монбара и Гуго де Пейенса охранять дороги. Вряд ли по этой причине Эташ де Булонь отпустил придворных. Вряд ли из-за этого Гуго де Шампань оставил графство и в 1125 году присоединился к девяти шевалье в Храме Соломоновом.

Поскольку в таком случае проще помогать госпитальерам Святого Иоанна.

Шевалье, впрочем, согласно обещанию, наблюдали за безопасностью дорог и продолжали наблюдать, даже когда Тампль обрел влияние и могущество.

Если исключить протекцию над дорогами, они жили скорее монахами, нежели шевалье.

Позже, когда орден собрал армию в Палестине, задача определилась удовлетворительно: охрана Святых мест. Однако от 1118 до 1128 года об этом речи быть не могло.

Поскольку они вообще не участвовали в сраженьях. И все-таки...

В 1118 году, только-только начал править Бодуэн II, крестоносцам объявил войну атабег Дамаска: напал на Галилею, разорил Тивериаду, поддержал Фатимидов в Аскалоне. Египет равным образом ополчился на франков: сосредоточил флот в Тире, послал армию в Аскалон.

Бодуэн освободил Тивериаду, однако в 1119 году пришлось защищать Антиохию от Эль-Гази, собирать силы против угрожающей Апамее турецкой армии. Кампании одна за другой: в 1120 году снова против Эль-Гази; в 1121–1122 против Северной Сирии; в 1123 году короля Бодуэна взяли в плен, заключили в крепость Карпут, где его освободили армяне; снова плен, и освобождение за выкуп. В 1124 году в союзе с бедуинами крестоносцы осадили и годом позже захватили Алеп. В том же году король Бодуэн рассеял мусульманскую коалицию и двинулся на Дамасский эмират.

Вполне достоверные исторические факты.

Девять шевалье охраняли, быть может, пути паломников.

Несмотря на военное время, не принимали участия в сраженьях и не рекрутировали никого.

Приехали, надо думать, не за тем...

Они остались одни на территории Храма Соломонова. Разбирали завалы подземных конюшен. Самое дело для бедных шевалье, настолько бедных, что, согласно легенде, усаживались вдвоем на одну лошадь! Сие изображено на печати Тампля, имеющей, вполне возможно, иные значения.

Остается предположить: девять шевалье прибыли в Палестину не только для присмотра за дорогами, но за объектом важным и священным, сокрытым на территории Храма: Ковчегом Завета.

Легенда о Ковчеге — легендарная история, скорее история, чем легенда. Такого рода легенды предваряют каждую эпоху — трансмиссия тайных манускриптов или еще каких-либо объектов одной цивилизации другой.

Я сотворил вселенную Мерой, Числом, Весом — сказано в Библии. Следовательно, есть общий физический закон мироздания, который наука знает едва-едва. Объять этот закон — вот мечта исследователей и ученых, хотя такое вряд ли по силам простому разуму человеческому. Быть может, индивиды особо интеллектуальные, сенситивные, интуитивные либо из мира иного способны преуспеть в изучении этого вселенского закона.

«Ключи» так или иначе передавались, что никак не отражалось на повседневности, ибо нельзя

обыкновенных людей наделять подобным могуществом: «ключи» предназначались посвященным.

Эти «ключи» всегда символизируют золото.

К примеру, «золотое число» разрешает геометрический переход от прямой до кривой линии, от земли к небу, однако пользоваться этим ключом умеют немногие.

«Золотое колено» используется аналогично. Только надо читать не «Genou d' Or», но «Gonios d' Or» — «золотой угол» — отсюда, несомненно, легенда о «золотом бедре» Пифагора...

«Золотые яблоки» Гесперид, «золотое руно», «золотая сеть волос», по преданию, заброшенная в «Гарагай» Гуго де Сент-Виктора.

Иногда инициатический ключ символизируют изумрудом: этот камень блистал на челе Люцифера и, в процессе падения князя тьмы, попал в земной рай — из этого камня вырезана чаша Грааля.

Упомянем изумрудную скрижаль Гермеса Трисмегиста...

«Золотые яблоки» похитил Геракл у дочерей Атласа в садах Гесперид на крайнем западе, в борьбе с драконом и титаном Антеем. Место, имена (Атлас, Антей) ассоциируются с Атлантидой.

Золотое руно: Язон, Медея, греки против этноса Кавказа, где прикован Прометей за похищение небесного огня.

Всегда конфликт, всегда похищение. Затем возникает цивилизация.

Мы знаем по легендам несколько подобных событий, наверняка их было больше.

Древний Египет. Очень возможно, его вошедшая в поговорку мудрость явилась неожиданно, спонтанно. Скрижали Закона, возможно, похищены Моисеем — этим логично объясняется преследование евреев и попытка фараона их задержать.

Каменные Скрижали покоились в инкрустированном золотом ларе — Ковчеге.

Но постигли ли евреи Скрижали Закона? Соломон, *знарок всей мудрости Египта*, из-за ошибки архитекторов послал за помощью к царю Тира, дабы построить свой монумент.

Хотя Израиль не создал своей цивилизации, две другие, мусульманская и христианская, вышли из Библии, владели Иерусалимом — местом Скрижалей Закона.

Два идентичных феномена: расцвет ислама после взятия Иерусалима; расцвет Запада после аналогичного события.

Арабская цивилизация — любопытная странность: пастухи-номады, внезапно превращенные в строителей. И если мусульманские архитекторы почти все появились из Персии, то чем объяснить внезапную эволюцию агрикультуры, медицины, математики, алхимии?

Христианский научный взлет менее внезапен, поскольку имелись определенные основы, унаследованные от Греции, Рима, Византии, к тому же через Испанию распространилось арабское влияние. Но Крестовые походы начали новую эру.

После этих походов мусульманская цивилизация распалась.

Та же участь постигла христианскую — после потери Иерусалима и разрушения Тампля.

После всего этого в странах исламских, равно как на Западе, цивилизация коллективного порыва сменилась работой и достижениями индивидов.

Заметим: мусульмане «прогрессировали» с помощью ученых евреев, равно как и Запад, — медицина

развилась под влиянием сугубо еврейским.

Для чтения Скрижалей Закона — шифрованных книг Моисея — необходим каббалистический ключ. Еврейские каббалисты знали искусство транскрипции этих книг в числа и «формулы».

Вряд ли великодушием единым объясняется мусульманское покровительство ученым евреям; вряд ли из благородных побуждений папы — бенедиктинцы и цистерцианцы — защищали «своих евреев» (из таковых впоследствии вышел Нострадамус); не только простая человечность повелела Бернарду из Клерво взять посох и пойти остановить погромы за Рейном.

Если дело обстоит так, — а я, понятно, не могу представить доказательств, — это объясняет определенную идентичность, независимую от различных форм, обусловленных местом и временем, идентичность мер и пропорций монументов Древнего Египта, некоторых мечетей, некоторых готических соборов.

Скрижали Закона — «формула вселенной» — вышли из Египта — таково мое предположение. Пирамиды — компендиум космической науки — так считает аббат Моро, астроном и математик, которого трудно назвать профаном или игнорантом. Если создатели соборов имели Скрижали — и в пропорциях Шартра отражены параметры земной сферы, никак не соответствующие уровню сведений эпохи, — то моя теза не покажется слишком экстравагантной.

В этом смысле Грааль всегда рассматривался «средоточием знания» — будь то сосуд или камень. Обладая Скрижалями Закона, девяти шевалье святого Бернарда следовало начать поиск Грааля.

3. Собор в Труа

Шевалье вернулись в Шампань в 1128 году.

На соборе в Труа их было пятеро по меньшей мере: брат Андре — Андре де Монбар — в сопровождении еще одного шевалье направился к папе с посланием Бодуэна II.

В Святой земле остались трое, включая Гуго де Шампань. Маловато для охраны дорог. Быть может, после завершения миссии надлежало навербовать людей?

Завершилась ли миссия доставкой Ковчега? Трудно сказать. Если миссия не удалась, почему большинство вернулось? Эскорт?

Сведений на этот счет нет и не может быть, но... Для возведения готического собора (см. мои «Тайны собора Шартра») необходимы познания исключительные не только природы мироздания, но и сокровенной сути человеческой.

Ослепительную сублимацию ордена Тампля не объясняет ли обладание Скрижалями Закона?

На скромном барельефе северного портала собора Шартра надпись: *Nic dimittitur Archa Cederis*. И в легенде Грааля: «Периль построил для Грааля храм, напоминающий Соломонов».

И собор в Труа.

Никогда при учреждении орденов не затевали чего-либо подобного. Это идея святого Бернарда: созвать в Труа в 1128 году собор. В Труа, близ Пейенса, близ Клерво, на землях Шампани.

Это более чем основание ордена среди других, это прокламация, вызов.

Более того: это попытка вовлечения Церви вообще, организация не просто клерикального, но универсального ордена.

И попытка наложения табу, которое нельзя нарушить безнаказанно.

(Во время процесса в своей защитной речи брат Амори обратил к Богу следующие слова: «Твой орден был основан благословенным Бернардом, дабы возвеличить Преславную Деву Марию»).

Гордые слова брата Амори продиктованы, вероятно, сознанием значения миссии.

Собор состоялся в городе графа Тибо, племянника графа де Шампань. Бернард обратился к нему в такой манере: «Вам надлежит проявить покорность легату и соответственный энтузиазм, поскольку он выбрал ваш город для проведения столь великого собора. Вам надлежит проявить сочувствие и понимание принципов и резолюций, которые легат сочтет необходимыми в интересах добра и справедливости».

(Подобный тон свойствен Бернарду даже с папой.)

Обращение такого рода свидетельствует: «принципы и резолюции» имеют непосредственное отношение к Шампани, к новому регламенту под непосредственной протекцией графа. Покорность и энтузиазм будут впоследствии достойно вознаграждены, поскольку тамплиеры получают в этой провинции много привилегий и материальных благ. И прежде всего, юридически подтвержденное монопольное право на междуречье Сены и Об, включая Форе-д'Орьян.

С каким «багажом» прибыли шевалье на собор в Труа? Отдали ли они на хранение в Сито или Клерво «документы» — Скрижали Закона или копии таковых? Неизвестно. Но поскольку на собор пригласили

гостей избранных, надо полагать, им решили показать нечто, достойное внимания.

Легат папы, епископы Орлеана, Труа, Реймса.

Бернард, аббат Клерво; Рено де Семюр, аббат Везле; Этьен Хардинг, аббат Сито; Гуго де Масон, аббат Понтины; Ги, аббат Труа-Фонтен; Юрсион, аббат Сен-Дени-де-Реймс; Эрбер, аббат Сент-Этьен-де-Дижон; Ги, аббат Молема. Все из цистерцианцев и бенедиктинцев.

Светские гости — граф де Шампань, граф де Невер.

Гуго де Пейенс изложил замысел создания ордена монахов-воинов, начиная с группы его компаньонов по Храму Соломона. Присутствующие попросили Бернарда из Клерво огласить устав.

К сожалению, никогда не акцентировали внимания на прелиминариях устава, где, на мой взгляд, говорится об успехе первой миссии. Тон торжественный, словно *Te Deum*:

«В трудах праведных и удачливых с нами Господь (*Damedieu*) и Спаситель наш Иисус Христос, который вызвал друзей своих из Святого Града Иерусалима в область пограничную Франции и Бургундии. Дружья оные положили душу свою Богу ради истинной веры и нашего блага...»

В трудах удачливых:завершенное предприятие.

Damedieu: Domine Deus, согласно латинскому тексту, или *Notre Dame*? Цистерцианцы, как и тамплиеры, отличались особенным почитанием Божьей Матери. Они, собственно, посвящены Деве. Однако «Наша Дама», что одарила святого Бернарда своим молоком, не совсем «избранная Дева». Возможно, здесь кроется будущее обвинение в ереси.

С нами:шевалье вызваны. Значит, миссия выполнена.

В область пограничную:то есть в Шампань — вне юрисдикции французского короля и бургундского герцога.

Устав, продиктованный святым Бернардом, по сути — цистерцианский, что не удивительно. Новым шевалье предлагается белое одеяние (такое у цистерцианцев, но также у левитов — хранителей Ковчега). Однако есть серьезное отличие: параграфы устава куда ближе правилам послушников, нежели монахов.

Цистерцианские монахи давали обеты целомудрия, бедности, стойкости в вере, тогда как послушники (тамплиеры, в данном случае) — целомудрия, бедности, повиновения.

...Тамплиерам должно коротко стричь волосы и, в отличие от монахов обыкновенных, оставлять бороду. Подобно послушникам, тамплиеры не подвергаются особым строгостям монастырского устава, перед принесением обетов им необходимо пройти предварительный новициат.

Итак, судя по духу устава святого Бернарда, неопитам предстоят лаические задачи, поскольку ордену надлежит действовать в миру.

Только после прохождения новициата шевалье принимаются в лоно Церкви. Посему, даже после обетов патриарху Иерусалима, Гуго де Пейенс подписывался как мирянин.

Итак, правила не сугубо монастырские, ибо создавался военный орден. Полагают, Бернарду из Клерво хотелось возродить кельтские традиции, структуру секретов и «табу» кельтских орденов.

Новая организация действительно несколько напоминает «Красную Ветвь» и фениев.

Чего стоят эти чисто «бардические» триады?

Шевалье принимают бой, даже если еретиков трое против одного.

В случае нападения христиан должно дожидаться третьей атаки.

Нарушение долга карается тремя ударами бича.

Триады распространяются и на обыденную жизнь.

Мясо не более трех раз в неделю, в остальные дни — постная трехразовая трапеза.

Причащаются три раза в год, месса прослушивается три раза в неделю, раздача милостыни три раза в неделю.

«Кельтские» особенности нового ордена объяснимы: вне Святой земли орден располагался на бывших кельтских территориях.

Похоже, святой аббат, одаренный молоком Черной Девы, воспитанник дубов и буков, друг О'Моргара, решил привить ветвь шевальерии к древнему кельтскому стволу.

В благодарность за гостеприимство земли друидов.

Из любви к экзотике или еще из каких соображений одно время считали Восток источником всего инициатически-ценного и полагали тамплиеров чуть ли не учениками исмаилитов горы Ансари. «Горный старец» — шейх эль-Джебел возбуждал воображение. «Асасси» превратились в «асассинов» (убийц) на манер «барбузов» — киллеров полицейских романов. Заодно «асассины» превратились чуть ли не в учителей и парагонов шевальерии.

Все это не имеет отношения к тамплиерам и к истории их пребывания в Святой земле.

Не существовало в мусульманском мире ничего похожего на шевальерию Тампля (кроме военной дисциплины, возможно) и на статус военно-религиозного ордена.

Военные группы, особенно у суфиев, входили в секту равно с теологами, мудрецами, учеными. Военное братство тамплиеров, по крайней мере орденский центр, составляли монахи. Не воины, при желании могущие стать духовными лицами, но воины призванием святым...

Хотя куртуазность — не специальная добродетель шевальерии, отношения тамплиеров и мусульман во время довольно редких перемирий отличались политесом и респектом — надо учесть, в ту эпоху не знали расовой или национальной розни, исключая Верхнюю Германию.

Вероятно, простая вежливость порой переходила в дружбу, но это еще не повод для далеко идущих выводов некоторых историков.

Да и что особенного, если христианские воители по возвращении на родину привозили восточные украшения, обычаи, рецепты блюд?

И разве не доставляли нам из Северной Африки нечто подобное? И разве стоит расценивать любителя кускуса или мешуа как посвященного в коранический эзотеризм?

В любопытной поэме «Шевальерия» (XIII век, пикардийский диалект) рассказывается, как в 1187 году Гуго Тивериад познакомил Саладина с канонами рыцарства. Имеет ли смысл рассуждать о восточном происхождении шевальерии?

Очень вероятны контакты тамплиеров и суфиев. Равно вероятна трансмиссия тех или иных эзотерических знаний.

Что это доказывает?

Христианские и мусульманские братства строителей также могли контактировать, и не только

профессионально. Все это не меняет сути дела. Устав святого Бернарда определил шевальерию Тампля без всякой подсказки с Востока.

Курьезный момент: в ориентализме почему-то всегда обвиняли Тампля, подобные упреки никогда не адресовали иоаннитам, хотя они раньше прибыли на Восток и благодаря менее жесткой дисциплине могли более тесно общаться с мусульманами.

Богатым — богатство, верно, однако инициация Тампля слишком основательна — вряд ли все это досталось от посторонних «учителей».

Тампля и светское рыцарство появились приблизительно одновременно: фундаментальный акт цивилизации, если учесть варварские нравы дворянства.

Кавалерия превратилась в «шевальерию» под влиянием эпосов и сказаний, равно как сочинений бенедиктинцев. Одновременно развились ремесла, коммерция, агрикультура.

Касательно военной целесообразности ордена святой Бернард писал Тибо де Шампань: «Меч тебе дарован для защиты слабых и обездоленных...» Миссию Тампля напоминает апостроф приора Англии Генриху III Плантагенету: «Повелеваешь, пока справедлив!»

Нечто вроде «кодекса служения» вне вассальных отношений циркулировало в дворянской среде. В сказках, легендах, притчах излагалась идея посвящения, «новициата», очередности испытаний моральных и физических. Посвящение в рыцари завершалось обрядом «ночной стражи во всеоружии».

В принципе, чаще всего только в принципе, новый шевалье способен «оседлать кобылу» (омоним: *cabale* — кобыла, каббала), то есть понимать язык и символику геральдики.

Вступление в цеховое братство также сопровождалось рядом испытаний, освоением терминологии, выраженной в символах, ребусах, анаграммах, музыкальных невмах.

Обряд и сопутствующие явления перевернули социальный хаос, именуемый «высоким Средневековьем». Это был извечно присущий людям поиск логической структуры бытия.

Святой Бернард, надо полагать, хотел сделать Тампля связующим центром, организатором, арбитром новой активности.

Но для этого необходимо иметь влияние, силу, богатство, что так или иначе оговаривается в уставе.

Богатство предполагалось изначально.

Земли, постройки, люди — наемные и крепостные, — церковные доходы.

Разумеется, духовенство свободно распоряжалось доходами церковных угодий.

В Тампле ситуация иная.

Никто не располагал средствами без санкции капитула.

И здесь были свои тонкости.

Капитул действовал в интересах ордена, но члены капитула не имели права тратить на себя.

Шевалье не просил пощады на поле битвы (как и в кельтской «Красной Ветви») и, попав в плен, не предлагал выкупа: «ни камня, ни горсти земли».

Попадая в плен, тамплиеры, за редким исключением, честно соблюдали параграф устава.

Однажды пленный Великий магистр объявил: предлагаю пояс и кинжал. Он хотел сказать: обещаю не сражаться против вас.

Когда другого Великого магистра освободили под его слово, ему пришлось сложить оружие и стать «великим визитором».

От хрониста Жуанвиля известен такой эпизод: когда святой Людовик угодил в плен под Мансурахом, за него потребовали огромную сумму, которую невозможно было тотчас собрать. Но король Франции — это король Франции. Жуанвиль обратился к трезорьеру Тампля в городе Сент-Жан-д' Акр с просьбой о помощи. «Не имею права без санкции Великого магистра, — отвечал трезорьер, — но у меня нет возможности защищаться, и я уступлю грубой силе».

Жуанвиль поднял алебарду, трезорьеру ничего не оставалось, как отсчитать выкуп за короля.

В этой шутке есть доля серьезности касательно строгой регламентации денежных средств ордена.

Святой Бернард хотел видеть орден богатым и богатым неисчислимо.

После основания Тампля Бернард препятствовал цистерцианским аббатствам приобретать земли, постройки, людей.

Подобное всячески обходилось, но факт знаменательный: аббат Клерво хотел ограничить богатство и влияние клерикального духовенства в пользу военно-монашеского ордена.

Богатый орден, бедные шевалье — это имелось в виду с самого начала. Любопытная амбивалентность. Вряд ли Гуго де Пейенс страдал особой бедностью или, к примеру, Годфруа де Сент-Омер, который отказал Тамплю обширные земли из своего феода. Да и Пейен де Мондидье, Аршамбо де Сент-Аман, не говоря уже о графе Гуго де Шампань, были состоятельными людьми.

Это не бедность, но отказ от собственности. Обездоленный, понятно, вызывает сочувствие. И *надо*, чтобы орден богател.

Такой изначальный и преднамеренный дуализм сыграл в будущем роковую роль.

Амбивалентность, дуализм, двойственность: братья гуляют по двое, вдвоем едят из одной тарелки.

Даже знаменитая печать Тампля — двое шевалье на одной лошади — напрашивается символом бедности, хотя здесь, возможно, манера ведения боя. Всадник в доспехах хорош на прямой атаке, но маневра ему не хватает: сидящий позади скрадывает «мертвые углы», отлично защищает партнера, особенно при четком взаимопонимании.

Вполне легитимны герметические аспекты «двуликого Януса», частые в религиозной иконографии. На королевских порталах соборов Шартра и Реймса изображение двух шевалье, скрытых одним щитом, — две фигуры за круглым ординаром с восемью лучами, согласно геральдике.

Богатство оправдано щедрой милостыней, меч и золото в помощь слабым и обездоленным. Служение — высшая добродетель.

Скорей всего, «военные параграфы» устава разработал Гуго де Пейенс. Это касается проведения кампаний, подробностей службы милитаров, экюйеров, оружейной прислуги, равно как прерогатив Великого магистра и крупных дигнитариев.

В нашем распоряжении только тот устав, который посчитали нужным опубликовать. К тому же оригинала нет, остались копии, переводы.

Многочисленные «тайные правила», открытые за последние четыреста лет, само собой, весьма ненадежны.

В начальный устав с течением времени вносились легкие модификации, известные как «ретрэты» о церемониале приема неопитов.

Трудно отыскать какой-либо иной орден с таким изобилием военных, социальных, религиозных задач. Вряд ли здесь достаточно опубликованного устава. Потому весьма вероятен компендиум секретных инструкций.

4. Откуда?

Загадка ли это?

Орден Тампля функционировал весьма активно в трех видах человеческой антрепризы: в культуре, коммерции, религиозной архитектуре.

Здесь факел передал святой Бернард. Миссия: выход за пределы сугубо клерикальные, расширение, секуляризация.

Социальные задачи: следовало не только накормить и защитить людей, не только развить коммерческие отношения, но и создать «инструмент» духовной эволюции, иначе останется человек «анималом вертикальным».

Генезис Тампля следует искать в религиозном строительном искусстве — тогда будет понятно, почему жезл, символ власти Великого магистра, есть «абакус» мастера компаньонов — строителей.

Подобное искусство требует интуиции материала, дружбы руки с камнем и деревом — отсюда первичный смысл выражения *main de gloire* — рука славы. Каменотесы, каменщики, плотники должны обладать «разумом рук» — мануальной магией.

Это главное, хотя, разумеется, необходим компендиум знаний о породах и свойствах камня и дерева, о симпатиях и антагонизмах различных сопротивлений, напряжений, весов.

Не так уж много людей способно получить подобную «инициацию» — возможно, слово не слишком точно, мы его употребили за неимением адекватата.

Известно, Тампль протезировал строителям соборов, под его защитой братья-компаньоны в этот век жестокого угнетения виланов и мастеровых смогли реализовать свою жизнь. Однако такие братства сформированы вне ордена.

Судите сами: за двести примерно лет существования ордена только во Франции воздвигли более двухсот церквей — романских или готических, — не говоря об огромных прославленных соборах. Церквей лаических, то есть доступных всем и каждому.

Поразительно. Для единого Храма своего Соломон призвал на помощь чужеземных мастеров.

Миракль. Человеческий миракль.

Чудо, созданное целенаправленной волей: за шестьсот лет «продвинута», как сказали бы технократы, устойчивая, стабильная цивилизация.

Созданная, прежде всего, «промоцией» ручной работы.

И это после инвазий варваров. В эпоху деспотии не менее варварских суверенов.

Римская империя многого достигла, хоть и оторвала от привычных традиций покоренные народы. Материальная сторона была недурна — для римлян особенно. Рах гомана обеспечил жизнь легкую и разного рода удовольствия. Несколько напоминает нынешнюю американскую цивилизацию. Человек вволю пил, ел, посещал цирк, но, безусловно, был обязан работать на государство.

Все это чувствуется в холодной монументальности зданий.

Ремесла процветали, разумеется.

И потом нахлынули орды варваров.

Одно время их именовали аллеманами: они явились из евро-азиатских степных просторов и на время скопились в Германии, вытеснив кельтские племенные союзы.

Варвары в буквальном смысле: жили военными становищами, не культивировали, не конструировали ничего.

Германский культурный массив, именуемый «Хальштат», датируется ранее их нашествия.

В течение трех веков волна за волной, орда за ордой опустошила, разграбила, истощила устои Рима, ибо империя и без того запуталась в разврате и междоусобицах.

Согласно христианскому писателю Юлиану, Галлия, включая Цезальпинию, до германских инвазий насчитывала двадцать шесть миллионов населения, потом осталось миллионов двенадцать.

Выжить, спастись, скрыться — таков был модус вивенди трех веков Италии, Испании, Галлии.

После захвата территорий к шестисотому году турбуленции успокоились. В Галлии, к примеру, воцарилась такая система:

Всемогущие военно-варварские правители поделили землю, ценности, людей. Кто не с ними, постоянно рисковал жизнью.

Политика этих диригентов отличалась простотой: грабить, не созидать; созидать лишь крепости для хранения добычи.

И такое — до тысячного года и далее.

Голод и нищета гнались наперегонки, угнетение соревновалось с деструкцией, крестьяне, виланы сходились в разбойничьи банды.

Качество ремесел и агрикультуры, за редкими исключениями, равнялось ничему. Трансмиссия знаний, даже ручных навыков, не в почете ни у подвластных, ни у власть имущих.

В доктринах новой религии кельты отыскивали нечто знакомое, нечто из «памяти расы»: дева-мать, алтарная плита, богочеловек, бессмертие души, искупительная жертва. Символы: троица, крест; коллегия двенадцати.

Однако светское духовенство быстро превратилось в прислугу правителей.

Хлодвиг посчитал, что Суассон и Париж стоят мессы, но не бесплатной мессы. Ему и его вассалам надлежит назначать епископов, понятно, в своих семьях. Хорош будет галл, чумазый вилан в митре епископа!

Так продолжалось до великой революции и за редким исключением далее.

Тяжко цивилизовать феодалов.

И только-только это началось — пошли набеги сарацин и викингов.

Около тысячного года все внезапно изменилось.

Послушаем Рауля Глаба, монаха из Сент-Бенинь-де-Дижон: «На третий год после милленара во всех землях христианских, особенно в Италии и Галлии, обновили церкви. Даже хорошие и крепкие заменили более красивыми. Мир словно сбросил ветошь, дабы любоваться белыми одеяниями новых храмов».

Маловато талантливых архитекторов перед тысячным годом. Исключая нескольких вполне византийских сооружений, остальные непрезентабельны и грубой постройки.

После тысячного года романский стиль развернулся экстраординарно.

К тысячному году насчитывалось 108 романских аббатств — почти все построены после 950 года и реставрированы после тысячного. В одиннадцатом веке — 326, в двенадцатом — 702.

И это не какие-нибудь домики-часовенки. Большие аббатства — Клуни, Шарите-сюр-Луар, женский и мужской монастыри в Каэне и т. д.

И странное дело — нашлось немало ремесленников, живописцев, мастеров, способных продумать план базилики и реализовать в материи.

Между 1000 и 1300 годом во Франции построены самые важные соборы, церкви и аббатства. За триста лет!

Множество религиозных построек реконструировано.

Сравним: после четырнадцатого века во Франции создано за шестьсот лет не более пятидесяти качественных монументов — замков в основном.

Опасаюсь, не найдется ни единого за последние полтора века, несмотря на существование «национальной школы изящных искусств».

Сколько поколений каменотесов, гранильщиков, каменщиков, сколько великих мастеров необходимо для эквивалентов Шартра или Амьена.

И все это совершили Средние века, обскуранты, по мнению большинства историков.

Гений? И сколько надобно гениев для расцвета роскошных соборов сегодня известных? А сколько руинировало время, забвение, деструкция?

Ничто не творит ничто, необходимо иное объяснение.

Сокрытые сокровища.

Человеческие.

Нельзя смешивать конструкции, особенно религиозные, с цивилизацией вообще — слышу такой упрек в свой адрес.

Однако, в отличие от разных других знаков, это социально престижный знак положения дел.

И вот почему: писатели, скульпторы, живописцы более всего заняты собственной персоной. Разумеется, эпоха так или иначе учитывается. Пикассо, к примеру, изобразил эпоху склочную и хаотическую, но ведь можно спросить, не есть ли это просто «визия» Пикассо?

Человек примечательный способен создать примечательные произведения посреди откровенного варварства.

История, написанная всегда субъективно, ничему толком научить не может.

Произведение строительного искусства представляет технический уровень строителей и, сверх того, уровень людей, для которых сие предназначено.

Естественно, не о «жизненном уровне» речь. Это вопрос социальной структуры, обычаев, моды. Вряд ли современного рабочего устроит ежедневность Декарта. Следует ли отсюда заключить о принципиальной отсталости Декарта?

Церковь или мечеть могут многое рассказать об архитекторах, о верующих, поскольку и христианство, и мусульманство — религии «популярные», в отличие, скажем, от египетской, доступной только

посвященным.

Очень важный момент: собор — городской храм, собор возведен в целях «демократических», но при этом собор — ученый трактат в камне, более ученый, нежели аббатства, резервированные лишь для монахов.

Таковы реализованные замыслы инициаторов, в том числе и ордена Тампля.

Не столь наглядно и все же вполне ощутимо подобная инициатива отразилась в коммерции, агрикультуре, денежном обращении, ремеслах, воспитании.

Какова роль Тампля? По нашему мнению, Тампля — пролонгация линии, что началась после нашествий варваров.

Тампля вышел из Сито, Клуни, Аньяна. Тампля — конвергенция путей бенедиктинцев и кельтского христианства святого Колумбана.

Историки дружно видят «начальный замысел» в миссии охраны дорог паломников. Феномен тамплиеров — феномен девяти шевалье. И все же генезис надо искать лет на сто пораньше в Субиако и Монте-Кассино.

5. Линия

Перед разрушением Рима варварами евреи возвести с Востока откровение.

Зачем они это сделали и какую пользу хотели извлечь — не суть важно. Храм всегда набит торговцами, сам святой Павел провозгласил — или ему приписали эти слова: поскольку еврейский народ принес Риму откровение, Рим обязан всячески помочь народу сему.

Откровение есть откровение и мало кого оставило равнодушным.

И потом варварство своротило, затопило Римскую империю.

Неожиданно появился человек весьма экстраординарный, сабинянин по имени Бенедикт из Нурсии. Родился в 480 году. Сделался отшельником посреди суматохи нашествий и партизанских стычек.

Слухи о его святости не замедлили распространиться, ученики приходили отовсюду — видимо, он общался с миром, видимо, читал проповеди. В конце концов организовал общину или братство, которому дал умеренный, продуманный до мелочей устав.

Он открыл двери своего монастыря всем искренним искателям Бога, он приучил братьев жить натуральным хозяйством.

Семь часов в день посвящались труду, четыре — науке, еще четыре — богослужению.

Оригинальность устава святого Бенедикта оспаривается — полагают, он просто адаптировал так называемый «устав Господина». Кто сей последний, сказать трудно. Имеется ли в виду устав ессеев? Или следует предположить волю и директивы какого-то предшественника?

Бенедиктинцы основательно предавались физической работе — это вызывалось, понятно, суровой необходимостью культивировать землю прокорма ради. Приходилось возводить монастыри — нередко сами аббаты руководили постройкой.

Но главное — святой Бенедикт предпринял дело, без коего цивилизация невозможна: в стране огня и меча, разоренной варварами либо христианами, он постоянно собирал классические манускрипты. Ведь согласно принципу: «кто не со мной, тот против меня», молодая агрессивная Церковь уничтожала подобные рукописи как еретические.

Так он создал ученую бенедиктинскую традицию, которая более не прерывалась, и, вероятно, собрал в своем монастыре группу серьезных исследователей.

Бенедиктинцы не ограничились спасением манускриптов, они собирали античные скульптуры (эти коллекции уничтожены в шестнадцатом веке): в царствование Карла Великого досточтимый аббат Эгинхард из монастыря Жюмьеж не стеснялся запечатывать письма античным инталю, представляющим... обнаженную Венеру.

Злой рок преследовал Монте-Кассино. Когда монастырь разорили варвары (далее землетрясение 1341 года, далее американские бомбы 1943 года), прежде всего, прежде даже священных реликвий, монахи увезли в Рим драгоценные манускрипты.

Благодаря этим монахам, задолго до мусульманских комментаторов, в Европе познакомились с Платоном, Пифагором, Аристотелем, эллинистической Александрией.

Благодаря этим монахам найдены последние римские каменщики, еще способные возвести стену, равно как византийцы в Южной Италии, помнящие принципы строительных конструкций.

Это они, согласно греческим данным, возродили музыку инкантаций, которой папа Григорий, бенедиктинец, дал имя: «григорианский хорал».

Благодаря святому Бенедикту и последователям христианство ассимилировало греческую традицию и доктрину.

Вольтер считал варварством и романский стиль, и готику. Быть антиклерикалом — так уж до конца.

Во время революции аббатства Клюни или Жюмьеж считали просто каменоломнями.

Романтики восхищались их необузданным гением, священным поэтическим делиром.

Объективное и пристальное изучение позволяет прийти к следующим выводам:

При возведении романских и готических монументов учтены идеи Эвклида и Пифагора.

Эти монументы, ориентированные астрономически и теллурически, близки в подобном плане великим конструкциям античности.

Дальнейшее изучение, возможно, позволит открыть общие законы гармонии, владеющие романским и готическим стилями.

Очевидно, строители руководствовались данными традиционной греческой науки, что ясно, во всяком случае, при знакомстве с деяниями мастеров романского стиля.

Архитекторы преимущественно бенедиктинцы. Или ученики бенедиктинцев.

Но ведь подобные конструкции — не только результат философского или геометрического поиска, это разрешение мысли в материи. Цивилизация сугубо теоретическая есть мертворожденная цивилизация.

Бенедиктинцы и, похоже, только они, сумели сохранить традиции ремесла, навыки ручной работы. Терпеливый поиск математического знания, его практическое применение дали возможность инициатического понимания ремесла.

Но традиция не должна оставаться сугубо монашеской. Главное затруднение — передача знания мирянам, бессильным против «правлящего класса». Проблему удалось разрешить учреждением среднего статуса «лаических братьев»: приписанные к бенедиктинскому ордену, они жили как миряне — таким образом, ни суверены, ни епископы не имели над ними власти. Эти братья пользовались защитой ордена, располагая даже соответствующим монашеским одеянием.

Мирские ремесленники и мастера поначалу пребывали под протекцией бенедиктинцев, а затем Тампля.

Более того: строители мостов в Средние века — надо учесть, мосты представляют капитальный интерес для цивилизации, — строители мостов, известные как «братья-понтифы» держались бенедиктинского устава.

В эпоху Карла Великого мастера, каменщики, гранильщики работали столь виртуозно, что Эгинхард, историк и аббат Жюмьежа, смог сконструировать в византийском стиле капеллу императора в Экс-ла-Шапель, которая бросила вызов столетиям вплоть до наших дней.

Интересно: когда Бенедикт из Нурсии основал монастырь в Монте-Кассино и предпринял свои разнообразные рецивилизаторские усилия, предчувствовал ли он собор Шартра? Чья воля, точная и сведущая, направляла мир более восьми веков и, может быть, далее?

Чья воля? Для рецивилизации Запада было маловато греческой науки, римских и византийских познаний.

Святой Бенедикт умер в 547 году, семью годами позже рождения святого Коломбана. Святой Бенедикт сохранил христианству сокровища классики. Для того же христианства святой Коломбан собрал духовные ценности кельтов.

Святой Коломбан ирландец. Ирландия пришла к христианству рано — без диктата римских императоров, без насилия варваров, именуемых также христианами. Подобное натуральное движение характеризует и другие страны кельтского друидизма. Ибо христиане римские и христиане Хлодвига только отвратили бы Галлию от христианства.

Ирландия не знала ни Рима, ни варваров — этим объясняется мирное и спокойное приятие откровения.

О друидах мало что известно, однако адаптация определенной линии христианства говорит о близости воззрений.

В самом деле: ничего ошеломительного в новой доктрине для кельтов не было: божественное единство, Бог, творящий вселенную во всех ее формах, божество в трех лицах, Бог, рожденный Девой (подобным образом родился Мерлин), богочеловек, преданный распятию, вознесение, бессмертие души — все это темы знакомые.

Не потому ли Бенно, ирландский святой, воскликнул перед смертью: «Я вижу троицу, Петра и Павла, я вижу друидов и святых...»

Итак, страны кельтского ареала вполне благосклонно отнеслись к христианству, но только не в интерпретации германских королей и епископов — для этих новая религия стала удобным инструментом угнетения. Ирландия, избежав римских, затем варварских завоеваний, так сказать, «друидически» вошла в христианство.

«Святой Кертигерн, — писал английский автор, — знаток друидического предания, казалось, жил и действовал на манер жреца друида».

Тот же автор упоминает короля Диармида Мак-Карбхайла как друида и христианина.

Концепция «друидического христианства» перешла из Ирландии в Галлию, что не удивительно. Этому содействовал святой Коломбан при серьезной поддержке папы-бенедиктинца Григория I, святого Григория Великого.

В шестисотом году святой Коломбан основал монастырь Иона в Тревире.

Устав монастыря сего напоминал устав бенедиктинцев, отличаясь, вероятно, акцентированной аскезой.

Будь он хорошо известен — это дало бы определенные сведения о друидизме. Ибо святой Коломбан — друид и воспитан друидами.

Кроме монастыря в Тревире он основал Анегэ, Люксоль, Фонтэн.

Много путешествовал святой Коломбан: побывал в Риме у папы Григория Великого, в Ломбардии, в Монте-Кассино, во Фризии, в Германии. Вояжер Слова...

Бенедиктинский орден зародился в Италии, орден Святого Коломбана — в Ирландии.

Любопытно: сближение этих орденов, затем объединение состоялось именно в Галлии.

Удивительно лишь на первый взгляд. Южная Италия насыщена восточными влияниями и византийской политикой, что касается Рима... Рим — это банка с пауками, непрерывная суматоха и драка за власть.

Ирландия: сложное положение христианства меж «римскими данными» религии и тяготением к прежним культам.

Британия: эпоха саксонских инвазий. Саксонцы после обращения решили, по примеру Хлодвига, подчинить местную Церковь своему духовенству. Британец Сент-Огастен основал в 601 году монастырь Кентербери, и его монахи отказались подчиниться новой англосаксонской иерархии. В результате в битве при Керлеоне в 617 году англо-саксы убили более тысячи монахов.

В те же годы шотландское духовенство настояло на полной свободе от англосаксов.

В Галлии ситуация иная: уничтожено все, никакой традиции более или менее жизнеспособной. До Рима и диспутов о клерикальной власти далеко. Да и сама эта власть в Галлии не блистает единством — надобно так или иначе лавировать среди королей, герцогов и графов.

Чем и занимался бенедиктинский орден чуть ли не пятьсот лет.

В 590 году бенедиктинец стал папой. Это Григорий Великий, святой Григорий, учредитель первого григорианского ритуала.

Однако он играл на инструменте работы святого Бенедикта.

И весьма прислушивался к святому Коломбану.

Ритуал святого Григория учитывал, наряду с псалмами Давида, особенности кельтской литургии и принципы музыкальной гармонии, найденные монахами Монте-Кассино.

Итак, три основы западной цивилизации таковы: откровение Христа, греческая наука, знание кельтов о материи.

Поначалу откровение ориентировалось на еврейскую традицию: иудео-христианская Церковь первых веков провозгласила неизменность иудейского закона вплоть до обрезания. В Средние века иудейские элементы рассеялись, Церковь оставила только Евангелия и послания святого Павла.

Греческая мысль, напротив, стала известна куда лучше, особенно под влиянием исламских школ Кордовы и Толедо.

Кельты.

Контакт с материей камня неповторим и магичен. Кельты воистину «люди каменного века», что сохранили в прапамяти секреты загадочной минеральной субстанции.

Григорий I, человек экстраординарной интеллигенции и не менее великолепных предвидений, начал синтез, необходимый для расцвета средневековой цивилизации.

Ученый папа хорошо понимал: различие меж друидизмом и бенедиктинским христианством только формальное. Достаточно сравнить одно с другим, сгладить некоторые структурные различия, так как дух обеих традиций весьма сходен.

Дабы реализовать подобный синтез, он создал «григорианскую литургию», воздействующую глубоко и магически. Орден, созданный святым Бенедиктом, был в его распоряжении. Бенедиктинцы стали его миссионерами при дворах суверенов-варваров, светских епископов, среди населения, доведенного почти до дикого состояния.

Галлия.

Григорий I пронизательно понимал: сила уместна далеко не всегда и не везде. Поэтому его политика резко отличалась от религиозного рвения святого Мартина, который уничтожал храмы и сакральные монолиты друидов.

«Надо разрушать идолы, но не храмы богов», — сказал папа.

Но у друидов, у кельтов вообще, идолов не было и Григорий I это знал. Речь могла идти только об идолах имперского Рима, разрушение коих никак не задевало население Галлии.

У галлов имелись сакральные территории, отмеченные деревьями и монолитами в смутно человеческих очертаниях. Принять эти территории, построить храмы, значит, принять друидизм в католическое пространство.

Бенедиктинцы посылали миссионеров, дабы цивилизовать феодалов, внушить хоть немного религиозного рвения светскому духовенству, хоть немного рассеять невежество народа.

Почему не видеть сути вещей? Бенедиктинские монастыри заменили друидические коллегии в цивилизаторской функциональности.

Многовековая деятельность велась искусно и настойчиво.

Монахам постоянно приходилось защищаться против светских епископов, что стремились покорить бенедиктинцев себе под руку, против королей и суверенов, жаждущих назначать «своих» аббатов ради сохранения бенефиций.

Бенедиктинцы проигрывали там, выигрывали здесь, зачастую оставляли на запустение земли того или иного аббатства, отданные в аренду или в «комменду».

Процесс «эволюции» аббатства всегда одинаков: обработка территории, строительство, обучение. Каждый «дом» превращался в «рассадник» агрикультураторов, каменщиков, плотников, разных ремесел мастеров, образованных людей (клерков), которые затем входили в сеньоральную администрацию или учительствовали в народе.

Любопытно проследить перемещение ученых ордена в зависимости от событий политических и военных.

Эти ученые располагали работать в дружелюбном присутствии собственных, а не властью поставленных аббатов.

Однажды, по совету Григория I, они переселились из Латрана во Флери-сюр-Луар — область на границе Франции, Бургундии и Аквитании.

Когда случился пожар в аббатстве Флери, монахи первым делом принялись спасать драгоценные манускрипты — самое полное в ту эпоху собрание античных классиков.

И когда короли франков перешли Луару, сократив границы Аквитании, ученые бенедиктинцы эмигрировали в Бургундию, к суверенам более просвещенным.

Спасаясь от преследований Каролингов, знаменитый аббат Витица уехал в Аньян, близ Монпелье, где принял имя Бенуа (Бенедикт). Впоследствии он станет святым Бенуа из Аньяна.

Он установил для орденов Святого Бенедикта и Святого Коломбана общий устав, весьма гибкие правила коего позволяли аббатам сообразоваться с характером и особенностями той или иной области.

Несколько позже ученые бенедиктинцы остановились в Гланфейле, затем, спасаясь от грабежей норманнов, в Сент-Мартен-д'Отене (880). Оттуда аббат Бернон переехал, транспортируя около девятистот

манускриптов, в Швейцарию, в Юра, и наконец утвердился с двенадцатью монахами в Клюни, на землях, подаренных ордену Карлом III Бургундским.

Клюни осталось ученым средоточием бенедиктинцев вплоть до Крестовых походов.

6. Ключи

Активность бенедиктинцев в начале десятого века исходит из одного центра — Ключи.

Материалы традиционного знания собраны, цензура «несоответственного» завершена.

Еврейская мудрость сведена в единый компендиум: Моисей, Давид, Соломон. Остальные сочинения евреев используются в качестве назиданий, притч, парабол. Евангелия адаптировались на Западе с трудом: в основном, в интерпретации святого Павла и для «философов» — святого Иоанна.

Греческая традиция, собранная святым Бенедиктом, ограничивалась Пифагором и Платоном, дополненными мусульманскими изданиями и глоссами. Более понятный мирянам Аристотель появился лишь в XIII веке.

Мудрость кельтов, рассеянная в народе, стала известна благодаря «христианским друидам» — знаменитому Пелагию, Патрику, Коломбану, позже Малахию. Эта мудрость в известном смысле «материализовалась»: дольмен постепенно превратился в собор, Черная Дева — в «Нашу Даму».

Все это составляет знание, которое в конкретном применении — аббатства Ключи, Жюмьеж, Турню, Муассак — не воздушные замки и не ограничивается только теорией.

Христианская традиция обретает четкость, перспективы западной цивилизации определены.

Работа началась.

Аббат Бернон предварительно увез в Швейцарию редкие ученые манускрипты. Его сопровождали двенадцать монахов, что вполне символично, если вспомнить двенадцать колен Израиля, двенадцать племен Исмаила, двенадцать апостолов, равно как двенадцать узлов друидического туза. В 910 году аббат Бернон расположился на землях Карла III Бургундского.

В Ключи. В лесу.

«Ключи, — сказал аббат Шом, — содействовал реставрации той Бургундии, что еще в седьмом веке пыталась сохранить традицию греческой и римской культуры».

Ключи содействовал и многому другому.

Мнение дома Берльера: «Наследие Витица (святого Бенуа из Аньяна) Бернон сохранил в Ключи. Ключи превратился в депозитарий великой традиции, в другое Монте-Кассино, и в то же время, в центр активного воздействия на христианский мир».

В своем акте донации земельных угодий Карл III Бургундский добавил: «Дабы свершались здесь дела милосердия, дабы не знали здесь нужды бедняки, паломники, путешественники».

В 939 году в булле папы Иоанна XI, направленной аббату Одону, есть такие строки: «Мы желаем, чтобы ваш монастырь со всем имуществом был свободен от любых королей, епископов или графов».

В 939 году в новой булле уточнено: Ключи зависит только от Святого престола *ad tuendum non ad dominandum* (управляется от своего имени), что исключает прямое вмешательство Папской курии.

В 999 году при настоятельстве Одилона, когда, очевидно, случились распри со светским духовенством, папа Григорий V еще раз подтвердил: «Никакой епископ либо священник да не осмелится провести в досточтимом монастыре ординацию, освящение, богослужение без приглашения аббата».

В 1027 году папа Иоанн XIX абсолютно запретил предавать анафеме либо отлучать от Церкви

аббатство сие.

Все эти привилегии дарованы папами-бенедиктинцами, особенно многочисленными в данную эпоху, при одобрении герцогов Бургундских или графов Маконских, несмотря на сопротивление некоторых епископов. (Данные привилегии почти текстуально перейдут на орден Тампля.)

Смысл всех таких предосторожностей ясен: никто не должен препятствовать деятельности аббатства Кюни. С помощью герцогов Бургундских бенедиктинцы смогли устранить от любых политических коллизий.

Естественно, влияние Кюни и его «филиалов», разбросанных по Европе, значительно возросло.

Тысяча триста монастырей жили по уставу, пересмотренному аббатом Одоном.

Согласно новым правилам, монахи-клерки практически освобождены от ручного труда. «Различные ремесла и обработка земли, необходимая для жизни большого аббатства, предоставлены лаическим монахам (laici monachi), пребендариям, колонам, сервам».

Монахи-клерки посвящают свой день административным заботам, изучению наук, чтению, каллиграфии, украшению рукописей, скульптуре, живописи, архитектуре.

Земли Кюни, весьма обширные, особенно по тем временам, обрабатывают миряне. Монахи, сведущие в агрикультуре, играют роль руководителей или наблюдателей.

Аналогичные порядки впоследствии установят командорства Тампля.

В монастырях занимаются любыми полезными ремеслами, что превращает центры, подобные Кюни, чуть ли не в города.

И когда ремесленники имеют возможность без опаски покидать монастыри, они образуют «братства» или «цехи» мастеров.

В Кюни и его «филиалах» впервые опробовали традиционное знание при возведении храмов.

Постройку первой церкви Кюни — «Кюни I» — аббат Бернон начал в 915 году.

Полвека спустя предприняли Кюни II, настоятелем был, вероятно, Эймар. По словам А. Шаньи, «церковь представляла одну из первых построек, выполненных в „бенедиктинском плане“».

«Бенедиктинский план», воспризведенный затем много раз, отразился и на церкви Монт-Сент-Мишель, заложенной в 1023 году.

Найдя собственную гармонию в архитектуре, Кюни это широко применял и распространял.

Возможно, как формирующий момент цивилизации.

Надо упомянуть Гильельмо де Вольпиано, одного из немногих мэтров, чье имя сохранилось.

Итальянский монах Вольпиано жил в Кюни и, весьма вероятно, участвовал в постройке церкви Кюни II. Он также возвел аббатство Сент-Бенинь-де-Дижон, где, по слухам, одно время был настоятелем.

Норманны, разорив Нормандию, взялись ее отстраивать — в этом деле им помогал Вольпиано.

При его личном содействии реконструированы Фекамп (1003) и Бернэ (1013). В эти годы его ученики создали Жюмьеж, мужской и женский монастыри в Каэне.

Вольпиано, итальянец, воспитанный в Бургундии, перенес в Нормандию методы строительства, но не архитектурные формы, и не остался бургундцем под небом Нормандии. Его архитектура сообразовалась с пространством и местным колоритом.

Эта замечательная способность адаптации встречается в романском стиле Аквитании, Оверни, Луары.

Когда-то Эгинхард построил византийскую капеллу в Экс-ла-Шапель. С тех пор ситуация изменилась: в Ключни возобладали дух адаптации архитектуры к тому или иному окружению.

Ученики Вольпиано отличились в создании западной архитектуры — они, равно как их последователи, в сущности, создали английскую готику.

В течение ста лет Ключни трансформировал религиозную архитектуру Запада.

В 1088 году Гуго I, святой Гуго, принялся реконструировать главный храм бенедиктинского ордена.

Реконструкция продолжалась лет тридцать.

А. Шаньи заметил: «Работы проводились нередко энергично. К воссозданию храма привлекли лучших скульпторов и художников школы Ключни».

Необходимо вот что учесть: бенедиктинский орден задумал и сотворил романский стиль для построек исключительно монастырских.

Посвященным, не толпе.

Это еще не цивилизация.

Цивилизации нужны монументы прямого действия. Действия посвященного, даже вне богослужения.

Нельзя в этом смысле рассчитывать на слишком ограниченный романский стиль. Дабы создать нечто более масштабное, необходимо проникнуть в тайные законы минерала, научиться «использовать» фактуру камня. Подобным образом действовали творцы дольменов, египетских и греческих монументов, архитекторы Соломонова Храма.

Итак, героический поиск, подобный поиску Геракла, Язона, Моисея. Скрижали Закона.

Ковчег.

Иерусалим.

Инициаторы готовы.

Пьер де Молезм, бенедиктинец, основал Сито.

В 1086 году Одон де Лажери, приор Ключни, стал папой Урбаном II и провозгласил Крестовый поход.

7. Первый Крестовый поход

Это идея Сильвестра II, «папы тысячного года». Он предложил «перемирие Божье» феодалам, которые грабили друг друга в меру сил и возможностей. Сильвестр II — бывший бенедиктинский монах Герберт.

Во многих отношениях любопытный индивид, хотя Церковь и не услышала от него запаха святости.

Юный пастух отправился в монастырь Сент-Жеро-д'Орильяк и проявил замечательные физико-математические способности; рассказывают, что приор спросил своего гостя, принца Арагонского, нет ли в его стране подходящих наставников для Герберта, ибо в монастыре ему более учиться нечему. И талантливый послушник поехал в Испанию.

Он учился в Кордове и Толедо — «испанскими» считались тогда еврейские и арабские университеты. В результате Герберт популяризировал на Западе арабские цифры. Будучи отличным астрономом, усовершенствовал астролябию армиллярными сферами для более точного измерения движения звезд.

Он имел недурное представление о солнечной системе, поскольку его ученик Глабер достаточно четко описал лунное затмение.

К тому же Герберт преуспел в настройке арфы и органа.

Несмотря на дружеский лозунг «перемирие Божье», этот папа внушил идею Крестового похода, которую сотней лет позже провозгласил Урбан II.

Вряд ли бенедиктинец Герберт — папа Сильвестр II — собирался бороться с мусульманами — таковые жили в Испании, то есть гораздо ближе Палестины.

Его интересовала Святая земля. Иерусалим — не только центр мира. Сильвестр II, человек науки и широких перспектив, не мог не понимать истинного значения Скрижалей Закона — мусульманская цивилизация, возможно, многим обязана Скрижалям сим.

Итак: уже в тысячном году Иерусалим находился в бенедиктинском поле зрения. Но дело подобной важности требует подготовки.

Подготовкой занимался монастырь Ключи.

Хронология полна любопытных подробностей.

Бенедиктинский орден, кто бы оным не управлял, всегда желал отстраниться от королей франков, более доверяя каталанцам, аквитанцам, бургундцам, нежели наследникам Хлодвига.

Считали ли бенедиктинцы франкских королей чуждыми всякой цивилизации? Вполне вероятно, ибо данные властители никогда не блистали ни моральными качествами, ни интеллигентностью.

Однако в эпоху создания Ключи произошло вот что.

За сотню лет норманнские набеги основательно разорили западные страны. В 913 году король Франции Карл III уступил часть Нестрии норвежцу Роллону. Этот норвежец гигантского роста, говорят, всегда передвигался своим ходом, ибо ни одна лошадь не выносила его тяжести.

Аллеманы из трансукраинских степей никогда не поднимались к Норвегии. Роллон и экипажи его драккаров — кельты, как и многие выходцы из Скандинавии.

«Мы постигаем из чтения древних поэм, — рассуждает Мишле, — что друидические ритуалы существовали в Скандинавии и что, случалось, друиды Бретани обращались туда за помощью».

Хлодвиг принял христианство для «вящей пользы». Иначе дело обстояло с викингами-норманнами. Разрушая одно аббатство, они строили другое. К примеру, Бек-Эллуин, где училась норманнская молодежь, в том числе сыновья Танкреда де Отвиль, суверена Котантена.

Поглядим на хронологическое развитие.

В 1042 году Гийом де Отвиль, сын Танкреда, занял Апулию.

В 1059 году Робер Гискар де Отвиль стал герцогом Апулии и Калабрии, в 1060 захватил Мессину, в 1082 году вытеснил византийцев из Италии, победив при Дураццо императора Алексея Комнина.

В 1085 он в Сиракузах, в 1090 — на Мальте.

Папа Григорий VII, который реформировал календарь, знаменитый папа Каноссы, в прошлом бенедиктинский монах Гильдебранд, вполне согласился с норманнской доминацией в Нижней Италии.

В 1096 году бенедиктинский папа Урбан II провозгласил первый Крестовый поход.

Дорога на Иерусалим «озарена», захват норманнами «сборных пунктов» произошел очень кстати.

Кстати, в известном смысле бенедиктинский монах Ланфранк, воспитатель в Бек-Эллуине, подготовил завоевание Англии теми же норманнами в 1066 году; требовалось защитить Запад от удара в спину — саксонцам после бойни монахов при Керлеоне доверия не было.

И любопытное совпадение: норманн впервые познакомился с неверными.

Норманнский авантюрист Руссель де Байлель из королевства двух Сицилий пошел со своими воинами на службу Византии и захватил Ликаонию и Галацию в 1073 году. Испуганная Византия натравила на него мусульман-сельджуков, и он проиграл сражение у горы Софон. (Крестоносцы, понятно, не слишком после этого доверяли византийским императорам.)

Тогда же монахи «работали» в христианской Армении, подбирая сочувствующих, в чем и преуспели.

И, наконец, «пропаганда» Крестовых походов, публичный успех, которому изобретатели современных слоганов и политические агенты могут позавидовать.

А ведь тогда не существовало прессы, да и средства сообщения оставляли желать лучшего.

Десятки тысяч бенедиктинцев внушали, внедряли позитив крестового похода. Каждый в своей деревне, в своем поселении, городке, городе.

Но при этом нельзя забывать.

Предстоящая кампания касалась лишь нобилей — владельцев поместий и замков. Биться, рубиться — дело дворянское, сервы и виланы не имели права носить оружие и сражаться.

Cri de guerre: «Освободить Святую землю».

Повеление: «Бог этого хочет».

Вполголоса, понятно, рассуждают об авантюрах, добыче, завоеванных королевствах, дарованных феодах.

И все-таки, несмотря на «пропаганду», лозунги и так далее, коллективное воодушевление трудно объяснить. Магия. Не знаю, что за магия. Возможно, та, что бросила кельтов из Бренна к Риму, Дельфам, Анатолии.

Она берет свое, древняя магия, берет даже слишком. Хотят армию — получают безоружные толпы, вне дисциплины и вождей, получают даже скопище детей. Увы, ни виланы, ни дети...

Но воины готовы к завоеванию Иерусалима.

Тяжелая изнурительная осада, отчаянные приступы 14 и 15 июля 1099 года.

Город взят в два темпа.

Согнанные со стен, осажденные сбились на платформе древнего Соломонова Храма, что тогда назывался Haram al Sherif.

Две мечети на этой насыпи: Qubbat el Aksa (Благословенная), построенная Омаром в 637 году, и Qubbat al Zakhra, известная под именем Templum Domini.

El Aksa была и остается октогональной конструкцией, приподнятой в центре небольшим куполом.

Место особой святости как для евреев — Храм Соломона, так и для мусульман — здесь Мухаммед, покоренный сном, был восхищен Аллахом на небо.

Потому последние защитники города дрались на совесть.

«Анонимная история крестового похода» сообщает: «Наши паладины ворвались в город, убивая и преследуя сарацин до Храма Соломона, где они собрались, защищаясь до последнего, — ручьи крови текли по Храмовой площади». И даже в мечети, согласно Гийому де Тир, «резня была такая, что наши ходили по щиколотку в крови».

Бойня в городе полыхала неимоверная: крестоносцы даже подожгли синагогу, где собрались евреи. Месть: несколькими годами прежде Фатимиды уничтожили христианскую миссию во главе с патриархом, и евреи им помогали.

Ценой кровавого кошмара цель достигнута: христиане овладели Иерусалимом. Главная цель латинского духовенства, которое сопровождало армию и не протестовало, когда Бодуэн де Булонь аннексировал Эдесское графство и Боэмонд де Тарент антиохийский принципат. Иерусалим поначалу провозгласили «землей Церкви». Однако бароны воспротивились и отдали город Готфриду де Буйон, герцогу Лотарингии. Готфрид посчитал неуместным носить корону там, где Христос мучился в терновом венце.

Он принял титул «посвященного Гроба Господня» и водворился на окривавленной территории Соломонова Храма.

Потом его племянник Бодуэн II освободил святое место ради девяти бедных шевалье Тампля в 1118 году.

В течение этого времени аббат Сито — Этьен Хардинг подготовил свой орден к восприятию священного документа.

Короли могут до остервенения драться, историки могут полагать те или иные события очень и очень важными: цивилизация продвигается вне королей — с королевской ли помощью или без таковой.

Христианская цивилизация задумана в Ключни, подготовлена в Сито, введена в действие в Клерво и реализована по всей Европе организацией Тампля.

8. Тампль

Орден тамплиеров уточнил направленность западной цивилизации. Смысл орденской миссии — развитие Запада; защита Святой земли — только средство приобретения влияния и полигон рыцарской доблести. Ради этой защиты расточались ордену щедрые дары.

Впрочем, как справедливо заметила Марион Мельвиль, в уставе ордена не прописана официальная задача — защита паломников. Запомнил ли сие святой Бернارد? Вряд ли. Ведь призывал же он светское рыцарство под штандарты Тампля. Зато в уставе четко прописана передача мирских полномочий бенедиктинцев тамплиерам.

В том же уставе поощряется передача тамплиерам земельных угодий, строений, людей, хотя для бенедиктинцев подобные льготы отменяются.

И мало-помалу бенедиктинцы уступали свои земли Тамплю, что продолжалось до исчезновения последнего.

И постепенно тамплиеры взяли под свою защиту ремесленников и архитекторов и даже добивались для них у королевской власти прав и свобод.

Пользуясь привилегиями Церкви по отношению к светским властям, папы освободили Тампль от всякого наблюдающего глаза секулярного духовенства.

Так создалось государство в государстве, что давало серьезный повод к внутренним распрям, против коих было два эффективных средства: жестокая дисциплина и высылка недовольных на войну в Палестину.

Однако надобна ли подобная дисциплина избранным, что пребывают за гранью всяких искушений? Вопрос об инициатическом центре Тампля.

В сущности, тамплиеры делились на два главных класса: монахи; миряне или, скажем, более или менее миряне, которые подчинялись регламенту монастырскому или военному.

Этот корпус монахов-шевалье и есть инициатический центр Тампля.

На раскопках на кладбищах тамплиеров искатели поражались, находя зачастую тела, просто зарытые в землю лицом вниз. Может, обряд представлял сугубое уничтожение, имитацию похоронных обрядов некоторых суфиев?

Нет, это обычный обряд монахов-цистерцианцев, практикуемый еще и в наши дни. Одежду прибивают гвоздями к доске, затем тело переворачивают лицом в землю.

Похоже, искатели обнаружили останки «посвященных» тамплиеров, которые испытывали неопределенного срока новициат, согласно воле мэтров. Что возможно только при инициатическом ритуале — иначе продолжительность испытания была бы фиксирована.

Один пожилой шевалье жаловался на процессе, что его заставляли, прежде чем постричь в монахи, выполнять самую черную работу, несмотря на дворянское звание.

Но вообще для монахов-шевалье дворянское звание необязательно, судя по соображениям святого Бернарда.

Совсем иное дело — шевалье, предназначенные к военной службе; здесь благородное происхождение необходимо, хорошая родословная необходима. Они служили ордену как братья-миряне либо какой-то срок, либо всю жизнь; обетов не давали, но давали клятву повиноваться, соблюдать правила и обычаи, защищать Святую землю, обязались «помогать силой и советом любому, попавшему в беду

христианину».

Монахи и просто шевалье носили одинаковую одежду, вместе сражались, вместе трапезовали — по двое из одной тарелки, носили одинаковое вооружение, равно повиновались приказам, спали в одинаковых дортуарах, равно исполняли долг религиозный и гражданский. В подобных условиях различить тех и других невозможно даже самим шевалье, но тем не менее в общей массе скрывалась группа инициаторов и начальников.

Монахов отбирали особо тщательно, попасть в армию сравнительно легко.

Пословица тех лет «он бранится как тамплиер», вероятно, справедлива. Да, шевалье могли отличаться свободными нравами и высокомерием, но суровая дисциплина в ордене и воинском корпусе помогала «держаться линию». Впрочем, виновных легко исключали из Тампля, как в случае с Флуараном, приором Монфокона, который стал главным предателем на процессе.

Кроме шевалье в орден входил корпус «сержантов», куда набирали в основном плебеев: при определенных условиях сержанты могли пройти новициат и стать монахами.

Сержанты сражались верхом — в Палестине, по крайней мере, — имели рыцарское вооружение, только лошадей у них было поменьше.

Сержанты входили в «администрацию», и многие занимали должности командоров.

Шевалье различались белыми плащами, сержанты — коричневыми.

В 1141 году, согласно пожеланию папы, на левом плече шевалье нашивался червлёный (красный) крест, как видно еще сейчас на витраже «Тамплиер на молитве» собора Сент-Дени.

Какова конфигурация креста тамплиеров? Вопрос был, есть и будет объектом контrovers. Предлагались схемы самые разные. Скорей всего, кресты эти отличались разнообразной конфигурацией.

Форме креста сейчас особой важности не придают, эмблематика потеряла высоту геральдическую и познавательную. Прост и понятен латинский крест, или «круцификс», — конкретная репрезентация крестных мук, символ божества, фиксированного материей, корневой план готических соборов.

Мальтийский, или крест восьми совершенств, крест о восьми финах, «крест медитации».

Крест тамплиеров на гербе Великого магистра и на печатях напоминает кельтский крест волнистых линий — иногда проявленные углы образуют «тетон» (форма буквы Т), похожий на парусные кресты португальских кораблей. Не реминисценция ли кельтской «ветви»?

Встречается «фламма-крест», где фины прямых «бра» образуют бинарные пламена. В алхимии этот крест означает тайный огонь философского карбункула — вполне вероятно, алхимией занимались в Тампле.

Вполне вероятно, конфигурация креста отличала посвященных от профанов.

Поначалу крест носили на левом плече, и этим, полагаю, объясняется печальный масонский жест: правая рука на левом плече визави и слова: мы оплакиваем Храм.

В XIII веке, согласно регламенту эпохи, у шевалье, сержантов и капелланов кресты на груди и спине, что, понятно, не исключает наплечного креста.

Согласно Анри Кюрзону, «персонал» Тампля разделялся надвое — братья монастырские и братья-ремесленники, — их задачи были четко регламентированы. «Брату-шевалье или брату-сержанту пристало

заботиться о воинском снаряжении, тогда как брат-ремесленник занимается соответственной работой».

Бинарное деление, как всегда в Тампле.

С одной стороны, капелланы, монахи-шевалье, светские рыцари, сержанты-воины и братья-ремесленники, с другой — сержанты командорств, разного рода прислуга и крестьяне земельных угодий.

Братья-ремесленники: кузнецы, ветеринары, оружейники, каменщики, плотники, портные, конструкторы осадных машин — словом, мастера и подмастерья, отвечающие за снаряжение, амуницию и агрикультурную эксплуатацию.

По необходимости они переезжают от одного командорства к другому, подобно воинам, направляются в Святую землю и повинуются общей дисциплине.

К этому коллективу, несомненно, принадлежат судовые мастера и моряки, поскольку Тампль владел недурным флотом.

Организация разного рода «тружеников сельского хозяйства» менялась в зависимости от регионов и местного колорита.

Внешняя структура Тампля сложна и малоизвестна по сей день. Принципиально орден делился надвое, и, несмотря на постоянную диффузию, каждая сторона оставалась достаточно независимой.

«Ориент» (Восток), где пребывала армия Тампля.

«Окцидент» (Запад) — фактор стабильности и цивилизации.

Структура усложнялась еще вот чем: хотя в Испании и Португалии борьба с неверными была куда менее опасной, все же превалировала жизнь за крепостными стенами, да к тому же португальские прецептории состояли целиком из португальцев.

Единство, однако, не разрывалось. Более чем вероятно, вокруг Великого магистра, эмиссаров, мэтров регионов группировались инициаторы-монахи, наблюдавшие орденскую политику, дисциплину и устав.

Великий магистр, властитель более или менее неограниченный, обладатель жезла и багета.

Любят считать жезл мечом, а багет — гибкой тростью либо хлыстом, что проблематично: жезл, именуемый abacus, имеет саблер (термин, обозначающий в геральдике «верхнюю часть») в виде сферы, увенчанной квадратным платом (плоскостью).

Любят считать этот abacus неременным атрибутом мэтра-строителя или символом живого жезла Аарона.

Предпочитают видеть в багете ферулу (розга, хлыст), принимая за оный «баф», скрещенный с «дибаком» на некоторых изображениях фараонов.

Небезынтересно заметить: крылатый персонаж на центральном трюмо южного портала в соборе Шартра поддерживает рукой колонну Храма, другой сжимает хлыст о трех узлах — точную копию узла на антропоморфном саркофаге Тутанхамона.

Сближение, квази-идентичность эмблематики любопытна — ведь Тампль официально не интересовался Египтом, и тамплиеры лишь принимали участие во взятии Дамьетты при походе Людовика Святого.

Великий магистр обладал чуть ли не фараоновой властью, и, похоже, не только материальной, но и

духовной.

Его называли «наместником Бога в религии Тампля» или «первым викарием папы», что давало в орденском кругу прерогативы понтификата.

Он — аббат ордена, выбранный соборно, как и в других орденах.

Он — предводитель своей армии и член королевского совета.

Он принимает на войне самовольные решения и ведет в битву воинов.

И все же, будучи монахом, он подчиняется уставу и папе и, будучи аббатом, то есть администратором, зависит от генерального капитула. Он располагает людьми, но не материальными ценностями и политикой ордена.

Многие сторонники «тайны тамплиеров», с целью сгустить непроницаемость оной, желали, чтобы Великий магистр был простым «двойником» оккультного и секретного Великого Магистра, который ни в коем разе не выбирался, но завещательно назначался предыдущим Мэтром, великим посвященным, реальным хранителем Тампля.

По сути, процесс, устроенный инквизицией Филиппа Красивого над орденом Тампля, надеялся разоблачить таинственный секрет. Каверзные вопросы и, предпочтительно, пытки били в одну цель: заставить признаться тамплиеров в оккультных доктринах и выдать оккультное начальство.

Пытками преуспели в одном: тамплиеры признались в нарушении ортодоксии и нравственности, но полностью отрицали преступность идеологии ордена.

При особе Великого магистра находились сенешаль и шталмейстер, Великому магистру принадлежала четверка ездовых лошадей плюс высокой ценности «эталон» (боевой конь), именуемый «туркоманом».

В непосредственном подчинении: два шевалье заметного ранга — в некотором смысле военные советники, капеллан, адъютант, имеющий трех лошадей, сержант, сарацин-толмач, слуги: «туркопль», кузнец-ветеринар, повар, два конюха при «туркомане».

При особе Великого магистра всегда находился черно-белый штандарт Тампля под именем *Baussant*, или *Bausseant*, — средоточие и гордость армии. В полевых условиях штандарт реял над шатром Великого магистра.

Вполне вероятно, подобная расцветка эзотерически означена. На этот сюжет написано предостаточно, хотя убедительно и простое объяснение: на фоне яркого восточного неба черно-белое сочетание смотрится заметнее всего.

Не знаю, что и думать, читая о «шахматном» знамени в черных и белых квадратах, которое энтузиасты равно называют *Bausseant*. Полагаю, речь идет о каком-то ином символе.

Bausseant, прежде всего, военный стяг предводителя. Вряд ли восточная армия углублялась в сложные вопросы оккультизма и символики.

Организация орденского капитула не слишком-то хорошо известна.

Капитул, вероятно, состоял из высоких дигнитариев и капелланов, которых специально вызывали на Святую землю — не часто, надо думать, ибо такие путешествия небезопасны.

Капитул выбирал Великого магистра или утверждал поспешные выборы в чрезвычайных

обстоятельствах, как это, к примеру, случилось при осаде Аскалона.

Дигнитарии и прецепторы Святой земли составляли совет, вероятно консультативный.

В отсутствие Великого магистра его замещал высокий дигнитарий.

Дигнитариями Святой земли, кроме упомянутых сенешаля и шталмейстера, были: командор земли и королевства Иерусалима, он же трезорьер; губернатор города Иерусалима, который продолжал миссию девяти шевалье, то есть охранял дороги паломников, размещал, кормил, заботился о них; командоры регионов (Антиохия, Триполи, Сент-Жан-д'Акр и т. д.); наконец, сенешали укрепленных замков и начальники воинских соединений.

Шевалье полагались три лошади, включая «эталоны» (боевого коня), и полагался оруженосец либо оплачиваемый, либо добровольный; последний *hors de combat* (не участвующий в сражениях). Равным образом шевалье полагался отдельный дортуар, в походе — полевая палатка.

Рангом ниже шли сержанты — они имели одну лошадь и ординарца. Во время кампании они спали под открытым небом и питались из общего котла.

Каждой сотне воинского соединения полагался повар, кузнец-ветеринар с подмастерьем. Оруженосцев надзирал гонфалоньер (гонфалон — вымпел на древке копья), имеющий права на двух лошадей и оруженосца.

На Святой земле каждому воинскому соединению был придан отряд легкой кавалерии (туркопль) — его рекрутировали обычно из армян. Командовал отрядом «туркоплье», подчиняющийся либо Великому магистру, либо шталмейстеру.

9. Армия

Когда Гуго де Пайен в 1130 году вернулся в Палестину с новой группой шевалье и разместился на территории Соломонова Храма, Тампль утвердил свои позиции и на Востоке и на Западе.

Великий магистр на Востоке. На Западе, во Франции, остался прецептор Пайен де Мондидье, который, в конце концов, расположился в Париже, в командорстве на берегу Сены близ улицы Вьей-дю-Тампль (имя сохранилось и поныне) и улицы Бланк-Манто.

Успех просто замечательный. Святому Бернарду удалось пробудить фанфары «паблисити». Эпические поэмы, романы Круглого стола вторили воодушевлению.

Известно теперь: эти романы составлялись в бенедиктинских монастырях для трубадуров. Странствуя от одного замка к другому, певцы внушали суверенам идеалы несколько более высокие, нежели грабежи и разбой на дорогах. Обнажать меч в защиту слабых и бедных — вот доблесть, вот хорошее воспитание. Маловато, но все же кое-что.

Ордену Тампля удалось довольно быстро собрать обученную армию, блистающую храбростью и, что поразительно для эпохи, замечательной дисциплиной.

Военная активность Тампля в Палестине известна неплохо, материала для историков достаточно более чем: войны задуманные, сражения предусмотренные, выигранные, проигранные, пакты, договоры, которые в основном игнорировались, — все это отражено в архивах.

Армия Тампля сражалась непрерывно, не оглядываясь на потери, не нарушая своего девиза: «не уклоняюсь от битвы».

Более или менее подробные отчеты представлены у всех приличных историков.

От 1128 до 1298 года — прощание с Палестиной: армией руководили двадцать два Великих магистра.

Третий, Эверар де Баррес (1147–1149), отбыл во Францию с Людовиком VII, предался в Клерво жизни сугубо монашеской и послал свое отречение в Иерусалим.

Шестой, Филипп де Наплуз, отрекся через год. Седьмой, Одон де Сент-Аман (1171–1179), погиб в плену, игнорируя вопрос о выкупе.

Восьмой, Арно де Торрож (1179–1184), освободился из плена обещанием не поднимать более копья против мусульман и впоследствии стал Великим прецептором (похоже, среди прецепторов надо искать членов секретного капитула).

Пятнадцатый, Пьер де Монтегю (1219–1233), освободился от должности или был освобожден.

Пятеро Великих магистров погибли в бою: Бернард де Трамлэ (1149–1153), Жерар де Ридфор (1188–1191), Арман де Перигор (1233–1247), Гийом де Соннак (1247–1251) и Гийом де Бож, (1273–1291).

Последний, двадцать второй, Жак де Моле, сгорел на инквизиторском костре Филиппа Красивого и Гийома Парижского.

Эпопея Тампля связана с госпитальерами Святого Иоанна.

Зачастую оба ордена выполняли сходную тактическую задачу — либо охраняли фланги армии франков, либо занимали попеременно авангард и арьергард.

Ревниво соперничая в доблести.

Дело не обходилось без конфликтов, но, похоже, конфликты не выходили из границ военно-

стратегических.

Ничего особенного нет в подобных разногласиях приверженцев двух соперничающих орденов. При этом на переднем крае взаимовыручка вполне эффективна. Правила тамплиеров вполне допускали присоединение разбросанных в бою шевалье к отряду госпитальеров.

Некоторое тщеславие приличествует воинам, которые привыкли оценивать друг друга достаточно высоко.

Те и другие отличаются цветовой оппозицией: у госпитальеров белый крест на красном плаще, у тамплиеров, наоборот. И если по военной доблести они примерно равны, «гражданская» миссия ордена Святого Иоанна несравненно скромнее.

Госпитальеры имели флот, моряков, военных строителей, великолепные крепости, но никогда не привлекали религиозных архитекторов и мастеров «компаньонажа». Конечно, исполняя долг, они всегда гостеприимно принимали «компаньонов», но не более того.

Святой Бернارد наверняка пользовался услугами госпитальеров, хотя не осталось никаких свидетельств, кроме общего договора трех орденов, включая тевтонский, об охране восточных границ христианской сферы.

Когда Фридрих II Гогенштауфен задумал подчинить весь мир Германской империи, тевтоны, по своей ситуации охранителей восточных немецких областей, поддержали начинание сие, тамплиеры воспротивились, госпитальеры колебались.

И все же, подобно тамплиерам, госпитальеры отказались присутствовать на коронации Фридриха II в Иерусалиме.

Орден Святого Иоанна лишь по назначению использовал фермы и командорства: это источники провианта для армии, приюты для престарелых либо раненых рыцарей и так далее.

Госпитальеры надевали красный плащ с белым, так называемым мальтийским крестом и, похоже, не придавали ему эзотерического значения. Не имелось ни секретных опознавательных знаков, ни криптографии (вероятно, за исключением военных шифров), ни Бафомета, ни других таинственных изображений.

Их рыцарский стиль, несмотря на менее строгий, нежели у тамплиеров, устав, отличался стойкостью и сдержанностью — потому они внушали уважение вплоть до конца XVIII века.

Госпитальеры, «рыцари доброй воли», и не претендовали на большее.

Хотя святой Бернارد не акцентировал благородного происхождения кандидатов, военная шевальерия состояла в основном из дворян, что и естественно: рекрутировать воинов надлежит в касте военной.

Надобно сказать, после нашествия варваров виланам запретили владеть оружием, зато нобили обучались этому с детства.

Простая проблема компетентности.

Бастардов в орден не принимали, что объясняется общим пренебрежением к таковым: даже влиятельные люди, даже короли расценивали аббатства как пребенды для внебрачных детей — эти субъекты, полагалось, более стремятся к выгодам мира сего, нежели к чему-то возвышенному.

Пора сказать несколько слов о разрекламированных связях шевалье Тампля с мусульманскими

посвященными. Подобные связи, по слухам, доходили до братства на крови.

Трудно однозначно решить проблему после рассказов, рассказней, слухов более или менее правдоподобных, что распространились во время процесса, дабы дополнительно очернить Тампль, тем более в XIX веке, когда хороший тон требовал: Ах, Восток! Знания и свет приходят только с Востока.

Полагаю, версия об «арабских корнях рыцарства» не выдерживает критики. Западное рыцарство — явление сугубо западное, оно лишь воссоздано в эпоху Крестовых походов.

Английский писатель Лоуренс в «Семи столпах мудрости» доказал ложность гипотезы о мусульманском происхождении мальтийских крепостей и замков.

Так же дело обстоит с аналогичными сооружениями тамплиеров: они отмечены византийским влиянием, это верно, однако ничего мусульманского там нет.

К тому же стабильное мусульманское желание умертвить пленных тамплиеров и госпитальеров не говорит об избытке сердечности предполагаемой дружбы.

И еще: обвинение в «копировании» иерархии «асассинов» — измаилитов горного старца — при создании администрации Тампля приложимо повсюду, включая современную французскую армию — любая субординация найдет соответствие... в любой другой.

И наконец: армия, которая почти двести лет пребывает или в сражениях, или в режиме спорадически вспыхивающих конфликтов, такая армия должна отличаться исключительной дисциплиной и воодушевлением.

Сражения, учения, дисциплина, церковные службы, еда, сон. Когда и каким образом воины поддерживали философические и прочие отношения с противником, говорящим к тому же на другом языке?

Из двадцати двух Великих магистров пятеро погибли в бою. Трудно представить, несмотря на куртуазию во время перемирий, теологические диспуты христианской кавалерии с мусульманами.

Все это, разумеется, непросто. Ведь не только воины составляют Тампль или ислам? И если светские рыцари не интересовались мусульманской теологией, монахи-шевалье очень даже могли интересоваться.

В ту эпоху на Ближнем Востоке царил невообразимый интеллектуально-мистический хаос: еврей-талмудисты, философы-гностики, христиане — несториане и манихейцы, у мусульман — суфии.

Трудно сказать, с Востока ли попали гностические символы на часовни и здания командорств Тампля или они европейского происхождения — гнозис, хотя и секретно, культивировался в Европе с первых веков.

В национальном архиве, на одной хартии Андре де Кулур, французского прецептора, красуется любопытная печать: надпись *Secretum Templi* окружает спирально обвитую змеей человеческую фигуру с головой петуха. Это знаменитый гностический символ бога Абразакса. Но тамплиеры далеко не единственные использовали гностическую символику.

С другой стороны, некоторые тамплиеры изучали алхимию, доказательством тому — знаменитый Бафомет. Определенные сведения об искусстве алхимии они могли получить от персидских суфиев, а те в свою очередь из великой Александрийской библиотеки до ее сожжения халифом Омаром. История с библиотекой тоже не вполне ясна — наиболее ценные манускрипты могли отобрать и унести прежде, чем солдаты принялись топить бани культурным наследием.

Известно: еще до возведения собора Сен-Дени персидские суфии — математики и алхимики — умели

делать витражи из алхимического стекла. Возможно, сведения на сей счет через тамплиеров попали к строителям Сен-Дени. Однако доказательств нет. В конце концов, христиане располагали Александрийской библиотекой до персидского завоевания — епископ Афанасий собственноручно сжег много пергаментов.

К тому же «розенкрейцеры-компаньоны», которым мы обязаны розетами на фронтонах соборов, заимствовали символ розы у персидских алхимиков. Тибо IV Шампань (протектор Тампля в своем графстве) привез розы в свою провинцию, где эти цветы взялись культивировать садовники Тампля и где работало инициатическое братство «Дети Соломона». Именно там два символа — роза и крест — соединились.

Но повторяю: нет никаких доказательств, что тамплиеры послужили связующим звеном между персидскими суфиями, садовниками и упомянутым братством.

10. Запад

Имели или нет шевалье Тампля особые и специальные отношения с мусульманами, роли не играет. Слишком уж хорошо сформулированы на процессе эти порочные связи в перспективе обвинения в предательстве, причем без всяких доказательств.

Полагаю, вряд ли инициаторы ордена так уж искали мусульманской мудрости, если в их распоряжении были Скрижали Закона.

Первую миссию они завершили, задачей на Востоке оставалась защита Святой земли — недурной полигон для молодых, энергичных шевалье и сержантов.

И к тому же отличный резон приобретения выгод и ценностей. Нельзя забывать: борьба в Палестине обусловила привилегии Тампля.

Эти привилегии полезны только на Западе, богатство ордена собиралось только на Западе.

Вторая миссия ордена сугубо социальна.

Привилегии, дарованные ордену разными папами, поистине удивительны.

Прежде всего, Тампль есть «Экклезия», «церковь в церкви», а потому свободен от сеньориальной и королевской юрисдикции, налогов и прочего. К тому же, будучи монахами, тамплиеры имели право давать убежище преследуемым и беззащитным — сейчас это именуется «экс-территориальностью».

Тампль свободен от клерикальной юрисдикции, поскольку зависит только от Папской курии.

Капелланам ордена дано епископальное право на «ремиссию», то есть на отпущение грехов.

Тампль — государство в государстве и церковь в церкви.

Причем в этом «государстве» жили мужественные, испытанные в сражениях люди, на которых не могли серьезно повлиять феодальные эскадроны или разбойничьи банды... Посему командорства предоставляли надежное убежище от подобных хищников.

В своих поместьях и деревнях тамплиеры обладали сеньориальным правом и юрисдикцией.

Удивительно: монах, что проповедовал в Везеле второй Крестовый поход, не очень-то ратовал в защиту Иерусалима.

Забывают, хотя все подтверждено документально, что святой Бернард не горел желанием второго похода. Эволюция Запада интересовала его больше, чем территориальные споры на Востоке.

Он уводил тему в сторону и в конце концов запросил у папы формального приказа пропагандировать этот поход, который не состоялся вообще.

Думаю, для святого Бернарда после возвращения девяти шевалье с драгоценной находкой распри на Востоке — только алиби. Экстенсивное развитие нового ордена — вот главное.

Потому он уклонился от проповедей в пользу похода.

Итак: какова же новая миссия?

Революция, не более и не менее.

Существует момент политической экономии во всей этой истории.

Орден Тампля состоит из командорств, как кирпичная стена из кирпичей. Командором может стать шевалье, сержант, монах, даже мирской субъект — безразлично.

Что такое командорство? Крепость? Пожалуй, сильно сказано.

Понятно, крепости были и выглядели соответственно. Не так часто, но были. В Испании, Португалии — они необходимы для защиты от мусульман; пояс крепостей шел по средиземноморскому побережью для защиты от алжирских корсаров и достигал берегов Прованса и Каталонии.

Командорства тамплиеров обладали некоторым военным аллюром: это окруженный стенами квадрат или прямоугольник с башнями по углам. Однако командорство не столь уж укрепленный пункт, башни скорее связывают стены, чем играют роль самостоятельных защитных пунктов. Но, если подобное строение и не может выдержать правильной осады, оно вполне эффективно против вольного разбойничьего люда.

Любопытно: по такому примерно плану выстроены укрепленные монастыри цистерцианцев в Северной Германии в двенадцатом-тринадцатом веках. Дунамюнде в Ливонии весьма напоминает командорство Пейенс с воротами в угловой башне — вероятно, цистерцианские строители имели контакты с тамплиерами.

Стены командорства с трех сторон окружены рвом, с четвертой — водоем естественный либо искусственный.

Подобное небольшое озеро не только защищает, но и снабжает рыбой, что весьма удобно при ограничении мяса во время поста.

Тамплиеры очень искусно устраивали водоемы. Даже сейчас, наткнувшись на такое озеро, можно точно сказать: здесь находилось командорство или ферма ордена.

В центре квадрата или прямоугольника стоял Grande Maison (большой дом) — монастырь, где жили шевалье и командор. Несколько этажей, стены на массивных опорах.

В «большом доме» есть капелла шевалье — прямоугольная зала, как правило, без окон. Другая капелла, публичная. На территории, кроме того, жилые постройки для персонала, ферма с крестьянами и семьями крестьян, коим вход в монастырь запрещен, особенно женщинам, что и понятно. Кроме того, гостиница для путников, паломников и так далее. Весьма часто за стенами командорства — больница или даже лепрозорий.

Аналогично бенедиктинскому Сито капеллы Тампля посвящены Богоматери. Только после передачи имущества Тампля ордену госпитальеров большинство капелл посвятили Иоанну Крестителю. Правда, в картулярии Великого приората Франции упоминаются капеллы Нотр-Дам-дю-Тампль, где продолжали служить три мессы в неделю, согласно уставу тамплиеров.

Каждое командорство имело ферму, где работы велись в режиме и по обычаям того или иного региона: крепостные в Бри, аренда в Нормандии, испольщина в Лимузене.

Недвижимое имущество Тампля тоже заслуживает внимания. Только в Труа, помимо Мэзон-дю-Тампль, где жили братья, орден имел полсотни домов, сдаваемых внаем. И такова ситуация почти в каждом городе. По слухам, Тамплю в одном Париже принадлежало несколько кварталов. Очень может быть.

И сверх того различные бенефиции по всей Франции.

Группа командорств образует «байли»; в байли собирается региональный капитул, где принимают неофитов. Церемониал различается в зависимости от обстоятельств: иногда участвует инициатическая коллегия — несколько шевалье, притом ночью, посвящают неофита — отсюда обвинения в сорселлерии (колдовстве).

Байли подчиняются «*maison provinciales*», которые в свою очередь образуют «*province*» (провинцию).

Провинций счетом девять — три простых и шесть двойных: Португалия, Арагон, Мальорка; далее Кастилия и Леон; Франция и Овернь; Ирландия и Англия; Германия и Венгрия; Верхняя и Нижняя Италия; Сицилия и Пуйи.

Простые провинции «в контакте» с мусульманами.

Португалия на особом положении: все шевалье и сержанты — португальцы, магистр принимает посвящение от цистерцианцев.

В Арагоне, как и на всем средиземноморском побережье, «дома» тамплиеров — постоянно готовые к бою крепости.

Мальорка — большое командорство, вероятная база орденового флота.

Кастилия и Леон — сплошь крепости и командорства, охраняющие паломников на пути к Святому Иакову Компостелле.

Особенность организации: исключая провинции «в контакте», остальные сдвоены.

Это следствие «дуальности», пронизывающей весь орден. Двоичность соответствует не только формальной структуре, но и жизненной философии вообще.

Каждое байли, каждое командорство имеет «двойника». В картулариях они цитируются попарно: к примеру, Сент-Жиль и Монтфрен, Тулуза и Леспине, Пейенс и Труа.

Припомним: не предписывает ли правило трапезовать вдвоем из одной тарелки, а затем еще одно правило — выходить из помещения попарно?

И припомним знаменитую печать: два всадника на одной лошади.

И на портале собора Реймса: два шевалье, защищенные одним щитом. Аналогичны изображения в Шартре и Амьене.

Великий магистр никогда не отправлялся в путь без своего компаньона по оружию.

Структура ордена дуалистична в экзистенции и акции, и, на мой взгляд, манихеизм здесь не причем. Байли соответствует другому байли, командорство другому командорству, шевалье другому шевалье — все это не призвано ли представить двойной аспект каждой данности?

Сознательный дуализм, введенный святым Бернардом в устав, символически выражен в черно-белом орденовом штандарте.

Но разве подобный дуализм не выражен в конструкции готического собора, где свод вознесен мощью двух колонн — идентичных и оппозиционных?

11. Тайна терновника

На феоде Пейенс местность Lezpinsey принадлежит командорству L'epinay (заросли терновника).

За редким исключением, вызванным последующим исчезновением имени, все командорства, по крайней мере сдвоенные, так или иначе относятся к местности, в названии которой кроется 'Erine (терний): 'Erinnay, Pinay, L' 'Epinay, 'Epinac.

Так может называться поле, дом, деревушка и даже городок, к примеру 'Epinay-sur-Orge: будьте уверены, командорство поблизости. Около Эпине-сюр-Орж — командорства Ри и Вири. Иногда имя изменяется, удлиняется, особенно если речь идет о лесном массиве: лес Курбепен близ байли Кулур.

Терновые заросли, понятно, во Франции не редкость, но любопытно следующее: после основания командорства в Пейенсе местность Lezpinsey превратилась в L'epinay.

Еще курьезный факт: перед «изобретением» розы персидскими суфиями в десятом или одиннадцатом веках в Италии и в Галлии «розой» называли белый терновник или боярышник — aub'epine.

У нас, таким образом, имеется весьма увлекательное символическое сообщение касательно «розы» и «терния», сообщение древнее, из религий самых разных, сакральных книг самых разных.

Совпадение многозначительное: в известном смысле терний — первоматерия ковчега, и вот почему: дерево ковчега, инкрустированное золотом, называется spina-christi; это, правда, дерево хвойное и вроде бы ничем не напоминает терновник наших областей.

Проследим символику вербальных совпадений.

Увенчанный тернием Христос.

«Песнь песней»: Я роза Сарона... я подобна лилии среди терний.

Дева, о ней поется в литаниях: Liliū inter spinas — лилия среди терний.

Сказка: дворец спящей красавицы окружен терновником, и только прекрасный принц умеет пройти беспощадную ограду и пробудить... деву.

Лилия... и снова посреди терний.

Тернии, свитые в корону, окружают в христианской символике Сакре-Кер — сердце Спасителя; в алхимии тернии окружают либо розу, либо центр (сердце) тайного огня, откуда вздымается лилейное соцветие о семи цветах.

Тернии — защита суть. Надо уметь пройти, преодолеть, дабы достигнуть красавицы, лилии, розы...

Памятуя символику омонима, коснемся аспекта обычного и анатомического — позвоночника (l' 'epine dorsale), что защищает спинной мозг.

Со спинным мозгом, или «каналом», связана витальная энергия человека.

Индийские мудрецы удостоили нас нескольких экспликаций.

Итак: есть в человеке энергия, независимая от простой жизненной силы. Согласно индийской традиции, это «змея кундалини», спящая в корнях позвоночного столба. Соответствующей практикой эту «змеиную энергию» пробуждают, после чего она поднимается по «каналу» позвоночника, равным образом пробуждая различные центры (чакры) экстраординарной перцепции. Доходя до фронтального межбровья, энергия сия раскрывает «третий глаз», позволяющий «видеть», игнорируя время и

пространство и т. д. В области темени (сахасрара чакра) эта энергия активизирует «божественное познание».

В тантрическом буддизме триумф кундалини символизируется коброй, что раскрывает капюшон, наподобие зонта, над достигшим озарения Буддой.

Более или менее аналогично символизируется у фараонов изображение на лбу головы кобры.

Тамплиеры были, вероятно, в курсе данной инициации. Свидетели на процессе упоминали о «поцелуйном обряде»: мэтр целует ученику низ позвоночника, что «помогает» пробуждению упомянутой энергии. Обвинители, понятно, истолковали обряд по-своему.

Это, прибавим, реальный смысл обета целомудрия. Пробужденной энергии надлежит подниматься по «каналу», а не рассеиваться в сексуальных актах.

Поцелуйный обряд и обет целомудрия подтверждают присутствие посвященных в ордене Тампля.

Удивительная смерть Жака де Моле — я еще расскажу об этом — доказывает реальность подобного посвящения.

Но какую это имеет связь с названием 'Erine?

Подземные сводчатые коридоры, «каналы», потайные ходы. В Тампле, несомненно, существовал непроявленный центр, подземные узлы и коридоры служили, возможно, секретным эмиссарам, а слово 'Erine служило, возможно, паролем или указателем...

К слову сказать, в командорствах больших городов, напротив основной стены, всегда стояло невзрачное каменное строение, которое, безусловно, сообщалось подземным ходом с «домом», что позволяло незаметно и скрытно войти в командорство.

В каждом командорстве непременно были подземные помещения, судя по неожиданным открытиям в силу разных случайностей — обвалов, строительных, сельскохозяйственных работ и прочее. В Дормэлле, к примеру, раскрылось сводчатое подземелье шириной в проезд трех всадников: через восемьдесят метров подземелье обрывалось обвалом. Подземный коридор направлялся в Пале — родственное командорство.

Очень бы неплохо обследовать «дома» 'Erine и 'Erinas.

Очень бы неплохо подумать и о таинственной церкви Нотр-Дам-дел' Эпен, воздвигнутой в четырнадцатом и пятнадцатом веках в нескольких километрах от Шалон-сюр-Марн. Она определенно имеет отношение к любопытной константе 'Erine.

Эту базилику усердно посещают паломники, эта базилика находится на прямой линии командорств Сент-Этьен-о-Тампль, Дампьер-о-Тампль, Сент-Илэр-о-Тампль, зависимых от байли Вильнев-о-Тампль...

«Нотр-Дам-дел'Эпен, — заметил Люк Бенуа, — странная церковь, воздвигнутая в захолустье, и вместе с тем это самое замечательное здание в Шампани, разумеется после Нотр-Дам-де-Реймс».

В «Тайне собора Шартра» я вот что акцентировал: группа церквей Нотр-Дам старого парижского региона отражает конфигурацию созвездия Девы. Нотр-Дам-дел'Эпен — одна из звезд этой констелляции.

Странно. Никакой логики ни в истории, ни в концепции.

Историческая версия: церковь воздвигли на том месте, где пастух увидел около 1400 года статую Девы в пламенном терновнике. Отсюда имя, отсюда паломничество.

Но, судя по текстам тринадцатого века, здесь была церковь такого имени и паломничество тоже было.

И все же в хрониках сказано: постройка датируется пятнадцатым веком. После разглашения легенды о статуе Девы. Строить взялись в 1410 году, не боясь Столетней войны, и строили долго.

Мнение археологов: церковь — пятнадцатого века, план и пропорции — тринадцатого: декоративные особенности, присущие строителям пятнадцатого века, не имеют архитектурного значения.

План и пропорции данной церкви и собора в Шартре весьма аналогичны. В обоих случаях нэф решен в пропорции октавы, то есть длина клироса и расстояние от клироса до дверей относятся как один к восьми.

Равным образом ритмическое развитие горизонталей «корабля» церкви — колонных капителей, базовых кордонов трифориума и высоких окон, капителей сводовых аркад — идентично ритмике собора Шартра, то есть соответствует первому грегорианскому ладу.

Свод, однако, решен в трех шпилях как в соборе Амьена.

Более того, систематическое использование угловых пилястровых колонн (аналогично Шартру, Реймсу и Амьену), образующих обратный кельтский крест, кажется мне сигнатурой одного и того же братства строителей. Полагаю, хотя и не могу утверждать наверняка, что это «дети Соломона», связанные с тамплиерами.

Но в пятнадцатом веке подобные братства были запрещены, рассеяны либо скрывались в секрете. Кто бы решился ставить новую церковь по инициатическим канонам двухвековой давности?

И мыслимое ли дело, чтобы архитекторы пятнадцатого века захотели «копировать» план и пропорции старых соборов — ведь порталы, колокольни, абсида сработаны в духе эпохи.

Не был ли этот план, так сказать, «предустановлен»? И какое сообщение передали легендой о Деве в пламенном терновнике (находка статуи Девы примерно совпадает с началом строительства) в сочетании с монументом прошлого?

Вопрос нелегкий. Согласно поверию, план церкви передал некий Патрик, английский мастер; согласно Люку Бенуа, его спутали с каменщиком из Шалона по имени Путрис, который здравствовал в середине пятнадцатого века.

В любом случае нельзя отрицать предустановленный план.

Чудом найденная статуя, план... и какой-то неизвестный, вероятный наследник «детей Соломона», который инициировал возведение церкви, согласно традиционным данным, — *он еще знал это.*

На мой взгляд, нельзя разделять проблему 'Erine, сферу терния вообще, от расположения командорств Тампля.

Константа ли это, залог ли это гораздо более длительной жизни ордена?

Вопрос нелегкий.

Еще раз о терновнике, тернии.

В Тампле пять раз перевели на французский библейскую «Книгу Судий».

Для чтения в трапезных, говорят. Возможно. Хотя возможна иная версия. Читаем в «Книге Судий» (современная трактовка): Тогда деревья обратились к терновнику: Приходи и повелевай нами. Если вы по

доброй воле желаете выбрать меня повелителем, — отвечивал терновник, — приходите и насладитесь моей тенью; если же нет, вырвется пламя из терний и сожжет кедры Ливана.

12. Ла-Рошель

Шесть больших дорог расходятся от Ла-Рошели радиально по всей Франции...

И надо прибавить еще одну — в сторону Бордо. В Нарбонне она выходит к побережью Атлантики.

Спрашивается, какое значение представлял для Тампля порт Ла-Рошель, о котором заговорили только с этой эпохи? Видимо, серьезное, ибо тамплиеры устроили там *maison provinciale* (дом Провинции), контролирующей байли и командорства данной полосы атлантического побережья.

Здесь, равно как у Форе-д'Орьян, установлена двойная линия командорств.

И поскольку случай — не слишком рачительный хозяин, надо думать, двойная линия командорств сделана преднамеренно.

Порт Ла-Рошель, вероятно, особо интересовал Тампля, по крайней мере флот Тампля, если предположить таинственность его вояжей. Почему нет?

Известно, несмотря на скудость документации: орден имел мощный, хорошо оснащенный флот.

Флот настолько внушительный, что арматоры Марселя пытались сократить его присутствие в марсельском порту, опасаясь за собственную торговлю с Палестиной. Они постоянно требовали от тамплиеров энное количество транспортных судов на нужды города.

На берегах Прованса орден располагал рейдом Сент-Рафаэль, на каталанском побережье еще одной гаванью. Имелся флот на Мальорке и в Португалии.

Предписание: «Все корабли гавани Сент-Жан-д'Акр находятся в распоряжении командира земли, командира порта и братьев ордена».

Известно: король Ричард Львиное Сердце вернулся в Европу на корабле тамплиеров и переодетый тамплиером.

Но какая связь меж Ла-Рошелью и Святой землей?

Похоже, никакой.

У Тампля владения в Англии, Испании, Португалии. Контакты с Англией недурны: гавани на фламандских и нормандских берегах, к примеру Барфлер — под наблюдением байли Вальканвиль; Сент-Валери-ан-Ко с двумя командорствами — Блоссвиль и Дросэ; гавани на Сомме и северном берегу.

До Испании и Португалии легко добраться сушей — командорства держали ущелья и горные проходы, к тому же удобные пункты на кантабрийском берегу.

Ну и что?

Вот что рассказывает Жан де ла Варанд — историк весьма скрупулезный, но не без пристрастий, — подкрепляя писательский талант памятью родовых поколений и приватными архивами своей нормандской провинции, — рассказывает в книге под названием «*Les Gentilshommes*» («Дворяне», или «Джентльмены», или «Люди благородного происхождения»).

По его мнению, тамплиеры часто плавали в Америку, где вели разработку серебряных рудников.

Потому о тамплиерах говорили: *ils avaient de l'argent* (у них есть серебро) — выражение стало общепринятым для обозначения людей денежных.

Я склонен верить Жану де ла Варанду даже из-за этого серебра. Серебро — металл относительно скромный. Если бы историку вздумалось потешить читателя, он поведал бы о золотых россыпях и

драгоценных камнях.

Доказательств, разумеется, нет. Когда речь идет о тамплиерах, доказательств, разумеется, не бывает. Слишком уж тщательно стерты следы. В архивах, по крайней мере.

Но давайте прикинем то да се.

1. Они владели отличным флотом.

2. Многие из них — норманны, свойственники тех, кто в эпоху основания ордена или десятилетиями ранее плавали из Гренландии в Америку, которую они называли Винланд — страной дикого винограда.

3. Среди этих моряков встречались бретонцы, предки которых задолго до Колумба посещали берега близ Филадельфии.

4. Среди тамплиеров наверняка были люди, осведомленные о шаровидности земли, подобно папе Сильвестру II и его ученикам, подобно архитектору собора Шартра, — он знал к тому же и размеры шара сего.

5. Тамплиеры посещали финикийские торговые города и вполне могли отыскать древние географические документы — финикийцы, очень вероятно, бросали якоря у американских берегов. Знаменитые карты турецкого адмирала Пири-реиса изменили наше представление о географических познаниях в старину.

6. После распада Тампля шевалье Иберийского полуострова рассеялись по различным, более или менее аналогичным орденам: в Испании — Калатрава, в Португалии — орден Христа, основанный специально по их замыслу.

Известно: Колумб и компания изучали картулярии и архивы Калатравы, прежде чем вдохновить Изабеллу Католическую. И немного позднее испанская эскадра благополучно достигла Америки в надежде на богатую поживу.

Известно: португальский флот приблизительно в ту же эпоху не менее благополучно двинулся в неведомые моря под примечательным девизом: «За мысом Могадор португальским судам разрешено плавать только под флагом ордена». И под флагом «реформированных тамплиеров» «Васко да Гама открыл Индию, которую завоевали Альбукерк и Хуан де Кастро». (Корреа де Серо. «О реальных последователях Тампля».)

Доказательств, правда, маловато. Но какой простор для удивительных предположений.

И это не все.

На тимпане портика Везеле (примерно 1150 год) представлен, среди народов земли, «большеухий индеец», причем не индус, а именно американский индеец. Между прочим, компаньоны братства «Свобода наш долг» — наследники «детей Соломона» — называли себя «индейцами». Воспоминание о каком-то вояже, быть может.

Далее.

Я придерживаюсь следующей тезы: все «оперативное» в средневековой Франции пришло от кельтской традиции.

Два слова на эту тему.

В свое время Марсель Моро и другие исследователи очень неплохо разобрались во влиянии кельтского и галльского искусства на романский стиль. Мастера, что реализовали романский, затем готический стили, использовали знание великой кельтской традиции. Там встречаются легенды, возможно, исторически достоверные.

В эпосе о Кучулэне, герое ирландского рыцарского братства «Красная Ветвь», рассказано: Кучулэн (умер во втором году н. э.) был из тех легендарных воителей, которые дерзали путешествовать в далекие западные моря в поисках Островов Блаженных. И вот попал он на остров Лабред, «в страну Наслаждений, в сердце голубого прозрачного озера»; в стране этой — «серебряный дворец, серебряная утварь, на стенах, оружие с богатой насечкой, в саду яблони, утомленные тяжелыми плодами».

Легенда гласит: Кучулэн помог хозяину очарованного острова отбить нападение врагов и потом, после всяких наслаждений и удовольствий, возвратился в родной город Ульстер к жене своей Эльмер.

У индейцев майя Гватемалы и Юкатана есть такое поверье: в давние времена к речным берегам причалили белокожие люди — их корабли скользили в волнах и блестили в солнце драконовой чешуей.

Пришельцы отличались высоким ростом, красотой, синими глазами и странной одеждой. Голову предводителя украшал обруч в виде двух сплетенных змей. Белокожие некоторое время жили у индейцев и учили разным премудростям...

Век проходил за веком...

Рассказывают: где-то в конце одиннадцатого века чужеземец высадился на берега Юкатана. По «мексикански» его звали Кетцалькоатль (птица-змея), майя именовали его Кукулкан (пернатый змей). Его пленником привели в город Чичен-Итца и бросили в колодец. Пленник умудрился спастись, после чего получил титул «небесного посланца».

Он носил бороду.

История любопытна во многих планах.

Во-первых, Кучулэн произносился когда-то: Кукулэн.

Во-вторых, ирландские корабли выглядели как норвежские «драккары» (множественное от drak — дракон): фигурный бушприт напоминал голову дракона или змеи; волнистые линии сверкающих в солнечной пене весел вызывали ассоциацию с крыльями.

Белокожие, бородатые, высокие, синеглазые — полная противоположность индейцам.

И к тому же на голове вождя — инициатический обруч в виде сплетенных змей: согласно ирландскому обычаю, символ часто встречается на древних орнаментах.

И если необычной внешности герой помогает хозяину истребить врагов, удивительно ли, что этот пернатый человеко-змей кажется возникшим из моря богом?

И если легенда сохранилась до десятого-одиннадцатого веков, когда другой бородатый белокожий приплыл на корабле-драконе к берегам Юкатана и к тому же выдержал испытание в колодце, удивительно ли, что его считают посланцем легендарного Кукулкана.

Удивительно ли после этого всего, что тамплиеры высадились в Америке, на Юкатане, где были серебряные рудники?

Исторический факт: когда экипаж Колумба появился на американских берегах, туземцы встретили пришельцев спокойно и радушно — их нисколько не поразили ни европейская внешность, ни крест.

Но конкистадоры жаждали золота. Остальное известно.

Для энтузиастов легенда — романтически окрашенная версия реальных событий. Утверждение, понятно, спорное. Но есть указатели и менее романтические.

Серебро, кстати говоря, редко попадалось в расцвете Средних веков. Монеты чеканились в основном золотые и бронзовые. На Востоке серебро ценилось дороже золота.

И вдруг серебряных монет — Вийон называл их «блондинками» — достаточно более чем. Откуда?

Серебряных рудников в Европе очень мало, только в Германии, где разработки не велись.

В России подобные месторождения игнорировались.

Родина серебра — Мексика, Северная Америка.

Откуда же явилось серебро в конце Средневековья перед Христофором Колумбом?

И спросим заодно: почему в Ла-Рошель, которую и городом-то трудно назвать, тамплиеры провели столько дорог?

Перед двенадцатым веком Европа бедна и деньги — редкость.

В двенадцатом-четырнадцатом веках богатство прогрессирует, позволяя экстраординарные реализации.

Соборы, например.

Может быть, сей ошеломительный факт — результат инфляции? Инфляции чего? Очевидно, металла, поскольку бумажных денег не существовало. И откуда металл?

Кто-то его доставил, надо думать. Или сфабриковал. Либо транспорт, либо алхимия.

Одно другого, вообще-то, не исключает.

Я не столь наивен, дабы считать, что адепты, занятые выделкой витражных стекол, на отдыхе трансформировали вульгарные металлы. Даже если так — процесс был весьма лимитирован.

Не надобно ли вновь вернуться в гавань Ла-Рошель?

И еще: на Востоке серебра не было. Или очень мало.

13. Богатство

Более всего наша «капиталистическая» эпоха, безразлично, действует ли частный или государственный капитализм, восхищается финансовой организацией Тампля, то есть изобретением банков, больших банков.

В сущности, это даже не изобретение, а необходимость. Если считать множество командорств собранием «филиалов», понятно: для динамизма денежных масс (тамплиеры всегда заинтересованы в движении, помещении, обороте финансов) без банков не обойтись.

Развитием коммерции тамплиеры занимались много: строили дороги, склады, гостиницы, что, безусловно, содействовало торговой циркуляции.

Однако рост коммерческих связей невозможен без своевременной доставки денег, и это момент исключительный.

В ту эпоху не фабриковали бумажных купюр — легко представить трудности перевоза увесистого монетарного металла на гужевом транспорте: прибавим капризы погоды и постоянную угрозу ограбления.

Дабы избежать подобной головной боли, тамплиеры ввели систему вексельного учета, которая практиковалась в Ломбардии и Венеции. Система простая: некто оставляет определенную сумму (в металле, не забудем), скажем, в командорстве Парижа. Взамен бухгалтер выдает вексель на другое командорство — в Тулузе, допустим, и некто по предъявлении документа получает там эквивалент своего депозита в любой «валюте».

Устраняются, таким образом, тяготы транспорта и прочие дорожные проблемы крупного негодянта: при себе у него только бесполезный для воров вексель.

Принимались, вероятно, разные, известные только банкирам предосторожности вроде секретных пометок или вензелей на векселях, хотя криптограммы такого рода не дошли до нас. Идея месье Пробста-Бирабана касательно «расшифровки» посредством креста, причем мальтийского креста, не кажется мне удачной — слишком наивно. А тамплиеры умели хранить секреты — ведь об ордене до сих пор толком ничего не известно. Понятно, за свои векселя они начисляли «ажю», но клиенты не жаловались на чрезмерность, поскольку транспорты с деньгами всегда сопровождала вооруженная орденская охрана.

Устройство банков, безусловно, часть цивилизаторской миссии Тампля — цивилизация не в силах развиваться без интенсивного денежного обмена.

Нельзя сомневаться в совершенной деловой честности этих банков: вскоре после нововведения многие денежные люди депозировали значительные суммы, более того, давали банкирам счета на перепроверку. Сам французский король поместил казну в командорство Парижа и доверился совместной бухгалтерии.

И еще.

Известная доля донаций Тамплю состояла в бенефициях: налогах, десятинах, пошлинах — на церкви, рынки и т. п. Бухгалтеры Тампля показали немалую сноровку в приеме и учете этих бенефиций, потому-то власти часто обращались к ним за помощью в учете королевских налогов.

К примеру, командор Пейенса собирал королевские налоги в Шампани и Фландрии. Эти суммы под протекцией ордена переправлялись в королевское казначейство, которое долгое время находилось... в командорстве Парижа.

Тамплъ давал деньги в долг весьма охотно. Филипп Красивый занял огромную сумму — задумал

обеспечить дочь хорошим приданым. Тамплиеры не менее охотно ссужали епископов, поскольку сановникам Церкви необходима была для процветания достаточно роскошная атмосфера.

Частных лиц также не забывали: сохранилась расписка 1135 года Пьетро Дезде из Сарагоссы и его жены Элизабет — они заложили дом и поместье, прямо как у нас в муниципальном банке. После ареста 1307 года во многих командорствах нашли инвентарную опись полученного в залог добра. Король все это оставил за собой, равно как одолженные капиталы. Широко и по-королевски.

Через руки тамплиеров проходили огромные суммы, которые никогда не задерживались в казначействе, разве что для банковских нужд. Ведь подобные задержки мрачно отразились бы на экономической динамике.

Культура, коммерция, ремесла, строительство «движутся» одновременно с денежной циркуляцией. Несмотря на «подточку» и «обрезание» монет — занятием сим весьма увлекался Филипп Красивый, — и речи не могло быть о «бумажной эмиссии» в стиле современных правительств: девизы на имеющих хождение монетах точно соответствовали весу монетарного металла.

Если бы Тампль, контролировавший огромное богатство, вдруг «заморозил» свои капиталы, случилась бы просто катастрофа: чувствительное сокращение денежной массы затормозило бы экстенсивное развитие цивилизации.

Но Тампль, далекий от подобной мысли, постоянно обращал деньги в ценности, особенно в недвижимые ценности.

Когда Жак де Моле привез с Востока армейскую казну, деньги пошли на покупку земель в долине Роны, в окрестностях Бокэра и в долине Рейна близ Тревира.

Вот почему.

Святая земля была определенно потеряна, и Тампль активизировался на Западе. И хотя донации практически прекратились, исключая денежные и прочие приношения новых членов ордена, ресурсов хватало на что угодно.

Территориальные приобретения таковы, что незадолго до процесса Филипп Красивый попытался декретом запретить новые покупки. Однако в силу полной незаконности декрет пришлось отменить.

Несколько любопытных девятнадцатого века пытались «прояснить» богатство Тампля; занимались калькуляцией золота, ценность коего изменилась в новое время; калькулировали расходы на содержание энного числа шевалье и все такое прочее. Тем не менее получили результат довольно астрономический.

Занятие, разумеется, бесполезное, ибо система ценностей кардинально переменялась.

Число командорств в одной Франции приближалось к двум тысячам. В каждом командорстве земельные угодия — обработанная земля, луга, леса, озера — составляли две тысячи арпанов, то есть около тысячи гектаров.

Согласно некоторым сохранным записям, эти земли на протяжении двух веков обрабатывались, и обрабатывались хорошо, — понятно, почему не было голода, но только неурожаи; голод пришел позже.

Далее.

Свидетельство косвенное, но все же: судя по одеждам и паноплиям, люди четырнадцатого-пятнадцатого столетий весьма измельчали сравнительно с эпохой Тампля. Вспыхнули неведомые доселе эпидемии — несомненное следствие Столетней войны.

Кроме командорств, ферм, складов и гостиниц тамплиеры владели чуть не в каждом городе внушительным количеством домов — это довольно редко упоминается в дошедших до нас картуляриях.

Только в Париже им принадлежал квартал Марэ — меж старым Тамплем с причалом на Сене и новым Тамплем со знаменитой башней. Надо прибавить холм Бельвиль в садах и цветниках, увитые виноградом склоны Монмартра. На левом берегу Сены они имели кое-какую недвижимость в квартале Сент-Мишель и значительную часть предместья Сент-Жак.

И так чуть не в каждом французском городе.

Такой пирог, понятно, возбуждал Филиппа Красивого, безденежного и ненасытного, как любое правительство.

Существование и принципы ордена Тампль равным образом возбуждают много вопросов.

Один из принципов — бедность, бедность непрременная, обязательная, но при этом невозможная без своей оппозиции — богатства.

Вспомним девиз ордена: *Non nobis Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*. Не ради нас, Господь, не ради нас, но ради славы имени Твоего.

Поразмыслим.

Если бы Филипп Красивый не приказал в 1307 году арестовать тамплиеров и наложить секвестр на движимость и недвижимость, если бы по навету своего духовника и Великого инквизитора Гийома Парижского не задумал этого образцово подлого процесса...

Тамплиеры имели в одной только Франции около двух миллионов гектаров, свободных от налогов и сборов. В скором времени приобрели бы вдвое больше. Люди, которые землю обрабатывали, свободные от налогов и сборов, подчинялись бы только юрисдикции ордена.

И что осталось бы от сеньоральной и церковной власти?

Власть временщиков держится либо силой, либо деньгами.

Дворянство тяготело бы к несомненно лучшей в мире армии, богатство сосредоточилось бы в ордене.

Епископы были бы низведены до уровня простых служителей Божьих. И разве какой-нибудь бастард короля или младший сынок знатного вельможи мог бы рассчитывать на дворец епископа?

Дворянство образовало бы шевальерию, и только: под штандартом Тампля у дворянина остался бы лишь один выбор — стать человеком благородным в высоком смысле или никем и ничем.

В сущности, все это содержится имплицитно в уставе святого Бернарда: могущество ордена и невозможность извлечения частных выгод из такого могущества.

Согласно рыцарскому кодексу, рожденному одновременно с Тамплем, шевалье, прежде всего, освободители.

Именно так. Действующая армия в Палестине — это алиби и апробация воинской доблести; миссия ордена Тампля на Западе — миссия освобождения.

Поразительно, военно-монашеская организация не пренебрегала упорными занятиями агрикультурой; цель понятна: освободить население от голода, этого проклятья Средневековья.

Объемы выращенных злаков намного превышали потребности как западных командорств, так и восточной армии, посему значительные излишки поступали на рынки. Зачастую в командорствах или поблизости устраивали зернохранилища. Орден предоставлял также транспорт для доставки продовольствия в регионы, обойденные хорошей погодой или удачей.

Проблема милосердия решалась однозначно и строго по уставу. Милостыня раздавалась три раза в

неделю. Два тамплиера, принимаясь за еду, знали: еды должно хватить еще и на третьего — на какого-нибудь бедняка. Итак: милосердие и умеренность.

Насколько известно, подобные предписания четко выполнялись. Как выяснилось во время процесса, одно командорство в неурожайный год раздало милостыню за неделю десяти тысячам.

Дороги, устроенные тамплиерами, или дороги под их наблюдением значительно способствовали коммерции.

Тамплиеры старались освободить путешественников от поборов, чинимых землевладельцами за проезд по их территории.

Они охотно принимали мастеровой люд в своих командорствах, где можно было жить, не боясь налогов и реквизиций.

По просьбе Амори, приора Тампля во Франции, Людовик Святой даровал строителям церковей право свободно трудиться, не подвергаясь репрессиям властей.

Наконец, при всяком удобном случае, к примеру, если они имели сеньоральное право над какой-либо деревней, тамплиеры освобождали сервов, превращая их в арендаторов или собственников земельных наделов.

Сервы тамплиеров вообще считались приличными людьми — вступать с ними в брачные отношения не гнушались даже «буржуа», то есть свободные граждане, платящие ценз.

Можно ли вообразить общественное устройство при конечном успехе рыцарской миссии Тампля?

Трудно, ибо нам неизвестна секретная философия ордена. В распоряжении Тампля находились армия и финансы — движущие силы всякого социального преобразования, причем ни один член ордена не мог извлечь приватную пользу из общего могущества. При этом орден действовал в духе свободы и справедливости, поощряя цивилизаторскую активность.

И несомненно более серьезная цель: монахи-воины, посвященные Тампля, пришли за друидами, чтобы совершенствовать человеческую эволюцию сооружением религиозных монументов.

14. Собор

Тамплъ стремился к такому социальному устройству, которое древние считали оптимальным.

Крестьянин кормит, ремесленник мастерит полезные вещи, коммерсант распределяет, воин незаинтересованно охраняет материальные ценности.

Каждое сословие делится на три уровня, согласно трем стадиям человеческой эволюции; все вместе это составляет общественную пирамиду.

Необходимо: обеспечить людей хлебом, инструментами, полезной утварью, средствами сообщения, безопасным времяпровождением.

Необходимо, но недостаточно.

Человек отличается от других живых существ улыбкой и смехом. Но еще более — шансом духовного пробуждения.

В материальной среде можно практически все постигнуть руками.

В интеллектуальной среде можно почти все постигнуть мозгами — дату битвы при Мариньяно, интегральное исчисление и т. д.

Все это не более чем высоко развитая анимальность. Вне спиритуального пробуждения ручная либо интеллектуальная работа — набор рефлексов плюс приличная память.

Спиритус не пробуждается посредством *ергодиалектики*. Поначалу требуется своего рода персональная «гимнастика», «резонанс» с теми или иными натуральными ритмами духовных манифестаций в материи.

Да: молитвы, инкантиации, ритуалы, разновидности йоги, экзотические танцы (дервишей, к примеру). Но это лишь процедуры «монашеские» — здесь нужна дисциплина и компетентная дирекция. Если работа с материей, в материи, мало-помалу образует натуральную и весьма гармоническую связь работника и данной материи, проступает возможность духовного пробуждения. Работник постепенно обращается в артиста, привыкая к материи, обретая «магию руки» — подобная магия «передавалась» отцом сыну, учителем ученику, — бенедиктинский орден всячески поддерживал такую традицию.

В этом аспекте монахи не различают работу и молитву, некоторые индусские секты — работу и йогу.

Ритм «мануальной магии» внушается другим, если у них, других, есть потенция подобного ритма.

Магия рук способна спровоцировать спиритуальное пробуждение. И в данном плане архитектура удивительное средство. Вот почему во всех цивилизациях так велика роль созидателей религиозных конструкций, вот почему обучение такому делу всегда инициатично.

Любая организация, занятая цивилизаторской миссией, выдвигает архитектуру: судя по документам, Тамплъ активно помогал строителям соборов.

...Формы спиритуального пробуждения многолики: поэзия, музыка, соцветия, фигуры — все это компоненты ритуала.

Но земля конкретная, вернее, избранные пункты способны инициировать прямое действие — места паломничества, к примеру.

Характерно: места христианского паломничества зачастую совпадают со святынями язычников,

словно избранные географические пункты независимы от вызываемых богов.

Явление Изиды сопровождалось чудесами в Абукире, затем аналогично отличились святой Кир и мусульманские «марбуты Аллаха».

Говорят, новая религия надевает сброшенные туфли предыдущей, располагаясь в идентичных местах. Религии припадают к сакральным источникам, географически точно определенным.

Местам, где спиритуальное раскрывается конкретно и зримо. Посвященные стараются их найти, чтобы воздвигнуть монументы религиозного порыва. И подобные монументы д'олжно строить, максимально учитывая специфику сакрального пространства.

Это требует от религиозного созидателя куда более познаний, нежели от обычного архитектора, — ведь речь идет о направленном действии монумента.

Не только позиции Соломонова Храма тамплиеры обязаны именем своим.

Для направленного действия необходим новый инструмент. По возвращении девяти шевалье началась готика.

Появление, экстенсивность, даже конструкция готики остались тайной для историков.

Объяснение: объясняют переход от романского стиля простым архитектурным развитием — отсюда «готика транзита» — название, правда, придумано позднее. Поначалу рассуждали о «готике примитивной», что более точно.

Этот самый «транзит» находят лишь в деталях, в декоре, в статуе-колонне, что мало-помалу отделяется от колонны, в меняющих форму капителях, в основании веррьеров; только это не транзит романского стиля в готический, но адаптация строителей к новой архитектуре.

Каменщики и строители не делают готику, начиная со стиля романского: просто стойкие романские «привычки», еще не преодоленные готикой.

Нюанс.

Имеются готические «опыты» руки, которая дружит со стилем романским, — такие «опыты» делаются, как правило, без необходимых познаний. Имеются готические репризы на романской основе. Но какой же это транзит.

Между стилем романским и готическим — оппозиция статики и динамики, что вызывает инверсию веса и силы.

Главное отличие — форма свода. Разница структур стен, окон и так далее уступает главному фундаментальному отличию и его не создает.

Имеется меж двумя стилями инверсия принципов. Романский свод — тяжелое покрытие, давящее на стены, посему стены должны быть толстыми и плотными.

Готический свод — результат пружинистого ансамбля каменных плит, пригнанных до такой степени, что покрытие более не давит стены, напротив, сжимается напряженностью полета. Стены в известном смысле освобождаются — отсюда грандиозные витражи.

Нет никакого транзита меж двумя стилями, никаких сходных параметров. Готический свод сокрушил бы романские стены, разве что они будут прочности невероятной. Романский свод, охваченный готическими арк-бутанами, затрещал бы преломлением *вверх*.

Готика — полностью новая «система», неизвестная в прошлом: готический свод так стиснут меж двух

арк-бутанов, что взорвался бы, если не удерживался бы огромным весом своего центра.

Тяжесть прежде всего. Тяжесть арк-бутанов рождает боковое давление, тяжесть плит свода рождает вертикальный порыв центра. Упругая тягость каменных плит «бросает» свод вверх.

Тягость таит в себе собственную негацию, почти левитацию. Переплетенье огив — специфика готического стиля — средоточие напряженностей, спровоцированных арк-бутанами, что опираются на контрфорсы и блокируются весом пинаклей.

Напряженности каменных плит внушали компаньонам, работающим под началом Вьолет ле Дюка, любопытные опасения: казалось, даже минимальный удар по тем или иным плитам разбудит сонорные волны — как на рессорах или хорошо натянутых струнах музыкального инструмента.

Эта вибрация, слышимая или нет, постоянна в готических соборах. Направленное действие на паству. Собор не только место, где свершается культ, собор — общий дом, куда спешат охотно и радостно.

В Шартре, в Пасху, прихожане, ведомые епископом, танцевали рондо, словно язычники вокруг сакральных монолитов.

Своды соборов уходят ввысь на много десятков метров — сколько же разнообразных знаний требуется мэтру строительства.

В «Тайнах собора Шартра» я пришел к выводу: геометрические кондиции собора говорят о недурной осведомленности архитектора касательно мер и пропорций земного шара. Спрашивается, откуда? За неимением другого ответа, я предположил, что архитекторы и концепторы владели исключительной ценности научным документом. Вполне вероятно, «Скрижалями Закона», доставленными девятью шеваляе.

Косвенные подтверждения.

«Компаньоны долга свободы», наследники «Детей Соломона», религиозные строители, что создали несколько чисто готических соборов, не скрывали: у них был трактат по дескриптивной геометрии, без которого подобные конструкции невозможны. Они это получили от монахов Сито.

Считается, готику вдохновил цистерцианский орден или, по мнению Пьера Коломбье, цистерцианцы — «коммивояжеры готики».

Наследники святого Бернарда, тамплиеры, вышли из Сито и, как выразился художник Даниэль-Ропс, цитируемый Анн-Мари Арман, «главным и существенным готическая архитектура обязана святому Бернарду».

Впрочем, «Дети Соломона» — даже имя свидетельство тому — тесно связаны с Тамплем.

И это не все.

Экстраординарно: в немногочисленном для той эпохи населении Франции нашлось столько гранильщиков, каменщиков, плотников, мэтров выделки стекла и, наконец, архитекторов для постройки столь многих лаических храмов, то есть открытых всем и каждому.

Роль бенедиктинцев и аббатства Ключни понятна, и все же.

В двенадцатом-тринадцатом веках открыты, заложены следующие храмы: В Нуайоне, 1140; в Санлисе и Лаоне, 1153; в Париже, 1163; в Пуатье, 1166; в Сансе и Лизье, 1170; в Суассоне, 1175; в Бурже, 1190; в Шартре, 1194; в Руане, 1200; в Реймсе, 1211; в Оксерре, 1215; в Мансе, 1217; в Кутансе, 1218; в Амьене, 1220; в Тулузе, 1229; в Страсбурге, 1240... и так далее.

Я перечислил только самые важные.

Сколько мэтров строительства, резчиков, гранильщиков, каменщиков!

А деньги?

Понятно, все они верующие люди, но монахов среди них мало, на доходы аббатства рассчитывать не приходилось, это в большинстве миряне со своими семьями и заботами...

А ведь оплачивать надобно не только их, но и рабочих на карьерах, грузчиков, сучильщиков каната, водоносов, угольщиков, зрителей и других, а затем скульпторов, мэтров по стеклу и прочее.

Деньги?

От народа, разумеется. Платит всегда народ так или иначе. Однако народ беден, и много с него возьмешь только за многие годы.

Король, сеньоры, епископы, каноники наперечет известны, ибо они всегда свои дары надписывают, причем одаривают скудно: алтарь, витраж, статуя...

Общины? Но кроме Парижа страна заселена небольшими городами да деревнями — какой с них прок?

Только одна организация достаточно богата, чтобы все финансировать. Тампль.

Свершили ли они такое и была ли подобная миссия?

Еще раз все сходится к святому Бернарду, который провозгласил Тампль и дал миссию.

Миссию?

Целых три миссии.

Отыскать «Скрижали Закона».

Создать западную цивилизацию.

Воздвигнуть Храм.

Тамплиеры ни разу не уклонились.

Их командорства славились гостеприимством, протекцией бедных и гонимых, милосердием. Доблесть шевалье никогда под вопрос не ставилась. Они «бранились как тамплиеры» — простительный грех.

И что против этого величия подлость затеянного процесса!

15. Арест

14 сентября 1307 года цивилизаторская миссия Тампля прекратилась.

Король Филипп IV Красивый приказал арестовать всех тамплиеров королевства.

Цивилизация Запада рухнула, едва набрав высоту.

Европа на века останется игорным полем разномастных суверенов; ареной кровавого сектаризма клерикалов, будь то католики, англикане, реформаторы; полигоном финансовых магнатов, не признающих ни правил, ни морали — ничего.

Анонимный автор начала XIX века писал: «Надо признать, деструкция ордена тамплиеров — событие куда более важное и политически значимое, нежели до сих пор предполагали. Даже спустя пять веков отдается эхо анафем, проклятий, мстительных воззваний».

Экстенсивная пролонгация Тампля очень серьезно угрожала сословным интересам, это очевидно, — угрожала не королевству, но представлению Филиппа Красивого о королевстве, равным образом феодализму вообще.

Светское духовенство рисковало потерять все свои «бенефиции» и остаться при жалких церковных доходах.

К тому же для постоянно безденежного Филиппа богатство Тампля — искушение капитальное.

И, на мой взгляд, немаловажна очень страстная «воля к власти» другого религиозного ордена, претендующего управлять христианством: орден сей, озаренный добродетелью куда скромней своего основателя, надеялся террором поправить свои дела. Тамплъ для этого ордена — кость в горле.

Так в исторических документах излагаются причины и поводы аннигиляции Тампля. Все они поражают вдохновенной низостью. И употребленные средства достойны подобной низости.

Поначалу старались так или иначе использовать — первая заповедь любой власти. Фридрих II Гогенштауфен, владеющий Южной Италией, решил подчинить тамплиеров и, не преуспев, разграбил имущество ордена, а заодно оклеветал.

Папа Иннокентий III хотел натравить тамплиеров на ненавистного Фридриха Барбароссу, потерпел неудачу и успокоился.

Орден Святого Доминика, прежде чем стать худшим врагом, решил вначале «направлять» Тамплъ, а затем действовать с его помощью. Грувель пишет в «Исторических мемуарах об ордене Тамплъ»: «Крайне любопытно: в свое время тамплиеры и доминиканцы даже дружили. В 1143 году генеральный капитул Святого Доминика утвердил следующее положение: всякий раз, как доминиканец исповедует умирающего, то способствует составлению завещания в пользу тамплиеров. Подобное бескорыстие повышало репутацию доминиканцев среди аристократов. Впоследствии они предавали, продавали, пытали и сжигали своих друзей, руководствуясь, надо полагать, иными интересами».

Когда роль друзей и наставников доминиканцам не удалась, создали они военный орден «Радостных братьев» (Gaudens). Случилось сие в 1209 году во время Крестового похода Симона де Монфора на альбигойцев. «Радостные», полностью послушные доминиканцам, мелькали в процессе и затем урвали приличный фрагмент имущества тамплиеров.

Филипп Красивый пребывал в тех же мыслях. Восточная армия тамплиеров, возвращенная на Запад,

могла очень даже пригодиться в его великих планах.

Сначала король опробовал дальний прицел. По приезде Жака де Моле король встретил его более чем ласково и предложил одного из своих сыновей в армию Тампля, полагая, что благодаря столь высокому происхождению этот сын довольно скоро станет Великим магистром.

Жак де Моле отказался вежливо, но твердо.

Филипп изменил маневр, рекомендовал папе объединить тамплиеров и госпитальеров под началом одного из своих сыновей. Когда папа в 1305 году спросил мнения Великого магистра, Жак де Моле не очень убедительно сослался на преждевременность подобного шага.

Когда хитрости не удалось, Филипп решился на открытую агрессию. Прежде всего, необходима поддержка Рима — папа еще оставался авторитетом для тамплиеров. Король добился избрания удобного ему папы — Бертрана де Го — и взялся за «общественное мнение», поначалу повторяя разнообразные мерзости Фридриха II Гогенштауфена. Затем в тайне и тишине подготовил (или ему подготовили) свидетелей еретических аморальностей тамплиеров.

Свидетелей на вербовали из числа братьев, исключенных из Тампля за те или иные проступки и за приверженность ереси катаров, — среди братьев было несколько альбигойцев.

Несколько слов об этой известной истории.

14 сентября 1307 года король Филипп Красивый отдал приказ арестовать всех тамплиеров королевства «в виду предварительной и тщательной анкеты, необходимость коей была вызвана публичным возмущением». И далее: «В связи с таким делом, брат наш во Христе, Гийом де Пари, инквизитор по еретическим перверсиям, воззвал к нашей властной руке». И далее: необходимо арестовать «всех без исключения братьев, держать пленниками, удерживать имущество движимое и недвижимое».

Потом, следуя инструкции, «призвать эmissаров инквизитора, дабы экзаменовать истину досконально и с помощью пытки, если потребуется. Арестованных предупредить: они должны признаться в преступлениях своих либо приготовиться к смерти».

Вот в чем должно признаться: «в обетах и обещаниях при вступлении в орден; в отречении от Господа Нашего Иисуса Христа и плевании на крест; в раздаче непристойных поцелуев; в привлечении к содомии и адорации идолов».

«Эмиссарам надлежит посылать королю, сколь возможно спешно, заверенные печатью копии допросов тех, кто признал упомянутые обвинения, особенно же отречение от Господа Нашего Иисуса Христа».

Тех, кто признал, бросали в темницы, упорствующих убивали. Отрицать что-либо, по сути, новое преступление.

Мы еще вернемся к обвинителям и результатам допросов. Сейчас несколько слов о короле.

Некоторым историкам Филипп Красивый по душе — принципиальный, добропорядочный католик. Вот каков католик сей: отлученный от Церкви, он приказал слугам избить папу, затем арестовать; выборы другого, удобного ему, папы он попросту купил. Крови тамплиеров этот верный сын Церкви взалкал по резонам сугубо личным: деньги, злоба, мстительность; деньги прежде всего.

О Ногаре, который вел дело Тампля для короля, папа Бонифаций сказал: «патарин и сын патарина», то есть еретик-катар. Ему что папу оскорбить, что уничтожить католический орден — все едино.

Однако задуманный процесс есть религиозный процесс — здесь нужны специалисты по

религиозному праву. Такое по плечу только Гийому Парижскому.

Итак, Гийом де Пари из ордена Святого Доминика. Великий инквизитор Франции после 1303 года, духовник короля после 1305 года.

Тучи над тамплиерами собираются с 1305 года. Всяких сортов подозрения и «достоверные слухи» передаются Хайме II, королю Арагонскому — ему предлагают стать выразителем общего негодования, он уклоняется от подобной чести.

Ногаре ищет и находит свидетелей обвинения, правда, у него самого не все в порядке, ибо он отлучен от Церкви как еретик, и Гийом Парижский в любой момент может натравить на него «псов господних», как впоследствии назовут агентов инквизиции. Между пинком и похлебкой Ногаре натурально выбирает похлебку: приказ об аресте тамплиеров подписан 13 сентября, через десять дней Ногаре назначают канцлером. Отлучение, понятно, снимают.

Инквизиции всегда хотелось единолично блюсти чистоту веры и единолично пасти стадо христово. Орден Тампля отличался строптивостью — орден Тампля подлежит уничтожению.

Донос и клевета — все процессы инквизиции начинались так, — процесс тамплиеров не исключение.

Клевета — оружие непобедимое, сопротивление бесполезно. Искусная доза клеветы отравляет любую славу, размывает любую репутацию.

Если тамплиеров далеко не всегда любили, то уважали всегда, — значит, надо посеять сомнение в их военной доблести. Святая земля потеряна только по их вине — из-за предательского соглашения с мусульманами...

На Западе почти ничего о мусульманах не знали, знали только, что они от дьявольского корня. Тамплиеры, отрицающие Иисуса Христа, их прямая родня. Это колдуны. Эвокация идолов дает им силу. Черные коты так и шастают по их капеллам.

Народ лихорадит от колдунов. Здесь полное взаимопонимание: колдунов надобно бросать в подземелья, потом сжигать.

Чем дальше, тем кошмарней — содомия! Именно для французов содомия почему-то особенно мерзостна.

Сеньорам, намертво привязанным к своему добру, стоит сказать: тамплиеры денно и нощно думают завладеть вашими землями, не брезгают ничем, даже клятвопреступлением.

С духовенством совсем просто, следует только намекнуть: дигнитарии Тампля, даже светские, покушаются на ваши прерогативы, претендуют на право исповеди и даже отпущения, и главное: их капелланы — еретики, поскольку пропускают в чтении мессы слова консекрации.

Мимоходом лягнув обвиняемых за нарушение обета целомудрия — за что даже у кота жалко отнять молоко, — обвинение взлетело на высокой ноте: они жарили своих новорожденных, жир употребляя как мирру для поганых идолов.

Все прошло без помех. На таких «основаниях» строился процесс.

Таковы, кстати говоря, основания всех процессов, которыми инквизиция несколько веков терроризировала Запад.

Но кто взялся распространять эту клевету? Кто же еще, кроме бродячих проповедников Святого Доминика? Об этом говорит согласованность тематики и благородного негодования. Потом такая практика войдет в обычай у доминиканцев.

За всем этим скрывался вдохновитель. Теолог, разумеется, вполне искушенный в подобных процессах, который сумел закрыть все ходы и выходы. В документах имя обозначено: Гийом де Пари, Великий инквизитор Франции, духовник короля.

Для блага короля и государства.

Итак, арестовали.

Удивляются, почему они так просто дали себя арестовать.

Вероятно, захватили врасплох.

Но до какой степени?

Странно, денег нашли очень мало, и всего в нескольких командорствах. Еще более странно: пропали священные сосуды — королевский офицер Пласьян заявил даже, что тамплиеры их продали.

Ерунда, конечно, однако спрятать могли.

Выходит, их предупредили.

Говорят, вереница подозрительных сенных возов покидала парижский «дом» накануне ареста.

Поразмыслим.

Чтобы приказ об аресте исполнить в один день, надо примерно месяц готовиться — разослать копии провинциальным прево и т. д. Несмотря на несомненность печатей на письмах, вряд ли все копиисты или гонцы проявили необходимую скромность, особенно в Аквитании или Бретани.

Можно также предположить, что, кроме посланий официально запечатанных, кое-кто так или иначе шепнул на ушко «своим» из монастырской братии, в общем, можно что угодно предположить.

Трудно поверить в полную «герметичность» секрета. И вопрос остается: почему тамплиеры не воспротивились аресту?

Один епископ, современник процесса, уточнил: во Франции тогда находилось от двух до трех тысяч шевалье Тампля, трехкратное число оруженосцев и оружейной прислуги — все люди, испытанные в боях, безусловно превосходящие выучкой и мужеством королевских солдат. Надо прибавить хорошо вооруженных сержантов армии, да еще челядь командорств, пусть непривычную к невзгодам осады, но полезную при защите стен. К тому же часть «туркоплей» (отрядов легкой конницы) перевели из Палестины сначала на Кипр, потом во Францию, где бросили против мятежных альбигойцев.

Итак.

Почему же они сдались так просто?

Тамплиеры всегда ориентировались по уставу, который запрещает поднимать копье на христиан, вернее говоря, разрешает после трехкратного нападения.

Без приказа Великого магистра надо послушно следовать уставу.

Случаев сопротивления не наблюдалось, по крайней мере во Франции.

Тамплиеров бросили в тюрьмы на допросы с «пристрастием». Вольному воля, не хочешь признаваться, ступай на плаху или костер. Приказ короля. Допрос — признание, допрос — признание, третьего не дано.

Совершенно очевидно, подобное «дознание», проведенное неукротимыми следователями

инквизиции и короля, верификации не имеет: интересны только те или иные обороты и формы, не отредактированные секретарями. Среди протоколов задерживают внимание показания весьма подозрительных «братьев»: эти люди чуть ли не с восторгом отрекаются от белого плаща шевалье, возводя на орден сказочные поклепы. Открытое лжесвидетельство.

Равно задерживает внимание очень скромное число арестованных дигнитариев: сохранились в основном протоколы служивой братии, знающей только бытовую и хозяйственную жизнь ордена.

Ход процесса и наглядная жестокость следствия возбудили подозрения епископата, и в конце концов папе Клименту V пришлось ограничить всевластие инквизиции. По его указанию в каждом диоцезе за процесс взялся трибунал в таком составе: епископ и два каноника; два доминиканца; два францисканца.

Тем не менее в этих трибуналах инквизиция все равно сохранила большинство.

Не допускались ни бенедиктинцы, ни цистерцианцы.

В похвальном рвении Мариньи — епископ Санса и брат королевского трезорьера Ангеррана де Мариньи — велел сжечь загодя, перед допросом, более пятидесяти тамплиеров, схваченных в Париже. Однако большинство епископов под любыми предложениями уклонялось от заседаний.

Замена допросов с «пристрастием» на обычные изменила тон признаний — многие обвиняемые взяли свои слова обратно. Правда, ретрактации не гарантировали ничего, обвинение в богоотступничестве висело, пламя костров маячило впереди. В сущности, выхода не было ни в том, ни в другом случае.

Папа пожелал побеседовать с главными дигнитариями ордена, однако особой решимости не выказал. Когда этих людей под пустяковым предлогом захватили на дороге в Пуатье — тогдашнюю резиденцию папы — и заточили в замок Шинон, Климент V протестовал довольно вяло.

Объясняют подобное поведение неуверенностью и прочим, но забывают следующее: в сентябрьские календы 1311 года Климент V адресовал письмо королю Кипра, епископам Фамагусты и Никосии с требованием пыток на допросах шевалье Тампля, более того, поручил легату, что направлялся на Родос, заглянуть на Кипр и проверить регламент экзекуции.

«Справедливость требует, — гласило письмо папы, — в целях полного признания следовать статьям 1, 2, 3, 4, 5 и 6 „Уложения о наказаниях еретиков“. Епископы и представители курии возмутительно пренебрегают данными статьями. Мы настаиваем на применении пыток против тамплиеров ради скорейшего выявления истины. Священные канонические правила диктуют в подобных случаях: персоны, задержанные на основании очевидных улик, передаются экзекуторам епископального трибунала».

Это письмо взято Рейнуаром из секретных архивов Ватикана по делу тамплиеров — Наполеон привез эти архивы в Париж, затем их вернули после конкордата.

Его Святейшество в накладе не остался: он передал своей семье имущество и земли тамплиеров, реквизируемые в Провансе и Конта.

В 1312 году Венский собор намеревался «осудить» тамплиеров. Правда, атмосфера была не особо враждебной. Тогда папа, не вдаваясь в дискуссию, воспользовался своей понтификальной ординацией и провизуарно «отменил» Тампль соответственной буллой, передав госпитальерам французскую собственность ордена.

Никто не поднялся в защиту тамплиеров. И все же Поместные соборы в Италии и Германии либо промолчали, либо проигнорировали буллу.

В Арагоне тамплиеры, по слухам, сопротивлялись королевским дивизионам, но это маловероятно,

поскольку они тихо и спокойно вошли в Калатраву — рыцарский орден цистерцианской инициативы, и в орден Святого Иакова Компостелла.

В Португалии король создал специально для них орден шевалье Иисуса Христа, сохранив крест Тампля, наложенный затем на паруса каравелл великих мореплавателей.

В Англии аресты практиковались не столь увлеченно, как во Франции, однако многих братьев королевские официалы сдали инквизиции. В апреле 1311 года их допрашивали в колледже Святой Троицы монахи: кармелиты, августинцы, доминиканцы и минориты.

Во Франкфурте тамплиеров просто вызвали побеседовать: они предстали в полном вооружении с копьями наперевес — судьи предпочли разойтись.

Финал: 18 марта 1314 года Великий магистр Жак де Моле публично отрекся от предыдущих показаний и его сожгли в Париже на острове Сите за богоотступничество и ересь.

Братства компаньонов-строителей рассеялись. Впоследствии «Дети Соломона» переименовались в «Компаньонов долга свободы» и покинули Францию. Германия им обязана своей готикой.

Через несколько лет Столетняя война разорила Францию: Изабо де Бавьер подписала в Труа — в Труа! — отречение Капетингов в пользу Плантагенетов.

Цивилизацию сорвало с якорей.

Попытки реставрации, предпринятые в эпоху Ренессанса, пресекались духовенством посредством пыток и костров — церковью Святого Петра или Кальвина — безразлично.

«Наша Дама» стала посмешищем для одних, грошовой продажей образков для других.

16. Обвинения

Процесс над орденом тамплиеров — юридически сложный казус. Орден пребывает под юрисдикцией папы и подотчетен только Святому престолу.

Процесс над отдельными братьями не может задевать орден в целом. Если показания братьев чернят орден — дело Святого престола разобраться и санкционировать то или иное решение.

Вердикт в таком серьезном случае выносит Вселенский собор, который традиционно с большим трудом говорит «да» или «нет».

Чтобы добиться желанного решения, необходима очень гибкая юстиция. И здесь инквизиция незаменима, ибо одинаково хорошо живет в климате и духовной и светской власти.

Что же получилось?

Светская власть лишила тамплиеров всякой защиты, Римская курия взирала на сие спокойно и благоволительно.

Между Бертраном де Го — будущим авиньонским папой — и королем Филиппом был, похоже, предварительный сговор касательно процесса, что обусловило выборы. Это более чем вероятно.

Драма процесса тамплиеров посеяла по всей Европе схизмы и ереси, которые расцвели впоследствии религиозными войнами и расколами — насколько я знаю, ни один историк не обратил на это должного внимания.

Климент V, в частности, Римская курия вообще вызвали презрение даже тех, кто вдоволь поживился добром тамплиеров.

Данте, не смешивая, разумеется, католическую церковь с папой, поместил Климента V (девятнадцатая песнь «Инферно») в «круг симонии» и сравнил этого понтифика с иудейским первосвященником Язоном, который разграбил «Храм Иерусалима», дабы купить милость сирийского короля Антиоха.

Итак, испытывали братьев порознь, чтобы обвинить орден в принципе. Инквизиторам предоставили список из ста двадцати семи вопросов — так называемой «понтификальной анкеты». Вот к чему сводились заключения следователей:

Подобные заключения порождали лавину дополнительных вопросов, как-то: наблюдалось ли сие в такой-то провинции? Во всех командорствах и королевствах? В ордене вообще? Сверхалось ли сие по античным обрядам? Записано ли сие в тайных уставах? Начались ли все такие несчастья по утверждению ордена Святым престолом?

Скрупулезно исследуя «истину» один на один, добивались до ордена в целом.

После «допросов с пристрастием» признания поступали хорошо, зато перед комиссией понтифика посыпались отказы, ретракции.

Когда члены комиссии развернули сто двадцать семь вопросов пятистам пятидесяти тамплиерам, собранным в саду монсеньора епископа, дабы парировать общие обвинения ордену, председатель, зачитав латинский текст, спросил: «Не угодно ли прослушать французский перевод?»

Присутствующие возмутились: «Латыни более чем достаточно! Не хватало еще и по-французски выслушивать подобные гнусности! Все это ложь и клевета с начала до конца».

Справедливо. Но сплошная ли ложь? В конструкции лжи, выстроенной с одной тенденциозной целью,

просвечивает нечто... правдоподобное.

Заметим: более всего следователей занимает ситуация приема новых братьев. Вряд ли удалось разузнать подробности жизни Тампля, что касается ритуала вступления в орден — здесь секрет, очевидно, хранился не слишком тщательно.

Почему не подумать о роли «бизутажа», то есть казарменной шуточки, полковой остроты и т. п.

Вспомним: Тампль, прежде всего, военный орден, здесь, так сказать, принимают рекрутов, пусть многим даже не придется воевать.

Этот «бизутаж» по сути своей не в силах блистать хорошим вкусом. Кто же всерьез обидится на такую, к примеру, остроту бывалого вояки: «А ну-ка, педики, тащите ключ от склада, кто лучше всадит, тому наряд вне очереди». Легко представить рецептора, изрекающего кандидату такое «бонмо»: «Что ж, паренек, если я для тебя слишком пылкий, найдешь среди братьев кого попрохладней».

Что-то в таком духе сказал кандидату Гуго де Пейро, визитатор Франции. И добавил следователю: «По-вашему, пошутить нельзя?»

Инквизитор: «Почему вы не подумали о смысле вашей шутки?»

Гуго де Пейро: «Сказал, да и все, кто будет думать о такой ерунде».

Инквизитор гнул свое, хотя Гуго де Пейро и заявил, что статус ордена абсолютно запрещает содомию.

Инквизиторы, преисполненные важности, не имеют права смеяться над лексикой кордегардии.

Почти все тамплиеры признавали ежедневность подобных шуточек, но возмущенно отрицали практику такого рода.

Перед понтификальной комиссией они равным образом признали наличие армейских острот, но явно удивлялись выводам следователей.

И говорили примерно так:

Брат Понсар де Жизи, прецептор Пейенса: «Это подлая клевета. Никто и никогда не давал братьям разрешения на плотские соединения и прочие перверсии».

Брат Эймон де Барбонн: «Три года я стоял на часах близ комнаты Великого магистра там, за морем, и не замечал ничего подозрительного ни в его поведении, ни у братьев».

Брат Жан дю Фур: «Меня заставили признаться в данном грехе, потом я отказался от своих слов, отказываюсь и сейчас».

Брат Жан де Сент-Бенуа, прецептор Иль-Бушара: «Никогда не видел и не слышал, чтобы подобные дела творились в нашем ордене».

Жан л' Англэ (персонаж сомнительный): «Никогда не слыхал разговоров насчет формального приказа какому-либо брату плотски любить другого».

Прочие свидетельства отклоняют бесчестное обвинение, не отрицая, впрочем, двусмысленных шуток во время рецепции.

Вопрос о так называемых «постыдных поцелуях» весьма серьезен. Очевидно, в ритуале рецепции такая практика с давних пор приняла аллюр «бизутажа».

Один из братьев рассказывает: рецептор после вполне торжественной церемонии обратился к нему таким манером: «А теперь поцелуй меня в жопу». На что кандидат отвечивал: «Нет, пусть лучше

подохну».

Это, разумеется, несерьезно, однако весьма любопытно.

Я заметил касательно I' 'Erine (терний, позвоночник): речь идет об инициации не просто кандидатов, но неофитов, идущих путем новициата.

Увы, предназначенное когда-то избранным, деградировало до стандартной армейской шутки.

После знакомства с показаниями о ритуале рецепций остается впечатление, что даже высоким дигнитариям истинный смысл «поцелуя» неизвестен. Рецептор целует кандидата, кандидат рецептора, случайные поцелуи раздаются не важно кому, не значат ничего.

Мистерия поцелуя известна лишь посвященным, а не солдатам или горожанам. Надобно констатировать очевидный упадок инициатической идеи.

И все же вывод небезынтересен: на заре ордена Тампля существовала инициатическая практика и мэтры, способные учить.

В сердце Тампля действовала группа посвященных.

17. Отречение

Почти все тамплиеры на первом инквизиторском дознании отреклись от Иисуса Христа. Загадка так загадка!

«Допрос с пристрастием», разумеется, следует игнорировать, но почти все повторили признание на обычном допросе понтификальной комиссии.

И не только разные сержанты или служивые, но высокие дигнитарии.

Выдержки из первого допроса:

Жак де Моле, Великий магистр (допрос без «пристрастия»): «По знаку брата Юмбера принесли бронзовое распятие, он повелел мне отвергнуть фигуру на кресте. Я подчинился с болью в сердце...»

Гуго де Пейро, визитатор Франции: «Потом брат Жан представил распятие, приказал отречься от того, кто на кресте, и плюнуть на него. Я плюнул с тоской в сердце...»

Жоффруа де Шарнэ, прецептор Нормандии: «После облачения в рыцарскую мантию принесли фигуру Спасителя на кресте: брат Амори (приор Франции, друг короля Людовика Святого) запретил мне верить в сию фигуру, ибо это ложный пророк, а не истинный Бог. Пришлось мне трижды отвергнуть Иисуса Христа...»

Жоффруа де Гонвиль, прецептор Аквитании и Пуату: «Брат Роберт (Роберт де Тортвиль, магистр Англии) раскрыл требник на изображении Иисуса Христа и повелел отречься от сего изображения. Я в ужасе отказался: „Увольте, мэтр, нет моих возможностей“. Тогда он сказал: „Будь тверд, душою клянусь, отречение твое не опалит ни души, ни разума“».

Рено де Трамлэ, приор Тампля в Париже: «После рецепции я отринул Христа».

Все названные дигнитарии заставляли отрекаться новоизбранных братьев.

Ретрактации даже перед понтификальной комиссией случались редко.

К тому же существуют документы вне инквизиторского досье.

Англичанин Джон Эвр пригласил обедать Уильяма де ла Фенна, прецептора Уэсдела. Гость передал жене хозяина книгу — там было написано: Христос не родился от девы, он просто лжепророк, распятый за преступления свои.

Тоцци де Торолдеби заявил, что слышал сотни раз, как Брайан де Джей, магистр Лондона, говорил, что Иисус Христос обыкновенный человек, а никакой не Бог.

Джон де Стоукс, капеллан, рассказывает: однажды Великий магистр Жак де Моле повелел двум шевалье принести распятие, после чего спросил: «Кто это?»

«Господь наш Иисус Христос, принявший крестную муку искупления человечества ради», — отвечивал капеллан. Жак де Моле: «Ты изрек заведомую ложь, это сын обычной женщины, распяли его за претензию называться сыном Божьим».

Проблема серьезней, нежели вырванные пыткой признания.

Но в таком случае...

Следователи инквизиции и короны заключили: чего тут толковать. Они еретики.

Так ли все просто?

Лет двести или около того эти люди непрерывно и самоотверженно бились во славу христианства, будучи пленниками, предпочитали смерть отречению от католической веры.

Не слишком ли для богоотступников?

И чего ради еретикам три раза в год, на Пасху, Троицу и Рождество, принимать Святое причастие, как свидетельствуют даже недоброжелатели вроде Жана л' Англэ.

И даже в застенках «еретики» просили допущения к службе. И в каких выражениях...

Жак де Моле перед понтификальной комиссией: «Досточтимые комиссары, мессир канцлер, низжайше умоляю разрешить мне прослушать мессу и причаститься».

Почти все умоляли не лишать их мессы и Святых даров.

В число обвинений входило и такое: капелланы Тампля нарочито пропускали в мессе слова консекрации. Спрашивается: имеют ли значение для вероотступников несколько лишних слов?

И все же отречение налицо.

Поклонники Тампля пытались отыскать разные причины.

Первая и довольно правдоподобная: символическое действие в память трех отречений Петра прежде пения петуха (в самом деле, рецензия кандидатов шла ранним утром).

Но почему никто из тамплиеров не подсказал такого объяснения?

Вторая и весьма неправдоподобная: это испытание для «тестирования» крепости веры кандидата на рыцарскую мантию и шпоры.

Но после отречения ни о каком приеме в религиозный орден речи быть не может.

Бизутаж? Но это совершенно невероятно. Разве станут монахи насмехаться над самой сутью жизни своей?

Но в таком случае?

В таком случае наблюдается дистинкция: одно дело — Христос тамплиеров, другое — некто, распятый Пилатом.

Казус очень любопытный: кандидатов просят отвергнуть «того, кто на кресте», но не самый крест — одну из своих эмблем.

Это и есть тайна тамплиеров?

Скорее, историческая загадка мистерии Голгофы. Всегда ускользающая историческая загадка: впрочем, рукописи Мертвого моря открывают некоторый просвет.

Прежде всего, римляне, похоже, никогда не позволяли завоеванным народам жить по их национальным законам. Трудно поверить, что Пилат «умыл руки», выслушав постановление синедриона.

Далее: распятие на кресте — сугубо римская казнь. Евреи, как известно, побивали камнями. Если бы евреи замыслили умертвить Иисуса, схватились бы за камни, как в ситуации святого Стефана.

Более того, римский прокуратор не станет осуждать человека за религиозную деятельность, если таковая не вредит Риму.

Случись самосуд где-нибудь в провинциальной дыре, вдали от римских гарнизонов, куда ни шло — можно обвинить евреев. Но в Иерусалиме, близ дворца Пилата — это абсурд.

Пилат мог санкционировать распятие Иисуса вовсе не из религиозных соображений.

Не обходится и без обещаний:

«Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам? Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых».

Обвинение синедриона звучит так:

«Мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем» (Христос — греческий перевод с еврейского — помазанный; над старшими сыновьями, предназначенными властвовать, творили помазание).

Удивительно ли, что шевадье Тампля, исследуя подземелья Соломонова Храма (реконструирован за пятьсот лет до Иисуса Христа, уничтожен императором Титом в 70 году н. э.), удивительно ли, что они отыскивали документы, озаряющие тайну земного бытия и смерти Иисуса Христа?

Может быть, не адаптированную рукопись Иосифа Флавия?

Тем не менее тамплиеры остались христианами. Вспомним, они отвергали только «фигуру на кресте», только жертву Пилата.

Имеется нечто иное.

Эманация ненависти в Евангелиях.

Но не только.

Есть и слова любви, истинно христианские, мудрые, инициатические.

Много противоречий весьма непримиримых, даже если понимать один фрагмент буквально, другой трактовать «аллегорически».

Как в самом деле согласовать:

«Если правая рука соблазняет тебя, отсеки ее...» и «Выбирая плевелы, не выдергивайте вместе с ними пшеницы».

Партизан ли это вещает: «Милости хочу, а не жертвы». Он ли, который хотел, чтобы враги были преданы смерти у него на глазах?

А как согласовать?

«Я пришел разделить человека с отцом его» и «Повелел Господь, почитай отца своего и мать свою и злословящий отца или мать смертью да умрет».

Два разных текста, смешанных вместе?

И два человека?

Очень и очень на то похоже.

Иоанн. Странность с этим евангелистом.

Если бы не связанность событий, трудно поверить, что четыре евангелиста толкуют об одном и том же человеке.

Христос у Матвея, Луки, Марка скрупулезно держится закона Моисея, у Иоанна прощает падшую женщину, что запрещает закон.

У Иоанна никакой аллюзии на происхождение Иисуса. Его генеалогия — Слово, которое стало плотью. Иосиф, похоже, лишний.

Партизан. Учитель. В целях антиримской политики партизан использует слово учителя.

Не всегда корректно.

Учитель — волевое воплощение, сын Девы (без всякого участия мужского начала), хотя Дева, вероятно, из дома Давида.

Партизан, вероятно, старший сын Иосифа, наследник трона Давида, жаждет отвоевать царство, поднимает толпы, римляне приговаривают его к смерти. Его знают под именем Bar Abbas — Сын Отца.

Но кто учитель? Неизвестно. Быть может, «господин справедливости» ессеев, чье имя «да не дерзнет произносить никто».

Был ли он распят? Возможно, хотя в этой истории нет места двум Голгофам. Известно по рукописям Мертвого моря, что евреи худо с ним обошлись, «не пощадили плоти его». Он так или иначе, в силу божественной своей инкарнации, связан с мистерией креста.

Ибо в традиции четыре материальных элемента образуют крест.

Коран, считая Иисуса пророком, отрицает в известном смысле, распятие: Они (евреи) поверили, будто убили и распяли его. На самом деле Бог восхитил его до себя. (Сура IV, стихи 156–158.)

Все вышесказанное — предположение, и только предположение, но это до некоторой степени объясняет почитание «Христа Святого, Господа Иисуса, Вечного Отца, Бога Всемогущего, творца, освободителя, доброго распорядителя, возлюбленного друга, смиренного искупителя, милосердного Спасителя» — молитва тамплиеров в тюрьме... и пренебрежение к жертве Пилата. Они вовсе не считали себя плохими католиками. Да и если поразмыслить, разве нарушили они религию в ее сердцевине?

Но доверять кому-либо подобные теории без предварительных разъяснений — дело очень рискованное.

Кстати, вполне вероятно, что секрет, известный только посвященным, равно как загадка «постыдных поцелуев», со временем деградировал и принял характер откровенного отступничества.

Один тамплиер поведал на процессе следующее: когда он спросил у пожилого начальника байли Ормето об аргументах подобного отречения, тот рассердился:

«Пошел ты к черту!.. в общем, там был пророк... долго рассказывать...»

Непонятно, что он имел в виду. Вряд ли Сына Божьего.

Инквизиторов осенила великолепная идея сблизить ересь тамплиеров с практикой катаров — последние плевали на крест в ненависти к материальному орудью пытки Господней.

Очень хорошо известная ересь катаров.

Очень хорошо аналогично обвинить тамплиеров — тогда понтификальное осуждение будет получено быстро, без дополнительных расследований.

Очень хорошо прибавить насчет намеренного пропуска слов консекрации в мессе, ибо катары поступали аналогично.

Однако слишком много свидетельств канонического служения в церквах и часовнях Тампля — акцентировать данный пункт не стоит.

И все же в разных работах о тамплиерах авторы любят сближать тех и других.

Но можно ли объяснять катаризмом культуру Лангедока вообще?

Известно: религия катаров утверждает абсолютный дуализм духа и материи. Как это связать с воззрениями тамплиеров? Ведь святой Бернард учил о совершенном одухотворении материи.

Тамплъ отказался от участия в Крестовом походе на катаров и альбигойцев, но точно так поступил орден Святого Иоанна, и никто не стал подозревать госпитальеров в сочувствии апостатам юга.

Ни Тамплъ, ни госпитальеры не имели иллюзий касательно «благочестивой» цели похода: слишком было понятно, что феодальное ополчение мечтает о грабежах да разбоях.

Ныне, когда немецкие туристы приезжают в Монтсежур — на простор «германской боевой славы», они не знают или не желают знать: самый многочисленный саксонский «контингент» более всех отличился в разграблении роскошного Лангедока.

Тамплиеры войну с катарами проигнорировали.

Поначалу никто и не думал подозревать орден в тайных симпатиях. Графу де Тулуз предложили приструнить своих солдат, более смахивающих на бандитов, лишить протекции евреев — еретиков и лихоимцев, — совершить паломничество в Иерусалим и заодно вступить в Тамплъ или в орден Святого Иоанна.

Позже, на сессии парламента в Памье, альбигойцам выдали две хартии за одиннадцатью печатями (в том числе и Симона де Монфора). В комиссию по составлению хартий входили четыре церковника: два епископа, тамплиер и госпитальер (документы пребывают до сих пор в «Национальных архивах», к тому же они опубликованы в восьмом томе «Истории Лангедока»). Подтверждались французские феодальные законы, фиксировались разряды меры и веса, лимитировались сеньоральные права и репрессии против ереси.

Против этого тамплиеры не возражали — борьба с произволом вассалов графа де Тулуз, усмирение лихоимцев и бандитов никак не противоречили принципам ордена.

Представители Тампля вряд ли придавали особое значение манихейской ереси, которая бытовала не только в Лангедоке, но и в Шампани.

К тому же тамплиеры, равно как госпитальеры, не очень интересовались религиозными убеждениями тех, кто просил приюта. Поэтому беглые катары охотно укрывались в командорствах.

Достаточно упомянуть известного поборника этой секты Санчо Эспада — он защищал Монферран, ему удалось спастись и найти убежище у госпитальеров. Впоследствии Эспада стал приором «дома» Тулузы.

Его наверняка столь же спокойно приняли бы в Тампле.

Альбигойцы, очень может быть, нашли благосклонный прием в южных командорствах Тампля, чем и объясняется гневное письмо папы Климента IV Великому визитатору:

«Тамплиеры слишком испытывают терпение мое, полагаясь на бесконечную снисходительность Церкви. В вашем ордене наблюдаются очень опасные настроения, которые, весьма вероятно, потребуют расследования. Обратите внимание и примите меры».

Намек ли это на знаменитые отречения? Или альбигойская ересь действительно заразила многих братьев? Известны случаи исключения из ордена по такому поводу.

Любопытно, однако, что первые доносы поступили именно от «бывших» из страны альбигойцев.

18. Бафомет и алхимия

Рецепции секретны. Рецепции, как правило, происходили в бальи.

Не настолько, однако, секретны, чтобы не рассеивались некоторые сведения, — следователи все же составили «вопросник» о ритуале этих рецептов.

Но в «домах» орденских провинций случались и другие встречи — тут секрет сохранился куда лучше: в таких встречах принимали участие только избранные шевалье, шевалье-монахи, чаще всего.

На процессе выяснилось: шевалье собирались в капеллах. Свидетели оговаривали, что лично они там не присутствовали. Двери «дома» запирались, стража охраняла капеллу, иногда наблюдателей ставили даже на крышу. Собирались со всей провинции под предлогом проповеди чужеземного клерикала; после его ухода начиналось собственно собрание.

Судя по материалам процесса, никто не открыл тематики подобных собраний — одни вообще отказывались отвечать, другие отказывались понимать вопрос.

Только служивая братия была несколько откровенней — возможно, эти люди затаили обиду, — их на такие собрания не допускали.

Один поведал про церемонию адорации идола, другой про черного кота, что прогуливался среди присутствующих. Будто трудно встретить в больших домах охотников на мышей.

Идолы видели довольно часто, значит, их не прятали умышленно. Обычно идолов выставляли в нишах.

Видели чаще всего деревянный или металлический бюст мужчины с двух, трех лицами с бородой и сверкающими глазами.

Наверное, тот самый, на голову которого возлагали цепочки и пояса.

«Фигуры» (в лексике магии «фигурины») выставляли редко.

Допрошенные дигнитарии не отрицали их наличия, но давали диковинные описания. По Гуго де Пейро, в Монпелье стоял идол с четырьмя ногами.

Следователей крайне интересовали идола, и особенно «головы», ибо очень соблазнительно обвинить весь орден в идолатрии; следователи вездичливо признавали о корделетах (веревках), кои возлагались на «головы», словно впервые слышали, что речь идет о веревках — ими подпоясываются почти все монахи — и что это имеет определенное отношение к обету целомудрия. Число узлов на поясе символизирует некоторые качества, но об этом здесь распространяться не стоит.

«Идолы» и «головы» инквизиторы искали во всех командорствах безрезультатно, ничего не нашли, все пропали купно со священными сосудами и деньгами.

В Париже, в «доме Тампля», нашли «голову», но то был, скорее, церковный реликварий — там лежали две кости от человеческого черепа. Надпись: Caput LVIII.

Никто не признал находки.

Удивительное дело, никто из тамплиеров не нашелся ответить, что проблематические «головы» не более чем реликварии, поскольку Тампль хранил реликвии (согласно моде того времени, реликварии часто отличались андроморфизмом, наподобие Caput LVIII). Напротив, вопросов избегали, старались уйти в другую тему, но не лгали.

Следователи не особо настаивали. Некоторого силуэта дьяволизма достаточно для осуждения ордена.

Брат Госеан, сержант из Мон-Пеза, назвал идола — «Голову» бородатого мужчины in figuram baffometti, в форме «бафомета», — «голову чудесную и спасительную».

Что обозначает это слово?

Возможно, на языке «ок» имя Магомета — в Лангедоке мечети именовали «бафомериями».

В Средние века очарованные, оживленные дьяволом фигурины именовались «головами Магомета» — это были автоматы, призванные ошеломлять, даже терроризировать добрых людей.

По слухам, ученый папа Сильвестр II вывез из Испании подобную «голову» — она отвечала на вопросы «да» или «нет». Когда спросили: «что за диковина?», он объяснил — это автомат, вычисляющий посредством бинарной системы, — некий вид «технического» дуализма, наподобие системы наших «электронных мозгов» (анекдот, впрочем, недостоверен).

Альберт Великий обладал аналогичным устройством.

Арабские книги алхимии и магии повествуют о «золотой голове», не утруждаясь объяснением. Каирский чародей Эль-Гирби владел оракулом в виде подобной «головы» — оракул сей открывал ему местонахождение сокрытых сокровищ.

Как бы то ни было, «головы» пребывали в «домах провинций» Тампля.

Слово «бафомет» осталось после тамплиеров не только в странах языка «ок», но и в других. Дело не только в тамплиерах, ведь материалы процесса практически до публики не дошли.

Для народа языка «ок» Бафомет — Магомет, для тамплиеров и некоторых других — совершенно иное.

Квартал Тампля в Париже, портал церкви Сент-Мери. Там живет в камне бородатый, рогатый, крылатый демон — когти зверя, грудь женщины. Его прозвали «Бафомет», а точнее, «Бафомет тамплиеров».

Портал церкви Сент-Круа в Провенсе — бородатый, рогатый, крылатый гермафродит, напротив портала — здание старинного командорства Тампля.

Обе скульптуры датированы после исчезновения Тампля.

Сент-Бри-ле-Вено близ Оксерра. В самом центре бурга очень любопытный дом — когда-то командорство, подчиненное байли Солс-сюр-Ионн.

В доме ныне почта, фасад реставрирован, сохранились фрагменты оконного тимпана. На тимпане изображено, скорее всего, рождество: колыбель, животное, напоминающее быка, над колыбелью — три ангела. Внизу — бородатая и рогатая «голова», близкая родственница «бафометов» Сент-Мери и Сент-Круа: рот раскрыт в говорении или крике, рога образуют правильный полумесяц, проходящий сквозь череп.

Эта «голова» соответствует эпохе Тампля.

Логично предположить символику единой традиции.

Вряд ли свидетели видели именно скульптуру Сент-Бри-ле-Вено, хотя описания зачастую довольно сходные и поражают искренним пафосом. Рауль де Жизи, дигнитарий из Шампани: «Ужасно! Это демон, моффе (дьявол)». Череп, прорезанный полумесяцем, — псевдороба.

Для верующих или скептиков — всех, кто знаком с книгами алхимии и символикой тайного знания, Бафомет из Сент-Мери не представляет ничего уникального.

«Головы бафометов» — просто ансамбли символов: за «идолопоклонство» принимали коллективную медитацию шеваляе над сложнейшим значением символов.

Но в таком случае слово «Бафомет» должно иметь эзотерический смысл.

Для Хаммер-Пигшталля *barhe* — крещение, *meteos* — небесный огонь. Речь идет о гностическом крещении огнем: главный праздник тамплиеров — Троицын день, когда Святой дух языками пламени спустился на апостолов.

Другие трактовки.

Джон Шарпантье усматривает здесь слияние двух имен (Баптист-Магомет) при выпадении семи букв — *Bar(tiste-Ma)homet*, хотя вряд ли Иоанна Баптиста называли просто Баптистом.

Эмиль Оливье внушает такую аллюзию: *Vaffo* — гавань на Кипре, когда-то святилище Астарты. Не слишком убедительно.

На мой взгляд, Жерар де Сэд (*Les Templiers parmi nous*) остроумней других: для него «Бафомет» есть *Barheus mete* — «трансмутатор луны». Тогда *baffometi* — прилагательное в *figuram baffometi* — можно перевести: «на манер трансмутаторов луны»; в алхимии это адепты, способные к трансмутации серебра в золото, к завершению *opus magnum*.

Итак, Бафомет — герметический ключ, алхимический ребус, а не религиозное изобретение тамплиеров.

Занимались ли алхимией в Тампле?

Как написано в материалах процесса, «идол» умеет «оплодотворять землю, энергично выращивать деревья». Аналогичными свойствами обладает «белая пудра проекции», или «белый камень философов».

Правда, игноранты-следователи смешали формулу и ее материальный результат. Бафомет — формула.

Не учил ли святой Павел: ковчег — лишь «тень будущего блага».

Неофитам, понятно, говорили только о «беспредельном могуществе головы».

Откуда нарочитое безобразие ее? Таков неперменный элемент данной алхимической аллегории: *materia prima* Великого магистерия, согласно сочинениям адептов, вульгарна, отвратительна, чешуйчато-слизиста, тошнотворна...

Словно Золушка перед феей, словно Ослиная Шкура перед примеркой своих ослепительных туалетов. Словно терновый куст... сомкнутый... вокруг розы...

Инквизиторы не добились никаких толковых сведений касательно идола. Игноранты ничего сказать не могли, знающие играли игнорантов.

В ордене была коллегия алхимиков, это очевидно.

Значит, искусственное золото — причина богатства и могущества тамплиеров?

Не думаю, что коронная цель алхимии — фабрикация драгоценных металлов. Однако вполне возможная на определенной степени познания, и эту возможность не стоит отрицать. Уточняют даже пункты, где реализовалась подобная фабрикация: Луз-ла-Круа-От, Луз-Сент-Совер и знаменитая Тур-д'Аржини на берегу Саоны, где, по слухам, алхимики собираются при благоприятных астрологических условиях.

Рассуждая здраво, можно и так повернуть ситуацию: секретные и тайные знания и сведения ценятся «на вес золота» — богатство и власть часто имеют такой источник.

Алхимия, по сути, мудрость религиозного стиля и берет выше нескольких унций материального золота, но теоретически такая фабрикация допустима.

Современная наука не так давно считала, утверждаясь в догмах столь же категоричных, как непогрешимость папы, что трансмутация простых металлов — дело безнадежное...

Догмы несколько расшатались, когда атомистам удалось получить несколько золотых крупиц в качестве побочного продукта при реакции ядерного распада. Потом посчитали количество необходимой энергии и ахнули: жалкие крупицы потребуют бешеных затрат.

Делать золото немислимо, по крайней мере, немислимо без новой энергии, неизвестной в старину. Точка.

Однако природа при минимальной энергии постоянно трансформирует одни простые тела в другие. В человеческом организме тоже действует подобная трансформация.

Вот забавная и достоверная история.

Человеку жизненно необходима определенная доза калия. Когда в Сахару посылали инженеров и рабочих бурить нефтяные скважины, это учитывалось. Врачи, кстати, поинтересовались, откуда аборигены-номады достают калий? Те толком не поняли, потом объяснили, что потребляют только соль, то есть хлористый натрий. Стали наблюдать аборигенов и домашних животных: в их пище не было ни грамма калия, но этот элемент обнаружился при анализе пота и урины.

В живом организме трансформация элементов постоянна.

Иначе говоря, догмы физики далеки от непогрешимости.

Но человеческим особям дипломированной породы присуще высокомерие.

У царя Соломона золота много. Более чем. У царя Соломона золотые копи. Где? Райдер Хаггард написал роман о золотых копиях. В Южной Африке.

И на каких кораблях царь Соломон плывал за этим золотом?

Не имел флота Давид, отец его, не имел флота Ровоам, сын его. Верно, финикийцы или критяне ездили за море. Известно даже куда. На Рио-де-Оро, где меняли на золото мануфактурный хлам того времени.

Но с какой стати они старались для царя Соломона, не будучи под рукой его? Израиль не мог им предложить за золото адекватных ценностей.

Легенда говорит о золоте искусственном, легенда говорит: царь Соломон — адепт, «Песнь песней» есть алхимический трактат.

Ну что ж! Наука не без греха, научные константы — не Святое Писание, нет ничего сногшибательного в том, что мудрецы, подражая природе, трансформировали одно простое тело в другое.

Соломон, вооруженный традицией Египта, сотворил Храм Иерусалима «для вящей славы имени Предвечного».

Тамплиеры-алхимики воздвигли готику ради «славы имени Твоего, Господь».

Гораздо важнее трансформация человека, нежели простых металлов. Собор, в известном смысле,

«атанор».

Словно Храм Соломона.

Я попытался, сколь хватило сил, осветить данную проблему в «Тайнах собора Шартра» и повторю еще раз: существует тесная связь между алхимией и религиозной архитектурой.

Фулканелли в «Тайне соборов» указал на алхимические медальоны в Шартре — на короля: заслоня складкой мантии, король прижимает к сердцу реторту с длинным горлом («зибаг» герметиков).

Добавим: в «портале Славы» работы Матео, в Сент-Жак-де-Компостелла, двадцать четыре музыканта, окружающие «Христа во славе Его», держат, помимо инструментов, аналогичные реторты.

Интригующее напоминание в легендах об алхимии: в каждом соборе, посвященном «Нашей Даме», спрятан золотой футляр, содержащий «пудру проекции».

На тайник сей направлен клюв ворона портала Нотр-Дам-де-Пари. Согласно фонетической каббале, ворон — это «тело Славы» (corbeau — corps beau).

Адепт на такой стадии совершенства освобождается от причинно-следственно-темпоральной цепи.

Что ведет к любопытным констатациям.

19. Время. За гранью времени

Примерно в 1930 году Пьер Виктор Пиобб, призванный расшифровать нечитабельные катрены Нострадамуса, пришел, в процессе весьма интересных своих инвентиваций, к такому заключению: Мишель Нострадамус никогда не пророчествовал. Нострадамус был совершенно неспособен понять, о чем говорилось в книге под его сигнатурой.

Эта книга — самое полное издание, датировано 1668 годом, — напечатана при жизни Нострадамуса, то есть перед 1566 годом.

Экспозиция идей Пиобба потребует много страниц — проще изложить текст целиком.

Итак: катрены Нострадамуса — документ Тампля, созданный после официального распада ордена, документ, который содержит не «пророчества», но директивы тем или иным «будущим» персонам.

Отсюда профетический тон, хотя речь идет не об интуитивных или астрологических конъектурах, но о событиях «подготовленных» и предстоящих.

Анонсировать предстоящие события — не пророчество, а предвидение, коли я правильно понял довольно туманные рассуждения Пиобба; книга означенного Нострадамуса — не только сборник предвидений, но и каталог шифрованных инструкций для некоторых участников предстоящих событий.

Таинственное руководство к действию.

Имя «Nostradame» выбрано, разумеется, намеренно: известно преклонение шевалье Тампля перед «Нашей Дамой», что «вдохновила нашу религию».

В данной оптике катрены Нострадамуса представляют странный пейзаж.

Кроме многочисленных реминисценций Тампля — очень темная лексика не позволяет идентификации с интересующим нас орденом, — фрагменты катренов дают аллюзию на его неизвестную историю, особенно на его крах...

Двое беседовали в Тампле...

В тех или иных строках, похоже, разбросаны смутные координаты сокрытого сокровища — это отметил Серж Ютен в «Предисловии к пророчествам Нострадамуса».

Под дубом Гиен, небом расколотым,

Зарыто сокровище,

Собранное за долгие века...

Вряд ли «дуб Гиен» имеет отношение к провинции Гиенн. «Ги» — омела. Речь идет о дубе, на котором растет омела, о священном дубе.

Текст Нострадамуса издан столетия спустя после Тампля — сомнительно указание на какое-либо определенное дерево. Возможно, имеется в виду святилище...

...Вообще сборник данных предсказаний немало удивляет: как могло получиться, что «пророк», который жил в шестнадцатом столетии и рассказывал историю будущего, совершенно не упоминает об Америке — этот материк официально открыли за двенадцать лет до рождения Нострадамуса, его зрелые годы совпали с «расцветом» конкистадоров.

Позволительно думать о более раннем написании произведения, несмотря на несомненную

редакцию шестнадцатого века.

Но тогда позволительно предположить и следующее: кому-то поручили миссию распространения сведений касательно Тампля под формой темных пророчеств и видений, дабы сведущие, тайно заинтересованные потомки смогли разгадать смысл анаграмм и криптограмм.

Здесь возникает проблема пролонгации ордена вне гонений, осуждений, костров и т. д. Доказанная непрерывная трансмиссия заставит переменить многие взгляды на историческое развитие.

Нельзя сказать, что тамплиеров прямо-таки повсюду побросали в тюрьмы и костры.

Официалы короля Филиппа далеко не стопроцентно преуспели в старательных розысках. Королевских солдат тоже не хватало, чтобы разом навестить всех тамплиеров.

Плезьян, доверенный сыщик короля, признал:

«Одни, арестованные как подозреваемые в ереси и подлежащие обвинению, скрылись; другие, названные в списке, появиться не соизволили; третьи, которых сам понтифик благословил задержать, сбежали; некоторые взялись за ремесло лесных разбойников и дорожных грабителей; нашлись и злодеи, угрожающие мечом и отравой судьям и следователям; многие, пребывающие в испанских землях, отправились к сарацинам...»

И локальные легенды, безусловно отчасти правдивые, рассказывают: многие тамплиеры затаились в чащобах и пещерах: «Недалеко от Бесс, по выходе из Ше (Пюи-де-Дом), расположены знаменитые гроты Иона: на высоте тридцати-сорока метров они амфитеатром сверлят и пронзают гору... Гротов этих, числом до шестидесяти, вырыто руками человеческими в стародавние времена.

Тропинки высечены в горной породе, парапеты, ступени хорошо сохранились, посему гроты в курьезных коридорах и перегородках легко доступны.

Полагают, что здесь, в городке поистине происхождения кельтского, скрывались тамплиеры после деструкции ордена».

Юмбер Блан, прецептор Оверни, перебрался в Англию, однако там его арестовали, подвергли допросу.

В окрестностях Лиона, по слухам, многие тамплиеры нашли убежище в местах надежных (в монастырях, быть может), представляя, опять же по слухам, угрозу мирным поселянам.

В Испании учредили, на манер Тампля, ордена монахов-шевалье: Калатрава, Алькантара, Авизэтьль, Сент-Жак-д' Эпе. После трагических событий тамплиеры вошли в эти ордена. Более всего их насчитывалось в основанном цистерцианцами ордене Калатрава.

В Португалии, как мы знаем, командорства Тампля просто переименовали в орден Христа, и «новые» тамплиеры остались в прежнем одеянии: белый плащ, красный осьмиконечный крест.

В Англии ситуация мрачная: аресты, тюрьмы, допросы и, понятно, требования денег и ценностей.

Согласно масонским преданиям, энное количество тамплиеров нашло приют в независимой Шотландии, где, никем не потревоженные, они основали франк-масоннерию — подобное утверждение очень проблематично.

В Германии их не преследовали, более того, местные клерикалы вообще их оправдали.

Итак, вероятность скрытой активности тамплиеров нельзя исключить априорно. Вполне возможна функциональность «тайной коллегии дигнитариев», хранящих не только секреты организации и политики

Тампля, но и принципы эзотерической инициации. Вполне возможно воспитание последователей, передача «тайного огня» и неведомых нам средств оперативного действия.

Вопрос о пролонгации активности Тампля пробудил поток чернил, и вряд ли поток сей иссякнет.

Бытие «тайной коллегии», влияющей на исторические события, будоражит умы честолюбиво-романтические.

Периодические «возрождения» ордена экстравагантны и забавны зачастую. Некий Фабре-Пелапра в начале девятнадцатого века произвел себя в Великие магистры: неопровержимым доказательством подобной «филиации» послужил «документ» начала четырнадцатого века, написанный на ужасном французском в стиле века пятнадцатого.

Вполне живописны Knights-Templars of Amerika в солидных «мантиях» и касках, украшенных пышными криньерами, — их весьма ценят фоторепортеры.

Ныне разных «тамплей» предостаточно, один секретней другого, все они числятся в официальной «Ассоциации», печатают бюллетени и много чего. Среди них встречаются даже протестанты, которые, кажется, забыли, что «Наша Дама — начало нашей религии... Она и ее Честь — цель нашей жизни и нашего ордена...»

Все эти «тампли» ужасно эзотеричны и манипулируют секретными символами столь же уверенно, как стратеги кафе «Коммерс» цифрами и спичками.

Вообще говоря, ничего плохого в этом нет и такого рода «инициативные сеансы» куда безопасней секретных совещаний атомистов Невады. Так или иначе чувствуется желание хоть как-то пробудить «человека спящего» возможной перспективой жизни более сублимированной, что было одной из миссий Тампля. И если нынешние «рыцари» покупают добротные мантии — что же, персональная бедность сегодня не в моде.

Фабре-Пелапра, дабы предварить собственное «избрание», включил в число Великих магистров знаменитого военачальника дю Гесклена. Другие претенденты включили Жанну д' Арк в число шевалье (!) (насколько я знаю, представительницы прекрасного пола, согласно уставу, не допускались в орден).

На эту тему — подлинная и удивительная история со штандартом Жанны д' Арк во время коронации Карла VII.

Знаменосец Жан де Фуко внес в собор знамя Жанны д' Арк — вполне понятно, ибо Орлеанская дева командовала армией. Однако церемониймейстер воспротивился знамени. Известен ответ Жанны д' Арк: «Он претерпел много бедствий, и должно воздать ему почести».

Он?

Это не знамя — здесь бы заминки не вышло, это штандарт. И все же: знамя или штандарт, почему подобная сцена?

Очень соблазнительная гипотеза: «он» черно-белый штандарт тамплиеров — «Босэан».

Далее воображение движется легко и свободно: Жанну д' Арк, предназначенную Тамплю, воспитывал и учил военному ремеслу Жан д' Олон, ее оруженосец и, надо полагать, тамплиер.

В Шиноне — том самом Шиноне, где на стенах еще остались «граффити» пленных дигнитариев, — она открыла дофину свою причастность Тамплю и даровала «прощение» наследнику престола, но не прямому потомку Филиппа Красивого (король английский был прямым потомком).

Проданную и преданную Жанну д' Арк судила и сожгла инквизиция за ересь и шизму — аналогично

Жаку де Моле.

Несомненен в истории Орлеанской девы оккультный подтекст. Но не шла ли речь о предполагаемой постаивности тамплиеров? Дело непонятное, сугубо секретное...

20. Ересь

Инквизиторам прежде всего требовалось доказать присутствие ереси. Они, вероятно, в это верили, верили и французские епископы, которые передали тамплиеров светской власти, то есть костру. Собор в Вене, как известно, колебался вынести окончательный вердикт — папе пришлось запретить орден самовластной своей буллой.

Даже во Франции не слишком-то окончательно верили в ересь.

А что арестованные, обвиняемые, пленники? Дошедшие фрагменты материалов процесса, многочисленные протесты, наконец, экстраординарная «молитва тамплиеров» — все свидетельствует: они вовсе не считали себя еретиками.

Теологов среди обвиняемых не было, но тем не менее они утверждали категорически: мы католики апостолические, римские, только папа, но не инквизиция, имеет право судить орден. Признавая, так сказать, свои ошибки, они вряд ли считали таковые прегрешениями против веры. Ругали себя, к примеру, за нарушения церемонии приема в орден. Пленники постоянно просили допустить их к мессе, к причастию — не похоже, что-то на ересь.

И тогда?

Ересь не была их сильной стороной. И тогда?

Я не верю, что орден тамплиеров уклонился от религиозной сущности, преподанной святым Бернардом. Они повторяли неустанно: «Твоя религия есть Храм Христов, религия, утвержденная Собором в честь святой и преславной Девы Марии Матери молитвой благословенного Бернарда, исповедника твоего, избранного римской церковью. Святому Бернарду и другим достославным мужам *доверена миссия*».

Но религия святого Бернарда очень и очень оличается от инквизиторской.

Разумеется, тамплиеры конца тринадцатого века изменились сравнительно со временем учреждения ордена. Ведь все на свете вроде бы меняется. Улучшилось качество одежды и пищи. Хозяйственная эволюция пошла на пользу ордену, однако и население значительно выиграло.

Никогда не нарушали они одного из главных своих правил: *sine proprio*, то есть не иметь собственности.

И если воины, возвратясь с Востока, вели себя порой надменно и заносчиво, их вера не запятнана ничем.

Согласно уставу, милостыня раздавалась три раза в неделю, остатками трапезы двух шевалье кормили бедняка.

Служили мессу трижды в неделю — этот распорядок в церквах, посвященных Нотр-Дам-дю-Тампль, сохранялся еще в семнадцатом веке.

Причащались три раза в год...

Если подобные правила свято соблюдались, должно ли предполагать какую-либо ересь в ордене?

Многочисленны шевалье, что покинули орден ради Сито, ради полного монашества.

Непонятно, как при таких делах распространилась ересь.

Вопрос вот в чем: не сам ли святой Бернард, один из Отцов Церкви, навлек подозрения инквизиции?

Чудеса святого Бернарда, признанного томатурга, не отмечены ли дьяволизмом? — дьяволизм взвинтили до крайности, сатану превратили в квазибога, регента материального мира, родного брата манихейского «демона».

Вряд ли инквизиторам нравился тот, кто возгласил: *Regnum Dei intra nos est* — Царство Божие внутри нас. Кто возгласил: «Буки и дубы лесные — учителя получше книг». Кто написал — алхимик познания Божьего: «Бросьте книги, ступайте в леса. Медом сочится камень, масло проступает из гранита. Разве скалы не дистиллируют сладости? Разве холмы не текут молоком и медом? Разве дикие долины не расцветают полезными злаками? Столько, столько всего надо бы сказать».

И добавим: разве такие концепции Божества по зубам тривиалам? Когда тривиалы делают законы — это тривиальные законы.

Малоприятный момент при чтении допросов: «дух», «кураж» покинули тамплиеров. Однако финал Великого магистра Жака де Моле возвращает им честь.

На процессе ни Жак де Моле, ни другие главные дигнитарии не блистали мужеством и тонкостью ответов.

И все же. 18 марта 1314 года — орден запрещен около двух лет буллой папы — на эшафоте близ собора Нотр-Дам в Париже появились: Великий магистр Жак де Моле, визитаторы Гуго де Пейро, Жоффруа де Гонвиль, Жоффруа де Шарнэ.

Дабы выслушать пред огромной толпой приговор о пожизненном заключении.

После чтения приговора слово взял Жак де Моле. Согласно Лизерану, у которого я заимствовал воспоминание Виллани, «он сказал, что ереси и грехи напрасно приписали ордену; что Тамплъ всегда руководствовался уставом святым, справедливым и католическим; но что он, Жак де Моле, заслуживает смерти, ибо убоился пыток и уступил лстивым нашептываниям папы и французского короля. Жоффруа де Шарнэ в свою очередь объявил лживыми все обвинения ордену и признания, вырванные пыткой».

Жак де Моле и прецептор Нормандии отлично понимали неизбежность костра после таких заявлений. Спустя два года после аннигиляции орден спасти нельзя.

Это лучшая гарантия искренности Жака де Моле и Жоффруа де Шарнэ.

Сразу же последовало обвинение в богоотступничестве, и пленников передали светским властям, то есть парижскому прево. Тотчас собранный королевский совет присудил их к немедленному костру.

Вечером двух дигнитариев сожгли на островке близ парижского Сите — сейчас на Новом мосту, позади конной статуи Генриха IV.

Король, говорят, наблюдал казнь из окна своего дворца — ныне Дворец юстиции.

Рассказывает свидетель смертных мучений Годфруа де Пари:

«Великий магистр при виде подготовленного костра без колебаний разделся до ночной рубашки. Сообщаю впечатления свои. Великий магистр не изменил спокойного выражения лица, хотя его грубо толкали. Подвели к столбу, связали руки — тогда он обратился к палачам: „Распустите немного веревку, позвольте помолиться, Бог ведает мою невиновность. Несчастье скоро грядет на тех, кто несправедливо осудил нас. Умираю с этим святым убеждением — Бог отомстит за смерть нашу. Святой Боже, поверни лицо мое к Деве, Матери Иисуса Христа“. Каждый присутствующий был поражен легкостью и покоем кончины его».

Это требует размышления.

Жак де Моле непринужденно освободился от своей одежды тамплиера. Тамплъ в принципе не осужден. «Плащ» не подлежит огню и деструкции.

И

потом:

каждый был поражен легкостью и покоем кончины его.

Трудно вообразить «легкость и покой» смерти в пламени.

Как не вспомнить о специфике магических дисциплин, о еще не полностью утраченном знании, как не вспомнить о бонзах, что сжигались в Сайгоне, не проявляя особого волнения.

Вот тринадцатый катрен второй центурии Нострадамуса:

Тело вне души не есть сакрифис,
Смерть дает рождение новой заре,
Дух божественный воссияет, и душа
Увидит Слово в вечности.

И святой Бернарду: «Когда Слово входит в меня... грехи рассеиваются, плотские аффекты укрощаются, душа трансформируется. Рождается человек внутренний».

Сведение, полученное Тамплем, более чем устав.

Жак де Моле «увидел Слово в вечности». Надо ли удивляться авторитетному тону Великого магистра. Перед трибуналом Божьим он присудил к смерти папу и короля: Климента V в течение сорока дней, Филиппа Красивого — в течение года.

Тридцать семь дней спустя, двадцатого апреля, папа Климент V умер от колита в жутких страданиях, он, который так любил пожирать блага мира сего.

Через восемь месяцев в Фонтенбло, сброшенный лошастью король Филипп — король без кавалерии — скончался от паралича. Двадцать девятого ноября.

В том же году Ногаре — королевский юрист — погиб при непонятных обстоятельствах.

Доносчикам, которые «раскрутили» процесс, тоже не очень повезло: Эскье де Флуарана зарезали, Жерара Лаверна и Бернара Пеле повесили.

Ангеррана де Мариньи повесили в Монфоконе в 1315 году.

С 1328 года потомки Филиппа Красивого более не правили королевством.

...А потом войны, голод, мор, чума...

Выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские.

Легенды, легенды...

Едва догорел костер Жака де Моле и Жоффруа де Шарнэ, люди бросились собирать еще горячий пепел. Реликвии.

Ночью семь компаньонов-мастеров под началом тамплиера пришли на кострище, взяли по горсти пепла, швырнули в сторону королевского дворца и воскликнули Mache-nach (еврейское «будь проклят!»). По преданию, это возглас строителей Соломонова Храма после вести об убийстве Хирама из Тира, великого архитектора.

Как известно, «abacus мастеров» — один из атрибутов Великого магистра.

Династия угасла. Внука Филиппа Красивого, Эдуарда I Английского, свергли с престола и убили. Правнук, Эдуард III, разорил Францию.

21. Сокровища

Собор во Вьенне открылся 16 октября 1311 года, дабы разобрать обвинения в адрес Тампля и внести изменения в структуру Церкви.

Заслушав понтификальную комиссию, собор, перед вынесением вердикта, пожелал узнать аргументацию защиты.

Папе подобная аргументация была совсем ни к чему.

Булла *Vox clamantis* («Глас вопиющий») вполне красноречива:

«Дурна репутация тамплиеров, ужасающе подозрения и обвинения. Многие братья отличаются антихристианским образом жизни. Принятие в орден обставлено секретами: чего стоит клятва ничего не разглашать об орденских делах и никогда из ордена не выходить. Пока будет существовать орден, скандалы не утихнут. Принимая во внимание проступки и прегрешения братии, угрожающие вере христианской; принимая во внимание, что гораздо менее серьезные основания приводили к роспуску известных орденов, мы, не без горечи и скорби, отменяем вышеназванный орден не в силу юридического постановления, но апостолическим ордонансом».

Булла *Ad providem* регламентировала имущественные вопросы. В преамбуле высказано пожелание вырвать

тернии измены и надругательства:

«Мы отменяем статус ордена и так далее, включая имя и характер облачений. Аprobация Святого собора с нами. Отменяем не под формой приговора, что сделать невозможно из-за юридических сложностей, связанных с процессом, но предварительно, апостолическим ордонансом. Санкция категорична и постоянна. Запрещаем отныне вступление в орден, орденское облачение, орденский образ жизни под страхом отлучения *ipso facto*».

Орден «отменен», последователям грозит отлучение. Орден юридически не осужден. Климент V *толькополитик*.

Касательно имущества:

«Финально декретируем: имущество переходит в распоряжение ордена Святого Иоанна Крестителя навечно. Мы имеем в виду земли и ценности, коими орден Тампля, Великий магистр, братия, военная и монастырская, владели до времени ареста во французском королевстве, то есть до октября 1307 года».

Имущество вне французского королевства — в Кастилии, Арагоне, Португалии, Мальорке резервируется для Святого престола.

Похоже, «кассы» командорств и «сокровища вообще» не попали в руки французского короля.

Это чувствуется по раздражению Гийома де Плесьяна в его эпистоле Клименту V:

«Во многих местах мира нашего они укрепили замки свои против Церкви и ее верных соратников, затем похитили или растратили добро свое и даже священные сосуды...»

Проще говоря, официалам не удалось обнаружить ни денег, ни драгоценностей.

Собрали только сельскохозяйственный инвентарь, скот, всякую всячину, взятую под залог, и т. д. Ни золота, ни серебра, ни документов, кроме актов о купле-продаже земли.

Только два объяснения: либо официалы предпочли позаботиться о себе, а не о королевской казне,

либо заранее подготовленный приказ об аресте не составлял сугубого секрета.

Официалы, правда, забрали бы только деньги, зачем им документы.

В большинстве командорств вряд ли имелась весомая наличность, но не в случае «домов», расположенных на круциальных пунктах коммерческой активности, к примеру в Провене или Бокере. При учете векселей такие «дома» должны распоряжаться внушительными денежными суммами.

Отсюда легенды об утаенных сокровищах.

Логичны предположения о «тайниках» каждого командорства. Хотя грабители и обходили стороной «дома» ордена, полной гарантии от нападения значительных вооруженных отрядов не было. Разумно иметь на такой случай тайники.

Итак: существуют ли сокровища тамплиеров? Не исключено. И все же искателям оных надо учесть вот что: в командорствах, которые перешли в собственность иоаннитов, раскопки, надо полагать, велись добросовестно — там шансов маловато.

Тамплиеры, которые ушли от ищеек Филиппа Красивого, могли забрать ценности, поскольку знали, где искать.

Любопытные сведения о важных тайниках дают, возможно, «граффити» Шинона.

Поль ле Кур (журнал «Атлантис») весьма тщательно изучил эти «граффити».

Понтификальная комиссия, санкционированная папой, решила повидать главных дигнитариев Тампля, находящихся в плену. Папа задумал допросить их лично и, будучи в то время в Пуатье, затребовал пленников.

Ни король, ни инквизиторы не могли явно сему воспрепятствовать. Пленников под конвоем повезли из Парижа в Пуатье, но в окрестностях Тура на пленников вдруг напала негаданная хворь. Путешествие пришлось прервать, дигнитариев заключили в королевский замок Шинон, впоследствии снова перевезли в Париж. Папа так с ними и не встретился.

В Шиноне пленники разукрасили занятыми эскизами стены залы, куда их поместили.

Вольные наброски геральдически насыщены: игникор (сердце в пламенах), крест, тройной концентр, ромбовидный нессер, карбункул.

Поль ле Кур решил, что подобные рисунки оставили посвященные. Не лишено вероятия, хотя такие знаки можно выводить просто так, без всяких инициаций.

В любом случае пленники разумели язык символов. Но почему рисовать именно это, а не что-нибудь другое? Сами по себе данные символы вполне обычны. Вот их интерпретация — дело иное.

Но ведь пленники от скуки могли рисовать, что в голову попадет.

Но почему традиционные символы? Полагаю, они хотели передать нечто кому-то. И не просто кому-то, но людям, знающим сигнификацию символов. И только с одной целью: интерпретировать что-то в ребусе, в тайнописи.

И, вероятно, «граффити» Шинона адресованы не просто знающим, но знающим принятый у тамплиеров язык, — адресованы братьям.

Не для того, чтобы напомнить истины традиции, нет: братья должны узнать предназначенные только для них... секреты аспекта материального.

Возьмем пример, только пример, не более.

Предположим, дигнитарий нарисовал сердце, соединенное с крестом, — символ. Символ христианский, не специфически христианский, но все же. Они встречаются повсюду — в церквах, в часовнях, не останавливая взгляда.

Но ведь сердце рисуют разным манером: правильно или нет, сплошной линией или нет. Разрыв, искажение могут многое сказать посвященному в символическую криптографию, принятую, допустим, у тамплиеров.

Пикторально или фонетически такой «разрыв» обозначает, скажем... место.

Где профан заметит только сердце и крест, «эрудит» прочтет, к примеру: «В таком-то командорстве тайник (разрыв) находится в сердце под крестом».

Только для посвященных.

Конечно, никаких доказательств нет, но разве это лишено логики?

Тут еще вот какой момент: «граффити» Шинона не нацарапаны гвоздем скучающего заключенного, нет: это настоящие «интальо», выполненные не очень умелой рукой, но глубоко врезанные в камень. Не без намерения, очевидно.

Монетарная ценность предполагаемых тайников учету не поддается.

Но разве дело в деньгах?

22. Лес

Жак де Моле в пиете своей просил не растрачивать и не разорять имущества Тампля. Преследователи поспешили это сделать — слишком соблазнительный пирог.

И вошли во вкус. Несколько позднее поднялось недовольство против братьев ордена Святого Иоанна — чем они лучше тамплиеров?

Церковь молчала. Уничтожить еще один монашеский орден — повторный подвиг не заведет ли слишком далеко? К тому же Филипп Красивый умер.

Госпитальеры быстро распродали присужденные им командорства. Вместе с недвижимостью исчезли те или иные ценности. А «сокровище» Тампля? Его ищут до сих пор.

Каковы же компоненты пресловутого сокровища?

Золото? Документы? Похоже на то. Или нечто более ценное?

Грааль.

Грааль вне всяких дефиниций, равно как изумруд Люцифера, котел Луга, золотые яблоки Гесперид, Око Гора, золотое руно, Скрижали Закона, кубок Тайной вечери...

В разных видимостях и деноминациях один и тот же объект. Так?

Слова, переведенные с мертвых языков, при утрате каббалистического ключа, говорят нам, быть может, о призрачных, а не подлинных объектах.

Итак: цивилизацию развивают символы подлинных объектов.

Символы — да, но должны же быть приближения к подлинным объектам: письмена, гравированные, начертанные «знаками» универсального языка, — этот язык иногда именуют «языком птиц»; барельефы, скульптуры, в которых угадывается «ключ вселенной».

Вселенной человека в ситуации человека.

Объекты — талисманы. Мы знаем, но знаем, увы, плохо, сколько форм «действует» на человека; всякий объект в присущих пропорциях, мерах и натуральных ритмах направленно влияет на своего наблюдателя.

Платон объясняет: артисты взыскуют идею Красоты в пространстве Божества и пытаются отразить в своих артефактах.

Грааль насыщает избранных созерцателей радостью и расцветом.

Возможно, акция «насыщения» раскрывает Интеллект, который, в отличие от рацио, способен читать «природу вещей».

Понятно стремление скрыть подобный объект от хищной агрессии «учеников чародея». Антей и дракон охраняют сады Гесперид; Изида обращает Око Гора в невзрачный камень: отец Медеи стережет на Кавказе, где закован Прометей, золотое руно: Моисей кладет великий запрет на Ковчег — его оберегали левиты, Соломон зарыл в подземелье...

В наше время атомисты не очень-то успешно скрывают формулы, грозящие погубить человечество. А ведь это робкие приближения к познанию.

Когда в двенадцатом веке расцвела, в христианской окраске и форме, легенда о Граале, рыцарство обрело великий идеал и *raison d'etre*. Мечта о Граале, поиск Грааля. Созерцание Грааля насыщает тело,

душу, дух.

Поиск, «страж порога», стража.

Легенда: азиатский принц Периль построил в Галлии великолепный храм по модели Соломонова Храма и поместил там Святую чашу.

Рыцарская стража, собранная для оберегания Грааля, препятствовала честолюбцам, алчным, недостойным вообще.

Этих рыцарей звали «тамплистами».

Тамплисты не отвечают на вопросы о храме, Граале, принципах своего служения, тамплисты не помогают любопытным. Выслушав подобные вопросы, тамплист, сколь бы далеко ни находился, обязан вернуться в окрестность храма.

Начальник тамплистов именовался «королем Грааля».

Волей судеб Запад недостоин иметь на своей территории Грааль. Персеваль (в переводе: «озаренная долина») во главе тамплистов доставляет Святую чашу в страны Востока.

Ориент для нас понятие географическое — более или менее далекие страны рассветного солнца. Для Средневековья это принципиальная красота объекта — говорят еще: перл Востока. Это сакральное рождение Света, алтарь Церкви. Ориент — одно из имен Христа в средневековой традиции. Это «заря» в смысле «пробуждения», это «озарение» вообще.

Еще сейчас в масонских ложах трон венерабля — на Востоке, в компаньонажах — место магистра.

Итак, Персеваль доставил Грааль в страны Востока. Но Грааль, собственно, и есть Ориент.

...Тройной концентр владений тамплиеров окружает Фор-д' Орьян. В междуречье Сены и Об у них монополия «gruerie», то есть право на охрану и эксплуатацию лесных угодий.

Ориент — не есть ли Фор-д' Орьян?

Возвращаемся...

13 ноября 1307 года, во исполнение приказа об аресте, Жан де Вилларсел, прево Труа, взял сорок вооруженных всадников навестить командорство Пейенс. Нашли только нескольких братьев, в том числе Рауля де Жизи — сержанта-прецептора Пейенса и Труа.

Слабо укрепленное командорство, видимо, оценили высоко. Однако прево Труа нашел там столько же, сколько его сослуживцы в других аналогичных местах.

Сокровище? Возможно, там и было сокровище, воспоминание о нем, во всяком случае, осталось.

Самолет заканчивает круг над Фор-д' Орьян: высота стирает прямые линии современных дорог, и куда легче представить чашобу в стародавние времена.

Надо рассмотреть лесотехнические карты — абстрагируясь от шоссе и просек нового времени, станет понятна непроходимость этих мест.

Осенью на разбухшей от воды земле чувствуются опасности дикого леса, умноженные когда-то десятками искусственных водоемов в болотистых бочагах.

На подробной карте «Национальной географической службы» еще видны высохшие ныне пруды.

Почва ужасная, единственный путь для группы или небольшого отряда — по гребням холмов: всякая

попытка отклонения обречена заболоченной сетью прудов и ручьев.

Некоторые урочища достижимы только для старожилов, знающих потайные тропки.

Лабиринт, очарованный лес...

Можно что угодно запрятать в этом лесу и никогда не отыскать без «волшебного слова». Поближе к сердцу леса орден Тампля соорудил систему водоемов.

Зачем? Рыбу ловить? Разве мало естественных прудов?

Система искусственных водоемов еще более затрудняет доступ. И еще один резон: тайники.

Лесная почва всего региона — так называемая «гастина», тяжелая глина, под ней — не пропускающий воду известняк.

Между прочим, орденские мастера (не религиозные архитекторы) при выделке подземелий использовали водонепроницаемую смесь разных сортов глины, напоминающую консистенцией современный цемент.

Дно искусственного водоема с его регуляцией воды — что может быть лучше для устройства тайника? Заниматься поисками в таком месте явно небезопасно.

Радиэстезия равно бесполезна из-за плотного слоя воды.

Может быть, командорства или байли скрывали свои ценности в донной земле искусственных водоемов?

Надо, правда, заметить: я насчитал в лесу Форед' Орьян пятьдесят пять водоемов, а сколько их там еще...

Если тайники существуют, отыскать их не так просто.

Очарованный лес... Роман Кретьена де Труа: вновь и вновь Персеваль лабиринтально кружит на подступах к замку Грааля.

Действие идет в Галлии, но эта Галлия напоминает лесистый регион Шампани — родные места Кретьена де Труа. И словно в романе — на окраинах Форед' Орьян два аббатства — Ларривур и Басс-Фонтен.

Персеваль расспрашивает старого отшельника, затем углубляется в лес: впереди — «гора Скорби». На вершине — «дуб ста светильников», где только самый бесстрашный рыцарь оставит коня...

Замок Грааля о четырех угловых башнях сокрыт от профанического взгляда. Охраняет замок король Рыболов. Разве мудрено найти короля сего среди многочисленных водоемов Форед' Орьян?

Замок короля Рыболова. Сказочные замки под водой.

Романы Кретьена де Труа, Гио Провинцала (наверняка имеется в виду Гюйо де Провенс) и Вольфрама фон Эшенбаха — путеводы, итинерары, тропинки...

Постскрипtum

Здесь и Там. В стихотворении Уильяма Блейка паломник входит в церковь: в алтаре ползет змея и плюется ядом на Святые дары. Коли дело обстоит так, пойду и лягу в хлеву со свиньями, решает паломник в начале девятнадцатого века. Потусторонние силы открыто глумятся над христианской святыней. Похоже, это конец. Здесь плохо, там совсем плохо. Там.

Античности чужда потусторонность и трансцендентность, античность всегда упрекают в переизбытке чувственной телесности. Откуда ей взяться, потусторонности, если нет понятия смерти? Танатос — потеря памяти при трансформации индивидуальности, ерунда по сравнению с величием и кардинальностью Смерти. Языческая философия не видит разрыва в единой цепи бытия, а потому ничего не понимает в иудео-христианской догматике. Плотин удивляется: христиане презирают конкретную землю и чувственно воспринимаемые вещи, утверждая, что для них уготована какая-то новая земля. «По христианским понятиям, душа любого, даже самого низкого, человека бессмертна, в отличие от звезд, несмотря на их дивную красоту». И полное недоумение: «Как возможно этот мир и его богов отделять от интеллигибельного мира и его богов?» (Эннеады, 2, 9.)

«Красота» — ключевое слово античной культуры, красота ведет к трудно достижимому «благу». Но дорога к пониманию красоты доступна только свободному человеку. Это «аристос», то есть достойный познать «благо». Люди несвободные — *instrumentum vocales* (инструмент говорящий), и больше ничего, будь они хоть сто раз богаты и родовиты. Отсюда совершенный абсурд христианства, по мнению языческой философии первых веков.

Арето — добродетель, аретология — учение о добродетели. Греческая культура, в отличие от средневековой, не разработала досконально этого учения. Единый полюс нравственного бытия — свобода; правильное воспитание способствует достижению свободы, так как пороки — пьянство, сладострастие, подобострастие, алчность, трусость — оттесняют к периферии зависимости и рабства. «Если какая-либо драгоценность, женщина, ребенок, — писал Архилаос (Спарта, IV век до н. э.), — слишком волнуют и притягивают тебя, отдай это, уйди от этого, если какое-нибудь божество слишком притягивает тебя, уйди в другой храм». И Кратил (Афины, IV век до н. э.): «Если нечто ужасает и отвращает, не спеши с выводами, вспомни: почему и каким образом возникли в тебе ужас и отвращение». Крайняя осторожность в оценках: суждение — «нравится или нет», «мое или не мое», «красиво или нет» — возможно лишь в процессе анамнезиса, в постижении индивидуального логоса.

В этом смысле политеистическая культура совершенно антисоциальна. Заботиться о ближнем — значит связываться с человеком низким, зависимым, неспособным удовлетворить даже самые простые нужды, — а поэтому небезопасно для душевного здоровья. Можно прийти на палестру, дабы стать сильным и ловким, или на собрание философов — послушать умные речи, но просить сочувствия или материальной поддержки постыдно. Это санкционировано волей богов — они «не любят» людей в духе христианского «агапе», молить богов о помощи бесполезно и небезопасно.

Христианская доброта, милосердие, самопожертвование, «не делай другому нежелательного для себя» — нонсенс, добродетели нищих, рабов, трусов, которых, собственно, за людей принимать нельзя. Пассивное ожидание персональной или общественной подачи, тяжкие вздохи касательно жестокости богов и людей, потом объедки, лохмотья, гниение в мусорной куче... — прекрасно, гумус полезен, у тебя есть шанс, возродившись собакой, научиться вилять хвостом и строить глазки мяснику.

Но случилось непредвиденное. С Востока пошли поветрия, слухи, предчувствия конца света, появилась черная звезда на горизонте, которую назвали Немезидой. Вскоре распространилась новая

эсхатологическая религия — христианство.

Разве не видел античный мир разложение и смерть до иудео-христианства? Да, но это совсем другая история. Смерть — разделение души и тела. Последнее либо разлагается в неопределенности материи, либо становится объектом разнообразных магических влияний. Душа, если не отличается энергической автономией, вовлекается хищной материей в какое-либо новое сочетание, входит в растение, камень, зверя — отсюда пифагорейский метемпсихоз. В непрерывных круговоротах и трансформациях нет и не может быть «создателя», боги — только демиурги, организующие стихийные данности материального мира своим божественным эйдосом и сперматическим логосом.

Креации *ex nihilo* необходимы: начало и конец, всякая вещь рождается и умирает. Но ведь звезды, металлы, камни остаются? Во-первых, они со временем развеются пылью, во-вторых, вообще мертвы, потому конец света их не особо волнует; растения, звери и люди — вот кто немного помучается, а затем их ждет «ничто». Христиане готовы согласиться с таким иудейским вариантом, делая исключение для людей, притом верующих в строгую догму людей: беспросветный дуализм жизни и смерти переходит у них в не менее жестокий дуализм вечного блаженства и вечных мук.

Для языческой культуры иудео-христианство — пустыня и антижизнь, то есть нелепое прозябание, где запрещено практически все: нельзя приносить жертвы источникам и монолитам, любить статуи, деревья в лесу, женщин и мальчиков на дорогах; следует согнуть плечи в ожидании бича божьего, терзать плоть голодом и болезнями, замаливать грехи, служить калекам и убогим. Суеверие рабов и старых баб, полагали неоплатоники. Только после принятия христианства Константином и раскола Римской империи стало понятно, насколько это серьезно. Иудео-христианство разрушило автономный мужской принцип и мужскую цивилизацию: Риму хватило сил уничтожить Карфаген, однако религиозный и политический разброд третьего, четвертого веков нашей эры доканал империю. Сыновья матерей, все более многочисленные, постепенно вытеснили сыновей отцов. Кто они, сыновья отцов?

Трудно представить образ свободного мужчины-воина. Известный историк Арнольд Тойнби в книге «Война и цивилизация» попытался это сделать по разрозненным отрывкам из Геродота, Тита Ливия, Тацита, Диона Кассия. При самых разных обрядах инициации имеется в виду достижение одной цели: оторвать юношу от материнского притяжения, развить индивида, независимого от телесных страданий, наслаждений, голода, холода, тепла и сытости; сожалений о прошлом и надежд на будущее; от чьих угодно мнений. В результате молодые люди, выбранные для воинской судьбы, отличались великолепной ориентацией в походе и битве, не нуждались в собственности, не реагировали на соблазны мира сего, довольствовались двумя-тремя лепешками в день. Все это давалось жестокой магической инициацией, не имеющей отношения ни к выучке, ни к тренировке. Несмотря на некоторое сходство, воины Спарты или отборных легионов Цезаря, Тита, Траяна принципиально отличались от самураев, прусских юнкеров, английских джентльменов отсутствием правил и кодексов. Там не было речи о «хладнокровии» и «презрении к смерти». Но как представить людей, живущих вне понятия смерти?

Война в те времена имела несравненно более глубокие основания, нежели впоследствии, в силу пантеистической сакральности жизненного пространства. Конфликты в пределах одного ареала вызывались междоусобицей богов, внешние войны — экспансией своих или чужих богов. Война грозила космосу-отцу и матери-земле, священным источникам, лесам, монолитам, обитателям стихий. Другие народы и расы — не просто «другие», это враждебные орды, подвластные неведомым божествам неведомых созвездий-архипелагов бесконечного Океана, по которому плавали когда-то великие герои — Геракл, Язон, Беллерофонт.

К началу новой эры космография утратила свободу, «двери перцепции» (Уильям Блэйк) стали понемногу закрываться, звездное небо отделилось от земли, беспредельный Океан превратился в зажатые

материками «водоемы» Страбона и Птолемея, «умер великий Пан». В сущности, настал конец «железного века» и начало иудео-христианского небытия: «плачьте, дети, ваш отец умер» (Валерий Флакк). Плотин это выразил следующим образом: вечно возбужденный фаллос Гермеса перестал извергать сперматические эйдосы на землю-мать. (Эннеады, 3, 7). Так постепенно выродились «дети Отца» в сакральном пространстве греческого и римского мифа.

В сыновьях матери-земли (раса Антея) нет тайного формирующего огня, потому они непригодны для мужской инициации. Смерть для них — зловещая неизвестность, распад в ничто, в лучшем случае робкая надежда на милосердие высших сил. Классическая матриархальная метафора: «люди — листья». Сыновья матери децентрализованы, постоянно озабочены источниками жизненной энергии и живут по принципам: «иметь», «надо», «приобрести». Отсюда неизбежные апофегмы: жизнь — борьба, жизнь — конкуренция, жизнь то да се... получается, жизнь от живого человека отделена. Децентрализация лишает индивида индивидуальности, он уже не есть нечто целостное, но часть «инога», и все необходимое вынужден заимствовать у этого «инога».

Бескрылый мужской эйдос более не в силах конкурировать с женской материей, она подавляет и препятствует развитию автономного мужского начала. В мужской душе умирают божественные эйдолы Пана, Эроса, Гермеса. Так вырастают сыновья матери, «маменькины сынки», беспокойные, тщеславные, жадные, беспощадные и совершенно беспомощные вне сферы какого-либо авторитета. Если раньше поместья, виллы, дворцы, золото служили точками опоры танцующим ногам, в середине первого тысячелетия все превращается в самоцель. Из-за ярко выраженной децентрализации мужчины стараются избегать боли в стремлении к наслаждению. Резко увеличивается роль женщин в политике и семье, сакральная проституция заменяется «обычной», запрещенной языческим ритуалом. Удовольствие, радость, наслаждение превращаются в противоположность страдания, число дуальностей возрастает, раздробленность бытия катастрофична.

Иудео-христианство — религия социальная и матриархальная: мать и дитя, женские добродетели — отзывчивость, заботливость, милосердие — акцентированы чрезвычайно. Ситуация мужчины весьма негативна в непосредственной ассоциации библейского «змия» и фаллоса. Уже в первые века христианства монахи называли пенис «цепным псом», дьяволом, или «аггелом сатаны», которого надобно укрощать постом и терзанием плоти.

* * *

Задолго до Христа в средиземноморском языческом ареале патриархат провел свои последние грандиозные войны.

Пунические войны.

Они отличались продолжительностью и крайней жестокостью. От Полибия известно о так называемой «финикийской триаде». Когда в 146 году до нашей эры легионы Сципиона Африканского (Младшего) вошли в Карфаген, римляне поразились внутреннему убранству центрального храма: на алтаре возвышались три статуи: средняя — великая мать Баалтис — стояла спиной, выпятив зад и, улыбаясь, смотрела через плечо на зрителей опаловыми глазами; справа от нее Молох — на месте пениса меч при отсутствии тестикулов; слева бог золота Ваал — тестикулы при отсутствии пениса. «Тестикулы» — два кожаных мешка, наполненные золотыми монетами, пересыпанными пеплом принесенных в жертву мужских гениталий. Агрессивный матриархат: мужчина, вне своей природной роли, — «специалист», и только — либо солдат, либо купец.

Патриархальный Рим победил в Пунических войнах, но надолго ли? После Трои, убийства

Агамемнона его супругой, убийства этой супруги ее сыном Орестом, матриархат очень четко о себе заявил. Эсхил поведал в «Орестей» перипетии божественного суда над Орестом, который отомстил за отца. Эвмениды требовали жестокого наказания, Афина и Аполлон защищали обвиняемого, в сущности, мужское первоначало: главное — семя, а не сосуд, в коем оно произрастает. Нет, семя от земли, — возражают Эвмениды, — пенис играет незначительную роль плуга, дикой природе он вообще не нужен, девственная земля пронизана приапическими речными демонами.

Итак: с одной стороны, свободное, небесное мужское начало, источающее сперматические эйдосы, с другой — аутогенная великая мать, в водах которой функционирует оплодотворяющее семя.

Иудео-христианский миф о креации только по видимости патриархален. Да, мужчина создан первым, но, скорее, как эскиз, небрежный набросок. Вот как рассуждает Агриппа Неттесгеймский в любопытной книге «О превосходстве женского пола над мужским»: мужчина был сотворен, подобно зверям полевым, из обычной «глины», женщина из несравненно более качественной материи в раю. Женщина «продумана» лучше и лучше сложена, благодаря регулам из ее организма удаляется «дурная кровь». «Женщина, — заключает Агриппа, — дух духа, душа души, тело тела». (Ницше, не особый любитель женского пола, заметил в «Человеческом, слишком человеческом»: «Создав женщину, Бог показал свое мастерство; при виде мужчины понятно, какие трудности ему пришлось преодолеть».) В драме грехопадения мужчина также повел себя не лучшим образом: во-первых, послушался Еву, во-вторых... кусок плода застрял у него в горле (адамово яблоко), из-за чего выросла борода и не весьма красивые гениталии.

Итак, по крайней мере после грехопадения, мужчина утратил «первое место». В подлунном, «низшем» мире, меж двух великих матерей — Луной и Землей — он обречен на беспросветный матриархат. Вот что сказал Николай Кузанский в книге *De conjecturis* («О предположениях»): «В низшем мире неделимость вырождается в делимость: единство неделимой формы теряется в делимой природе... постоянство теряется в непостоянстве, бессмертие в смертности, акт в потенции, мужское начало в женском». Ряд подобных оппозиций легко продолжить: идея распадается в релятивизме, целое в аналитике, прекрасное в хаосе, индивид в социуме. Вывод: «небесное» теряется, распадается в «земном».

Эта вполне традиционная мысль проходит через схоластику и неоплатонизм. Стоики и неоплатоники выражают ее примерно так: после «смерти великого Пана» (атмосферы небесного божественного присутствия) Гея, мать-земля, осталась, так сказать, «вдовой»; ее оплодотворяет Луна мужской своей ипостасью (Лунус, Эндимион, «месяц»), Посейдон-Океанос, речные божества.

Все это степени последовательного распада эйдетической формы в материи (*forma formante in materia*). От неба к земле, от неделимости к делимости, от нечетности к четности, от мужчины к женщине, от одного универсального эквивалента к другому.

Бог и маммона — универсальные эквиваленты. Когда-то человеческая ценность определялась причастностью к Богу, ныне — причастностью к деньгам.

* * *

Таковы предварительные рассуждения к теме: рыцарь, рыцарский орден, Прекрасная Дама. Понятия трудные, ибо у нас нет, выражаясь словами Хайдеггера, «онтологического опыта» подобной эмоциональности. Здесь возможны только догадки, более или менее удачные предположения.

Новициат, ночная стража, удар или три удара эспадой по левому плечу, золотые шпоры — похоже ли это на воинскую инициацию вообще? И да, и нет. Скрывается ли в посвящении мистическая тайна? Направлен ли рыцарь на земные завоевания? Прекрасная Дама — кто она?

Квентин Дорвард, молодой шотландский воин, вздыхая по недостижимой красавице, графине Изабелле, думает: она никогда не станет моей, но я буду направлять по ней жизнь — так кормчий направляет путь по северной звезде. Здесь элемент «атаг», мистической любви, но только элемент. Вальтер Скотт не допустил подобного бесцельного томления, симпатичный его герой в конце концов женился на Изабелле, обзавелся богатым поместьем и детьми.

От Вальтера Скотта много ждать нечего, он позитивист, несмотря на романтические свои наклонности; вернее, Вальтер Скотт, человек современного духа, резко разделял имманентное от трансцендентного, проще говоря: эльфы, драу, потустороннее, мистическая любовь хороши на своих фантастических территориях, а жизнь... жизнь это борьба, деньги, поместья, дети и прочее. И тем не менее у великого автора есть пассажи поучительные.

В знаменитом романе «Айвенго» представлен рыцарь-тамплиер. Бриан де Буагильбер, участник Крестового похода, не очень-то привлекателен, несмотря на свою доблесть. Писатель не жаловал великий орден Тамплъ. Но поскольку нам этот орден по душе (иначе зачем издавать подобную книгу), любопытно обратить внимание на трагедию сэра Бриана. Он влюбился в чернооковую Ревекку, дивной красоты еврейку, блистающую к тому же высокой моралью. Это романтическое *conjunctum oppositorum* возбудило дарование Генриха Маршнера (опера «Тамплиер и еврейка») и Эжена Делакруа (картина «Похищение Ревекки»), но дело в ином — в проблеме Прекрасной Дамы. Бриана де Буагильбера можно понять «почеловечески»: тем не менее он, посвященный рыцарь, преступно нарушил обеты, за что, в сущности, погиб.

Но зачем вообще обеты?

Дабы защитить неопита от коррозионного влияния мира сего. Обеты целомудрия и бедности помогают в борьбе со страстями, разъедающими душу, — алчностью и сластолюбием. Обеты — «внутренняя броня», согласно «Панегирику бедным рыцарям» святого Бернарда, обеты сохраняют «индивида» (то есть «неделимого») от распада в «делимости». К примеру, щедрость и милосердие необходимы для нормальной регуляции индивида в обществе: надлежит отдавать социуму полученное от него, чтобы не контаминировать душу накоплением чуждого.

И все-таки.

Зачем предаваться суровой, опасной, нищенской жизни, если доблесть и сила позволяют раздобыть много золота и сколько угодно «прекрасных дам»? Если мы случайно рождаемся из «ничто» и туда же закономерно направляемся, на подобный вопрос нельзя ответить убедительно — любые идеологические либо религиозные псевдоответы всегда оставляют привкус демагогии. «Сражайтесь, храбрые рыцари! — восклицают герольды в романе „Айвенго“. — Человек умирает, а слава живет! Сражайтесь! Смерть лучше поражения! Сражайтесь, храбрые рыцари, ибо прекрасные очи взирают на ваши подвиги!» Это пустая болтовня для скептика и материалиста.

На вполне разумные доводы Ревекки Айвенго отвечает так: «Тебе хотелось бы потушить чистый светильник рыцарства, который только и помогает нам распознать, что благородно, а что низко. Рыцарский дух отличает доблестного воителя от простолюдина и дикаря, он учит нас ценить свою жизнь несравненно ниже чести, торжествовать над всякими лишениями, заботами и страданиями, не страшиться ничего, кроме бесславия. Ты не христианка, Ревекка...» Айвенго прав, да не совсем. Ибо «чистый светильник рыцарства» помогло потушить христианство, которое выродилось в социально-политическую догматику, буржуазное иудео-христианство. Иудейство признает только земную жизнь, не признает или принимает с большими оговорками наличие индивидуальной души. Трансцендентная миссия — за избранным народом, не за личностью (мы, понятно, не имеем в виду мистические школы). В обычном смысле это означает превалирование матери, материи, социума. Потому-то социальное христианство под сильнейшим влиянием иудаизма до крайности противоречиво и неясно излагает судьбу души вне границ мира сего.

Популярная и «доходчивая» религия озабочена не просвещением, а повиновением паствы.

* * *

Максим Исповедник, Иоанн Скот Эриугена и другие схолиасты-неоплатоники, вслед за Ямвлихом и Синезием, разработали учение о субтильном «теле квинтэссенции», не подверженном, подобно физической плоти, распаду и тлению. Его «эйдолон» таится в сердце, «разум сердца», обеты и добродетели суть методы культивации эйдолона, или небесного сперматического логоса. При его пробуждении начинает вырастать внутреннее пространство квинтэссенции, или «тело души» (так как душа состоит из четырех элементов, только более субтильных — похожее воззрение у индийской системы «санкхья»).

Этот эйдолон, этот логос — Христос мистического христианства, эта круговая квинтэссенция — Дева Мария, Наша Дама. Вот почему называется она «дамой сердца» рыцарей-монахов. Удар эспадой по левому плечу символизирует «пробуждение умного сердца». Это несколько раскрывают слова Новалиса: «Мысль — только сон чувства, бледное, бескровное чувство». Подобное пробуждение дает постоянное ощущение настоящего момента и так называемое «интеллектуальное чувство», позволяющее, среди прочего, мгновенно принимать решение. Здесь преодолевается гибельный разрыв между жизнью рациональной и сенситивной. Но душа рациональная (*anima rationalis*) круговой функциональностью квинтэссенции ставит четкую дистанцию меж собой и земным миром и дистанцию нарушать нельзя.

Поэтому.

Что простительно Квентину Дорварду, непростительно Бриану де Буагильберу — посвященному рыцарю, ибо он дистанцию нарушил. Земная женщина — ее имя, внешность, даже слухи о ее красоте — может вызвать резонанс, активизировать пространство Прекрасной Дамы... и только. Упаси боже попасть в сферу ее притяжения; сказано в «Экклезиасте»: «Я смотрю на мир глазами своей души и нахожу женщину горше смерти. Она есть охотничий синок, ее сердце — клетка, ее руки — цепи».

Удивительным колоритом «атаг» окрашено стихотворение Александра Блока «Влюбленность». Отречение от земной тягости, сублимация «тела души», чувство вселенной более высокой выражено родственным «атаг» словом «влюбленность».

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на заре
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой мечты.

Времени, расстояния, постоянства не существует. Свободный живой простор героики, роскошное любовное томление, плавное, дивное легкомыслие в «прозрачных снах облаков». Но воздушная в оттенках холода страсть достигается беспощадным мучительным усилием. Вселенная этой страсти кипит враждой, войной, багряно-золотой исступленностью загадочного порыва:

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

Здесь и Там несоединимы, мечтанье раба о блаженном расползании в женском теле оппозиционной влюбленности, нелепо угадывать в морде базарной шлюхи черты Прекрасной Дамы. Дикая мысль о «совпадении противоположностей», положенная в основу христианской диалектики, неисчислимы бедствия принесла. Трудно не заметить кошмарного аспекта мистерии Христа. Зачем и ради кого Богу воплощаться человеком и позорно гибнуть на кресте? Ради подлого человеческого месива, которое не живет, а копается в геологии «ничто»? Спасти, выволить душу из оков брэнного мира нельзя, можно дать ей познавательный импульс. И потом: какая «душа» у этого людского скопища, анимированного стихийной турбуленцией?

Бог мученической смертью спас всех, потом оказывается — не всех, но только рабски преданных Церкви-матери — кому нужны все подобные абсурды, кроме власть имущих? Луи Шарпантье восхищается цивилизаторской и «хозяйственной» деятельностью Тампля. Если это так, значит, тамплиеры стали жертвой «темной стороны» добродетели: милосердие, милостыня весьма необходимы для нормальной функциональности индивида, но «умному сердцу» надобно избегать соучастия в суматохе нищих, голодных, страждущих — тут Ницше сто раз прав. Материя — это «лишенность» (*privatio*), дети матери нуждаются всегда. Хорош был бы Геракл в заботах об Антее.

Сыновьям отцов не пристало иметь дело с «маменькиными сынками».

Е. Головин